

**М. Кумберленд
КОШМАР ДЛЯ ПОЛИЦИИ
Д. Кийн
МОРЯК СОШЕЛ НА БЕРЕГ
Д. Криси
УГРОЗА ТЬМЫ**

Кошмар для полиции. Моряк сошел на берег. Угроза тьмы
М.: Полина М, 1994

Содержание:

- М. Кумберленд. Кошмар для полиции (роман), стр. 5-112
- Д. Кийн. Моряк сошел на берег (роман), стр. 113-230
- Д. Криси. Угроза тьмы (роман), стр. 231-342

М. Кумберленд

**КОШМАР
ДЛЯ
ПОЛИЦИИ**

Глава 1

Почему мужчины исчезают?

Когда он вошел в кабинет начальника полиции, Сатурнин Дакс почувствовал, что обычно ледяная атмосфера уступила место приветливости и даже сердечности.

— Входите, комиссар, — сказал шеф, — входите и садитесь. Я хочу вас представить господину Форестье. Месье Абель Форестье, это комиссар Дакс, один из лучших людей, которых воспитала набережная Орфевр.

Сатурнин поклонился и, увидев протянутую руку, пожал ее.

— Я уже слышал о комиссаре Даксе, — вежливо проговорил Форестье. — Рад, господин комиссар, знакомству с вами.

Сатурнин что-то проворчал и разместил свою дородную фигуру на сидении возле стола шефа. Совершенно необычная приветливость исходила от этого важного чиновника. Он предложил гостю сигару. Правда, ошибся ящиком и достал одну из своих лучших гаван, но вовремя заметил оплошность и исправил ее.

Комиссар закурил сигару, спокойно глядя на посетителя. В шестьдесят лет Абель Форестье остался мощным и жестким. Его редкие седые волосы и черные густые брови составляли странный контраст. Он был одет в черный пиджак и полосатые брюки, такие же классические, как и его выступающий белый жилет с целой батареей ручек. Одежда обошлась ему дорого, так же как и его зубы. Отвратительные руки. Чисто выбритый подбородок указывал, как говорится в описании внешности человека, на «энергичного мужчину». Улыбка, растягивавшая его губы, не отражалась в его холодных глазах. Таких острых ушей, как у Форестье, Сатурнин никогда не видел. Он отметил все это автоматически, как механик — марки проезжающих машин.

Шеф взял в руки нож для разрезания бумаг. В это время он напоминал собой учителя, стоящего перед грифельной доской.

— Господин Форестье обратился к нам с просьбой разрешить одну из небольших проблем, которые такой мастер, как вы, решит очень быстро. Речь идет об исчезновении одного мужчины, человека немолодого, больного или считавшегося таковым. Короче, мой дорогой комиссар, это одно из дел, которые нам хорошо известны. Нам нужно ответить на хорошо знакомый нам вопрос: исчез ли Эжен Видмер по собственному желанию или его заставили исчезнуть? Совсем простое дело. В сущности, это пустяк для офицера полиции первого класса, такого, как вы. Видмер возглавлял весьма значительное предприятие, его помощник умер. Потом существует жена... и молодой пасынок... и видите ли, я хорошо знаком с этими людьми, и с мужем, и с женой. Мы принадлежим к одному кругу.

Сатурнин снова что-то проворчал и посмотрел на Форестье, который, вынув изо рта сигару, говорил сухим тоном человека, знающего цену словам.

— Эжен Видмер, «Труш и Видмер — книгопечатание». Типография Сирано. Некогда большое дело. Труш умер несколько лет назад, и Видмер стал единственным владельцем. Я его директор. Последние два года Видмер не переставал жаловаться на здоровье и высказывать желание удалиться от дел. В конторе никто не принимал его серьезно. Видите ли, Видмер из числа тех больных, которые все время жалуются на здоровье, а умирают в девяносто пять лет, раздавленные автобусом.

— Воображаемая болезнь, — сказал шеф.

— А какая у него воображаемая болезнь? — спросил Сатурнин у Форестье.

— Он жалуется на бессонницу. У него безусловно катар дыхательных путей, как у большинства людей. Я слышал, как он беспокоился о своем давлении... или гипертонии. Мне кажется, я верно употребил этот термин.

— А пока, — проговорил шеф, энергично потрясая ножом для разрезания бумаг, — наш больной пользуется жизнью. Это гурман, который находит особое удовольствие в описании своих недуг, невидимых людям, которые имеют несчастье с ним общаться.

— Да, — сказал Форестье, — но существует масса вещей, которых нельзя видеть, когда не имеешь специального медицинского образования, господин комиссар. Весьма возможно, что Видмер болен.

— А теперь он исчез? — спросил Сатурнин.

— Да, в прошлую пятницу, днем. Это значит, двадцать шестого сентября. Его шофер, как обычно, приехал за ним без пяти минут четыре, и Видмер, как всегда, уехал с ним. Больше его не видели.

— А сегодня вторник тридцатое сентября, — вполголоса проговорил Сатурнин. — Мне кажется, господа, что вы не слишком беспокоитесь... и что вы ждали долгое время.

Краска бросилась на бледное лицо Форестье.

— Я не беспокоился. Как я вам уже сказал, за год или два Эжен Видмер понемногу отстранился от коммерческой активности, и мне все больше и больше приходилось вести дела. В типографии Сирано он скорее являлся человеком, желающим развлечься, чем серьезно заинтересованным делом.

— А он богат? — спросил Сатурнин.

— Он миллионер, — ответил шеф, — и если он работает, то только потому, что так ему хочется.

— Если я особенно и не беспокоился по поводу исчезновения Видмера, — продолжал Форестье, — то исключительно потому, что в последнее время он перенял эту английскую привычку с уик-эндами. Но я должен сказать, что до сих пор он всегда возвращался в контору в понедельник утром. Как вы помните, господин комиссар, человек в моем положении должен быть скромным и, безусловно, если бы не необходимость срочного принятия некоторых решений, которые в компетенции только владельца...

— Естественно, — сказал Сатурнин. — А что вы сделали, кроме того, что обратились на набережную Орфевр?

— Сегодня утром, когда я понял, что он не придет в контору, я позвонил к нему домой и поговорил с мадам Видмер.

— Вы знакомы с ней лично?

— Это сильно сказано. Я ее видел и разговаривал с ней, встречался с ней на ежегодных обедах, которые объединяли наших служащих. Но такого рода общения не приводят ни к какой близости. Я пожимал руки приглашенным, и Видмер делал то же самое.

— Это вторая жена Видмера, — сказал шеф. — Намного моложе его. Признаюсь, что она привлекательна, во всяком случае считаю, что многие мужчины о ней такого же мнения.

Шеф бросил вопросительный взгляд на Форестье, который в ответ без улыбки кивнул головой. Наклонившись вперед, он бросил сигару в пепельницу и иронически заметил:

— И если судить по тону мадам Видмер, то ее тоже не беспокоило отсутствие мужа.

— Значит, Эжен Видмер так и не появился ни в конторе, ни у себя дома? — спросил Сатурнин. — А что его жена сообщила вам по телефону? Вас удовлетворил этот разговор или вы пошли повидать ее?

— Я позвонил ей по телефону и все. Сказал, что мне нужно разрешить несколько деловых вопросов с ее мужем. Она ответила, что он не возвращался к обеду в пятницу, двадцать шестого сентября, что после этого он также не дал знать о себе.

— Значит, Видмер вышел из машины где-то между конторой и домом?

— Да. По словам мадам Видмер шофер довез его до бульвара, где тот собирался сделать покупки, если я правильно ее понял.

— Деньги? — спросил Сатурнин. — Его финансовое положение солидно. Ладно. А когда он покинул свой кабинет в прошлую пятницу, с ним было много наличных денег?

Абель Форестье покачал седой головой.

— Кто это может знать?

— Может быть, это известно мадемуазель Гонорин Лорд, его личной секретарше?

— Его личной секретарше? Она занимается хозяйством, прислужгой, приемами? И кроме того, она ведь работает и в типографии?

— Время от времени. У нее там есть комната, но она приходит не каждый день, как другие. Видмер поручил ей ведение своих личных дел, и она, вероятно, помогает мадам Видмер по дому.

Я ничего определенного не могу вам сказать. В сущности, я очень мало знаю о частной жизни Видмера и чем там занимается мадемуазель Лорд.

— Вы с ней не виделись? Вы не звонили ей по телефону?

— Нет, если только не она ответила мне, когда я звонил мадам Видмер. Мне кажется, я узнал ее голос, но я не задал ей ни одного вопроса. Я предпочел обратиться к мадам, понимаете? Как и я, личный секретарь должен быть скромным, может быть даже в большей степени, чем я.

Сатурнин подергал себя за усы.

— А эта секретарша намного моложе своего патрона?

Форестье улыбнулся.

— Она намного моложе, но я думаю, что очень немногие смогут считать ее соблазнительной. Ей тридцать лет, и Видмер, кажется, очень доволен ею. Это старая дева в полном смысле этого слова. Нет, господин комиссар, если в этом деле и надо искать женщину, то эта женщина, безусловно, не бедная Гонорин Лорд.

Легкая улыбка мелькнула на бледном лице шефа.

— Я согласен с месье Форестье, — заметил он, — я видел эту секретаршу. Только слепой может променять мадам Видмер на нее. Что там! Нет... нет!.. Вместе с тем, тут должна быть замешана женщина, почти наверняка.

— Да!

Сатурнин быстро повернулся к своему шефу. Последний пожал худыми плечами.

— Вы знаете, как это бывает, мой дорогой Сатурнин. Видмер достиг критического возраста, когда мужчина нуждается в любви и приключениях, особенно если эти веления сдерживались в течение ряда лет монотонной и безрадостной жизнью. Как и я, Видмер член Паддок-клуба. Там рассказывают разные истории — правдивые и вымышленные.

— И спортсмены Паддок-клуба верят, что у Видмера есть любовница?

— Ходят разные слухи. Звонит телефон, в игральную комнату приходят и говорят, что Видмера спрашивает женщина. Может быть, это была жена, может быть совершенно невинный телефонный звонок, кто знает. Телефонистка? Но она — сама скромность. Она даст себя растерзать, но не выдаст секретов членов клуба.

Шеф снова улыбнулся, с насмешливым видом вскинув вверх бровь. Потом выражение его лица изменилось.

— А честно говоря, — сказал он, — между нами, Видмер и не скрывал того, что он несчастен в семье. Почти все вечера он проводил в клубе. Вы знаете, что такое эти вторые браки, особенно, когда женщина на двадцать лет моложе своего мужа. К тому же есть дети. У Видмера есть пасынок, парень четырнадцати лет по имени Поль, Поль Видмер. По желанию своего отчима он носит его фамилию. Кажется, никто ничего не мог бы сказать против мадам Видмер с того момента, когда она семь лет назад вышла замуж, но мальчик, его сын...

Странное выражение появилось на лице шефа сквозь официальную маску, выражение отвращения, неприязнь...

— Избалованный ребенок, невоспитанный, грубый... и я готов считать его ненормальным. Форменный негодяй!..

Он замолчал, чтобы собраться с мыслями.

— Эта характеристика даже слабовата. Поль Видмер — это чума.

Сатурнин Дакс с ворчанием встал.

— Я пойду посмотрю. Месье Форестье, вы не можете нам дать какой-либо полезный совет?

— Нет. Я совершенно не знаком с частной жизнью Видмера.

Директор типографии Сирано встал и в свою очередь протянул руку Даксу, который пожал ее. Шеф обратился к последнему:

— Нужно по возможности избегать гласности, комиссар. Дело теперь в надежных руках. И пожалуйста, все время помните, что мы вращаемся в одном и том же обществе с мадам и месье Видмер.

— Я постараюсь этого не забыть, — ответил Сатурнин.

Сатурнин вернулся в свой кабинет, в котором уже находился бригадир Феликс Норман. Этот человек, немного смахивающий на англичанина, особенно манерой одеваться, набивал свою трубку.

— Добрый день! — весело воскликнул он. — Сегодня хороший теплый день. Черт возьми! Лучше чувствуешь себя в Конго, чем в Париже, и подумать только, что сейчас конец сентября! С ума можно сойти!

Сатурнин заворчал:

— Да, действительно тепло, но у нас есть работа. Один человек исчез, добровольно или насильно. Это Эжен Видмер, издатель.

— Видмер? Знаю я этого типа... Да. Слушал его как-то по радио.

— Да? Он занимается политикой?

— Нет, собиранием марок. Это была передача для филателистов. Он, наверное, придушил другого коллекционера или отхватил какой-нибудь особенный экземпляр. Эти фанатики готовы на все.

— Мы отправимся с визитом на бульвар Сюше, мой мальчик. Мне нужен сопровождающий, и вы пойдете со мной. Мне нужно задать мадам Видмер несколько вопросов.

— Я полагаю, речь идет о его жене?

Глава 2

Мать и сын

Полицейские оставили свою машину на расстоянии сотни метров от прекрасного дома на бульваре Сюше и постучали у входа. Горничная впустила Сатурнина Дакса и Феликса Нормана в большой зал, находящийся на нижнем этаже, и пока они ожидали мадам Видмер, бригадир высказывался относительно ковров, мебели, занавесей, находя их расцветку слишком яркой, а число превышающим разумные пределы. Он заметил также, что в зале очень жарко и не хватает воздуха.

— Стоило ли зарабатывать столько денег, чтобы покупать все это старье, черт возьми! Понимаю теперь, почему Видмер выкинул такую штуку!

Он пересек комнату, чтобы вблизи рассмотреть акварель, изображавшую довольно красивую блондинку с длинными волосами.

— Совсем недурно, — проговорил он, склоняя набок голову, как настоящий знаток. — Это модно, но почти приемлемо, хотя и не вяжется со всей этой стариной. То же можно сказать и о фотографиях. Они превосходны.

— Акварель подписана П. В., — заметил Сатурнин. — У хозяина есть пасынок четырнадцати лет. Это безусловно портрет его матери.

— В самом деле, мальчик не дурак.

— Судя по тому, что мне говорили, Поль Видмер отпетый негодяй, что совершенно не значит, что он дурак. Но нам нужна сестра, мой мальчик, хозяйка дома сейчас войдет.

В тот момент, когда Феликс сел на стул, дверь открылась и вошла мадам Видмер. Она была одета в платье пастельных тонов, и было видно, что сшито оно в дорогом ателье. Ее светлые волосы (прическа отличалась от той, что на акварели ее сына) старательно уложены, и это было лучшее, чем она располагала. Выглядела она почти худой, слишком хрупкой, черты лица ничем не примечательны, но цвет лица нежный, а сочетание больших карих глаз с золотистыми волосами делало ее довольно красивой женщиной.

Судя по тому виду, с которым она встретила обоих мужчин и попросила их садиться, она чувствовала себя совершенно спокойно.

— Вы из полиции? — спросила она, глядя на Сатурнина, мощное сложение которого навело ее на эту мысль.

— Я комиссар Дакс, мадам, а это бригадир Норман. Я не хотел посылать вам свою карточку. Будьте уверены, что мы сделаем все, чтобы не возбуждать никаких слухов.

Она наклонилась с легкой улыбкой. Ее безразличие бросалось в глаза. Сатурнин дал ей лет тридцать семь-тридцать восемь. Ее уши, такие маленькие и такие белые, казались анемичными.

На длинных пальцах сверкали два крупных бриллианта в несколько старомодной оправе. Грациозная и женственная она безусловно нравилась мужчинам. И вместе с тем комиссар знал, что ее первый муж инженер Томсон, так же как и Видмер, был пожилого возраста. Эта женщина два раза выходила замуж за мужчин на двадцать лет старше ее. Может быть, отсюда и ее апатия, если только она не была причиной слабого здоровья. Во всяком случае, Сатурнин придавал большое значение этим замужествам.

— Месье Форестье звонил мне сегодня утром, и я ждала вас. Я сообщила ему все, что знала.

— Очень хорошо, мадам. Значит, месье Видмер не вернулся в прошлую пятницу?

— Именно так, месье. Он сказал Колла, нашему шоферу, что ему необходимо сделать кое-какие покупки, вышел из машины на площади Трините в пятницу, около четырех часов, и после этого Эжен больше не дал о себе знать.

Очень спокойная, она разгладила на коленях юбку и продолжила:

— В пятницу вечером в девять часов я подумала, что Эжен отправился в свой клуб. Так как Поль — это мой сын — был очень голоден, мы сели за стол, но на полчаса позднее обычного.

— А позднее вы не звонили в клуб, мадам? — спросил Сатурнин.

Фелисити Видмер слегка покраснела.

— Нет, я не звонила. Я позвонила в Паддок-клуб лишь на следующий день.

— В самом деле?

— Эти клубы с их служащими всегда бывают неприятны для женщин. Вы, мужчины, по-своему солидарны. — Она слегка улыбнулась. — Во всех случаях я убедилась, что трудно узнать, находится ли член Паддок-клуба там или нет. В субботу я отправила Колла, шофера, в клуб, и ему сказали, что муж не приходил туда в пятницу и что безусловно он там не ночевал.

— А вы думали, что он может заночевать в клубе, мадам?

Она покраснела.

— Эжен нередко отсутствовал дома во время уик-энда, на английский манер. Вот я и подумала, что он мог остаться там ночевать, чтобы на следующий день пораньше уехать вместе с кем-нибудь из членов клуба, с которыми собирался встретиться в пятницу вечером, и который по каким-либо причинам задержался. Видите ли, месье, когда возникают непредвиденные случаи, начинаешь придумывать себе разные объяснения.

Теперь руки Фелисити Видмер, которыми она разглаживала юбку, заметно дрожали. Она опустила глаза, избегая встречаться со взглядом комиссара.

— Положительно не вижу причин для беспокойства. Я сказала об этом месье Форестье. Понимаю, что ему затруднительно одному вести дела, но вероятно Эжен не задумывался о том, что поставил его в затруднительное положение. Мой муж уже давно говорит, что хочет отойти от дел и понемногу осуществляет это. В конце концов, ему больше пятидесяти и он очень много поработал за свою жизнь... Я уверена, что мы вскоре узнаем, что Эжен просто решил устроить себе отпуск. Возможно, он решил это в последний момент. Уик-энд более продолжительный, чем предыдущий. Ведь сейчас стоит такая прекрасная погода и так необычайно тепло, не правда ли? Эжен мог сесть в поезд, идущий на Лазурный Берег, и мне кажется, что мы скоро получим от него весточку... И все очень просто объяснится. Я вспоминаю, как однажды, остановившись в отеле, я дала денег на телеграмму одному служащему, а он оказался жуликом. Он не послал телеграмму моему первому мужу, и тот не знал, где я остановилась. Такие вещи случаются. Вы тоже, вероятно, не раз оказывались в подобных ситуациях, месье комиссар?

— Мадам... — начал Сатурнин и остановился.

Дверь с шумом распахнулась, и в комнату вошел юноша. Несмотря на черные волосы и оливковый цвет кожи, он сильно походил на мать. Волнистые волосы были слишком длинными, а черные большие, немного выпуклые, наводящие на мысль о базедовой болезни глаза — подозрительными, неприятными, но умными. На нем были спортивная рубашка, галстук, светло-серые брюки и белые туфли на каучуковой подошве.

Не сказав ни слова, он подбежал к матери и сел возле нее словно ребенок, обхватив ее за талию. Утомленный вид мадам тотчас же исчез.

— Это — Поль, господа, — с гордостью проговорила она. — А ты завтракал, мой дорогой?

— Да, мама.

— Завтрак был хорош?

— Нет, плохой. Рыба. Я ненавижу рыбу.

Поль повернулся к офицерам полиции, не выпуская матери из своих объятий. Он не шевельнулся, когда его представляли, только мельком бросил взгляд на Феликса, но был поражен видом Сатурнина. Его взгляд скользил по фигуре комиссара от темной круглой головы до толстых башмаков. Рассматривая его, он машинально грыз ногти. Видно, что это старая его привычка. Время от времени он дергал себя за торчащие, как ручки у кастрюли, уши.

— У вашего мужа, мадам, есть личная секретарша, — сказал Сатурнин. — Мадемуазель Гонорин Лорд, не так ли? Она живет здесь?

— Нет, месье. Она не живет у нас. Мы отвели ей комнату, которая служит ей кабинетом. Она постоянно находится там, но предпочитает жить отдельно, что также вполне устраивает и нас. У нее квартира в отеле в нескольких минутах ходьбы от нас. Это отель «Бориваж» на авеню Виктора Гюго.

— Понятно, нам интересно бы знать также, много ли денег было у вашего мужа с собой в прошлую пятницу?

— Сожалею, но ничего не могу вам сказать по этому поводу.

— Мама, — приблизив губы к уху матери, прошептал ей Поль, но так громко, что, если бы это происходило на сцене, его услышали бы в последнем ряду, — мама, что этот толстый детектив...

Его мать покраснела.

— Тихе, мой дорогой! Не следует перебивать... у нас серьезный разговор.

— Значит, это серьезно, мама? Это очень серьезно? Этот толстый уведет мерзкую Гонорин в тюрьму?

Выпученными глазами он снова уставился на Сатурнина, который заворчал. Теперь ему стало понятно выражение шефа, когда тот, говоря о мальчишке, назвал его негодяем и чумой. Это слово очень к нему подходило. Этот расхлябанный юноша изображал наивность, которая явно контрастировала с его хитрыми черными глазами.

Обычно на редкость терпеливый комиссар почувствовал сильную антипатию к мальчишке, испорченному матерью. Его хитрые глаза, обгрызенные ногти, бестактность и грубость заставили Сатурнина задать себе вопрос, не он ли является причиной исчезновения Видмера.

Теребя усы и сердито глядя на мальчика, что впрочем никак не действовало на последнего, он не знал, как продолжить разговор. Несколько минут назад смущенный вид Фелисити Видмер, ее манера смотреть в сторону, ее уклончивые ответы убеждали его, что она верила, что муж уехал с другой женщиной. Но как заговорить о таком деликатном предмете в присутствии этого «невинного» создания, фальшивый наивный вид которого только подтверждал характеристику, данную шефом.

— Кажется, месье Видмер жаловался на свое здоровье? — все же спросил он. — По вашему мнению, он в самом деле был болен или зря беспокоился?

Мадам Видмер с задумчивым видом нахмурила брови.

— Я много думала об этом. Эжен говорил, что он плохо спал, но это неправда. Я часто видела его крепко спящим.

Она улыбнулась.

— Сколько раз он говорил, что не спал всю ночь, а на самом деле все время храпел! Я слышала это даже из своей комнаты, а она находится по другую сторону площадки.

Поль вытянул губы к уху матери.

— Две кровати лучше, чем одна! — сказал он по-английски. Это можно было бы перефразировать так: «Две головы лучше одной». — Не так ли мама?

Потом он повернулся к комиссару.

— Вы говорите по-английски, месье? — вежливо спросил он. — Я считаю, что детектив должен понимать многое...

— Замолчи, Поль.

Его мать стала пунцовой и оторвала его руку от своей талии.

— Ты уйдешь отсюда, если не будешь себя вести подобающим образом и не перестанешь меня перебивать.

— Мама, я думал, что толстый...

— Замолчи!

Поль стал плакать и вытащил из кармана носовой платок под цвет галстука и носков. Он громко всхлипывал, как ребенок.

Сатурнин взял шляпу и перчатки.

— Я полагаю, мадам, — сказал он, — что мне следует повидать мадемуазель Лорд. Я также хочу задать несколько вопросов вашему шоферу. Его зовут Колла? Он свободен?

— Гидо Колла. Да, месье.

Мадам Видмер тоже встала.

— Он должен быть в гараже, в двух шагах отсюда. Хотите, чтобы я позвала его?

— Нет, спасибо, не стоит вас беспокоить, но я буду признателен, если вы позвоните мадемуазель Лорд в отель и предупредите, что мы вскоре навестим ее.

— Мама, а ты хочешь, чтобы толстый отыскал папу?

— Проклятие! — прошептал Феликс Норман. — Понятно, почему папа удрал. Дело идет о добровольном исчезновении, самом что ни на есть добровольном.

Феликс широко улыбнулся, но комиссар оставался серьезным.

— Этот мальчишка способен учинить любой скандал, — пробормотал он.

Глава 3

Шофер

Недалеко от дома, на маленькой улочке находилась новая постройка из желтых кирпичей — гараж. Наверху — жилые комнаты. В гараже кто-то распевал неаполитанскую песню под аккомпанемент текущей из крана воды. Гидо Колла положил на пол шланг и посмотрел на детектива.

— Да? — спросил он.

Это был мужчина лет сорока, облаченный в короткие штаны зеленовато-желтого цвета, черные гетры и небольшой белый жилет. Шофер, небольшого роста тщедушный человечек, видимо, был о себе высокого мнения. Его черные циничные глаза блестели, а зубы оставляли желать лучшего. Волосы завиты и напомажены. Ветер и солнце заставили покраснеть его смуглую кожу. Ранение от шrapнели оставило неприятные следы на левой руке. От него пахло чесноком и бриллиантином.

— Я комиссар Дакс из уголовной полиции, — представился Сатурнин. — Я веду следствие по делу об исчезновении вашего хозяина, Колла.

Выражение лица шофера изменилось. Теперь оно стало почти раболепным.

— Исчезновения?

Он с задумчивым видом сплюнул и пошел закрыть водопроводный кран. Потом он сел на крыло прекрасной бело-красной «испано», которую только что мыл.

— Итак, значит, вы из полиции, и вы называете это исчезновением, месье комиссар?

Сатурнин достал из кармана пачку «Мериленда» и протянул ему. Тот бросил быстрый взгляд на Феликса Нормана, который, обойдя сзади машину, вошел в гараж.

— Спасибо, месье комиссар.

Итальянец говорил по-французски как парижанин. Он взял сигарету и прикурил.

— Утро! Разве теперь не слишком рано, чтобы говорить об его исчезновении? Ведь сегодня вторник. Хозяин все чаще и чаще пользовался уик-эндами. Почему бы и нет? Когда у человека есть деньги и он достиг определенного возраста, он имеет право жить так, как ему этого хочется. Уик-энд продолжается с вечера пятницы до утра понедельника. Потом это продолжается до вторника, а почему не до среды или четверга?

Это предположение заставило его расхохотаться, но дым попал ему в легкие, и он закашлялся.

Сатурнин улыбнулся.

— Но ваш хозяин, кажется, пока еще никогда не пропускал ни одного понедельника?

Гидо Колла закивал напомаженной головой и сплюнул.

— Нужно чтобы мужчина когда-нибудь начал, месье комиссар. Привычки нас одолевают, но, достигнув определенного возраста, возможно, люди и говорят себе: «Опять понедельник утро...» и хотят расстаться с этими привычками.

— Вы полагаете, что месье Видмер решил создать себе новые привычки или, возможно, другие связи?

Колла опять плюнул.

— Полагаю? Я не обязан думать. Моя работа заключается в том, чтобы возить их — его, ее и «вещь».

Довольно злая гримаса исказила лицо Колла, когда он вспомнил о Поле.

— Что касается их и их привычек, то меня, я уже сказал вам, это не касается.

— Очень хорошо, Колла. Но как люди, знающие жизнь, мы можем предположить, что тут замешана женщина, а?

— Это очень возможно, месье комиссар... но я ничего не знаю. Видишь мужчин, у которых столько женщин, сколько гаражей. У меня нет времени заниматься женщинами, я предпочитаю пиво.

Колла стал смеяться, потом кашлять.

— Может быть, вы и правы, — сказал Сатурнин, — но тем не менее мы можем кое-что предположить, да? Сидя за рулем, вы получаете распоряжение поехать туда или сюда, подождать на углу улицы или перед чайным салоном в пять часов. Ведь в зеркальце бывает видно кое-что, а?

Колла посмотрел на свои прекрасные гетры, выгадывая время.

— Скажу, что я никогда не видел его с какой-либо курочкой.

— Нет?

— Нет, господин комиссар.

— Вы никогда не доставляли его в шикарный район, а? Около улицы Мира или в Лесу? Там, где элегантные женщины проводят свое время и иногда тратят чужие деньги?

Итальянец покачал головой.

— Я все это делал, но когда мне говорят ждать, я жду. Вот и все. Если мой хозяин говорит мне, что он займется покупками или проведет полчаса в Арменвилле, я сижу и жду.

— И на вашей памяти не было ни одного случая его свидания с дамой? Вы никогда не оставляли его у двери дома, в котором, возможно, жила дама, с которой его семья не была знакома?

— Нет. Заметьте, я не говорю, что хозяин не развлекался. Я говорю, что если он и делает это, то умеет хорошо скрывать.

— По-видимому. Вы его оставили где-то в прошлую пятницу, не так ли? Было ли это в квартале больших магазинов?

— Площадь Трините, около четырех часов. Он сказал мне: «Подожди меня полчаса и, если я не подойду, то отправляйся на бульвар Сюше. Мне нужно сделать покупки, а это, может быть, займет больше времени, чем я рассчитываю». Может быть, так оно и было. У него страсть к маркам, к старым почтовым маркам. Вы это знаете. Если он вошел в магазин, где были старые неизвестные ему марки, он мог оставаться там и более часа. У каждого свои слабости!

— Значит, вы оставались в машине на площади Трините в течение получаса, а потом вернулись сюда?

— Точно так, как вы это сказали, месье комиссар.

— А по дороге из конторы вашего хозяина на площади Трините вы не останавливались перед банком?

— Банком?

Колла удивленно поднял глаза, потом снова уставился на свои гетры.

— Нет, мы нигде не останавливались. Он приказал мне ехать прямо на площадь Трините, что я и сделал.

— И напрасно прождали его. Вы вернулись сюда и сказали мадам Видмер то, что вы только что рассказали мне?

— Да. Вернее, я сказал ей об этом тогда, когда она меня спросила.

— А в каком это было часу приблизительно?

Колла уронил окурок сигареты, раздавил его ногой и плюнул.

— Вероятно, около девяти часов. Она послала за мной. Они — она и «вещь» — не обедали, и ей хотелось знать, где же хозяин, не отвез ли я его в Паддок-клуб. Я ответил, что нет, и сказал ей то, что вы уже знаете.

Сатурнин кивнул головой. Бригадир Норман вышел из гаража и теперь стоял позади шофера по другую сторону большой машины.

— Очень хорошо, Колла, благодарю вас. Мы проводим обычное следствие, больше ничего. И вы, конечно, имеет полное основание считать, что ваш хозяин устроил себе отпуск. С такой хорошей погодой можно забыть про все дела... и всякие неприятности.

Гидо Колла встал и широкая улыбка обнажила его гнилые зубы.

— Мое мнение, месье комиссар, хозяин забавляется. К чему иметь деньги, если не быть свободным в поступках и не иметь возможности тратить их время от времени? Что касается ответственности, то тут есть один — я не стану его называть — аргумент для тех, кто не хочет иметь детей!

Он энергично сплюнул и добавил:

— Я ничего не имею против нее, но «вещь»... Даю вам слово, что есть отчего убежать из дома!

Когда оба полицейских шли по бульвару Сюше к своей машине, Феликс со смехом воскликнул:

— Шофер не выносит Поля, это очевидно. Но мне кажется, что Колла очень часто плевал, прежде чем ответить на наши вопросы. Только слушая его, я решил, что итальянец кое-что скрывает от нас.

— Он хочет быть очень хитрым, этот парень. Ему хочется извлечь для себя интерес. Вероятно, он видел какую-нибудь женщину и знает больше того, что говорит.

— И ему неизвестно, собирается Видмер или нет отказаться от счастья жить с женой и пасынком.

— Возможно. Итак, что в гараже?

— Ничего особенного я не увидел. Он хорошо содержится. Там есть небольшая шведская машина и мотоцикл, вероятно, дорогой. Он без сомнения принадлежит Полю. Неужели его мать разрешает ему рисковать, гоня на такой машине?

— Этот парень способен на все, — проворчал Сатурнин.

Полицейская машина скромно стояла на том же месте. Подойдя к ней, комиссар попросил шофера:

— Отвезите нас в отель «Бориваж» на авеню Виктора Гюго.

Глава 4

Скромная барышня

Гонорин Лорд приняла Сатурнина Дакса и Феликса Нормана в небольшом, но элегантном помещении на первом этаже отеля «Бориваж». Ее предупредили об их посещении и потому она была очень любезна. Ее маленький салон, наполненный розами, был весьма уютен. Свет приглушен, в помещении тепло. На каталке стояли бутылки белого и красного портвейна и тарелочка со сладкими бисквитами. Офицерам полиции было предложено освежиться порто, но они отказались. Произошел обычный обмен любезностями. Мадемуазель Лорд отправилась в соседнюю комнату, чтобы принести для комиссара подходящее для его громоздкой фигуры кресло.

— Пожалуйста, господа, курите. Я не курю, но обожаю табачный дым.

Гонорин Лорд было немногим более тридцати лет. Но это не имело никакого значения, потому что даже французы, которые стараются отыскать в любой женщине привлекательность, не слишком-то много обнаружили бы ее в ней.

Небольшого роста, темноволосая, с сонным видом. Темное платье не украсило ее фигуру. Эта маленькая женщина была широкой в кости, с толстыми лодыжками, слишком густыми бровями и толстыми губами. Движения резкие, неловкие, несмотря на внешнее спокойствие. Темные глаза

умные и достаточно красивые, но и тут дефект — ей давно уже нужно было носить очки, но она этого не делала и вынуждена была щуриться, что совершенно не шло к ней.

«Старая дева в полном смысле слова», — вспомнил Сатурнин слова шефа. И все же эта женщина была кокетлива. Свое строгое черное платье она украсила шикарным воротником и манжетами из настоящих кружев. Комиссар заметил цепочку вокруг ее шеи, исчезающую за вырезом платья, и Сатурнин невольно подумал, какой талисман Гонорин Лорд носила на своей груди и относился ли он к богу или к мужчине.

Глядя на то, как она деловито приняла мужчин, можно было догадаться, что Гонорин Лорд была опытным и ценным работником, и не было ничего удивительного в том, что она являлась личным секретарем крупного дельца. Сатурнин сразу понял, что вряд ли Видмер мог быть связан с ней узами любви. Комиссар не мог себе представить миллионера, совершающего безумства из-за Гонорин Лорд. Рядом с ней Фелисити Видмер, даже с пасынком-чумой, казалась на редкость привлекательной и женственной.

— Мы находимся здесь, мадемуазель, ради того, чтобы, следуя форме, произвести расследование, — сказал Сатурнин. — Мне, правда, кажется, что в настоящий момент нет основания для тревоги из-за того, что ваш хозяин не появился в конторе. Возможно, что мы действуем немного преждевременно...

Она перебила его:

— Да, это как раз то, что мне кажется и что вызвано затруднительным положением месье Форестье, осторожность мне кажется необходимой.

Сатурнин улыбнулся.

— Чувствуется высококлассный секретарь. Ничего не бойтесь, мадемуазель. Мы не собираемся вешать портреты месье Видмера на стену, и газеты ничего не узнают. Тем не менее есть один-два пункта, которые мне хотелось бы прояснить. Зная хорошо месье Видмера, вы находите обычным его отсутствие начиная с вечера пятницы и то, что он не дал о себе знать ни своей жене, ни директору предприятия, ни вам, его секретарю, пользующемуся его полным доверием.

Нахмутив брови и скрестив руки на коленях, она несколько минут размышляла.

— Я полагаю, — наконец проговорила она, — что, если мы сегодня ничего о нем не узнаем, его отсутствие можно будет рассматривать как необычное. Но вы только что сказали, месье, что я пользуюсь его полным доверием, и я хочу сказать вам, что моя роль больше состоит в том, чтобы избавить мадам Видмер от домашних забот. Мадам Видмер очень любит бридж и танцы.

Гонорин Лорд подняла голову и улыбнулась. В ее глазах застыло странное выражение: можно было различить иронию, неприязнь и даже зависть.

— Понимаю, — сказал Сатурнин. — Следовательно, вы не часто бываете в типографии. Хотя, кажется, там у вас тоже есть кабинет?

— Я часто там работаю, месье, но чаще я бываю на бульваре Сюше. Я нахожусь там, где мой хозяин нуждается во мне, но когда мадам Видмер устраивает приемы, тогда мое присутствие особенно необходимо. В мои обязанности входит организация обедов, размещение приглашенных за обеденным столом, рассылка приглашений. Я также занимаюсь оплатой счетов метрдотелю, за вино и прочее.

— Да. Расходы, вероятно, очень солидные?

— Иногда, да. Естественно, теперь приемы стали менее редкими, чем это было раньше.

— Понятно. А не можете ли вы сказать, много ли было с собой денег у месье Видмера в пятницу?

— Этого я не знаю, месье.

— Это не входит в вашу компетенцию?

— Нет. В сущности, я оплачиваю чеками все текущие расходы. Мне кажется, что банкиры месье Видмера лучше смогут вам это сказать. Мне всегда казалось, что полиции очень просто бывает получить подобные сведения.

— Известное дело.

Сатурнин приветливо улыбнулся.

— А теперь, мадемуазель, не можете ли вы сказать мне, был ли мистер Видмер счастлив дома?

Этот неожиданный вопрос заставил покраснеть Гонорин Лорд, но она выдержала взгляд комиссара.

— Я полагаю, что он был удовлетворен.

— Но не счастлив?

— Нет. Я хочу, чтобы вы поняли меня. Когда я говорю, что мой хозяин не полностью счастлив, я ни в чем не хочу упрекнуть мадам Видмер. В течение двух лет месье Видмер был болен или, если вы предпочитаете иное выражение, считал себя больным. Естественно, что мне не известно настоящее состояние его здоровья. Это дело его врача. Но он стал меланхоличным, тяжелым в общении, почти мрачным. Его жена должна была чувствовать себя очень неважно.

— К тому же есть еще и пасынок, — сказал Сатурнин.

Она быстро посмотрела на него и проговорила равнодушным голосом:

— Да, существует Поль. Это довольно странный мальчик.

— Ревнивый?.. может быть, лживый? — настаивал Сатурнин.

— Возможно, месье.

— Что, вероятно, немало усложняло ситуацию, не так ли?

Гонорин Лорд снова покраснела и повернулась к комиссару.

— Я буду откровенной, — сказала она. — Я считаю, что нет никакой причины бить тревогу, но, возможно, эта история и серьезна. В таком случае вы хотите узнать от меня правду такой, какой она мне представляется...

Она остановилась, и ее обычно бледные щеки стали пунцовыми.

— Есть ли у него женщина? Ведь вы об этом хотите узнать у меня, не так ли? Так вот, насколько мне известно, ее у него нет. Месье Видмеру только пятьдесят шесть лет, но выглядит он старше своего возраста. Он болен, или считает себя таковым. И, зная его характер, я не считаю его мужчиной способным усложнить свою жизнь связью на стороне. Мне трудно представить его с двумя семьями, и я считаю, что ничто в процессе моей работы не намекало на это. Если бы у месье Видмера была любовница, то, безусловно, это было бы ясно из писем, телеграмм или телефонных звонков, из посещений... но ничего этого не было, а я как секретарь не могла бы не заметить этого.

Сатурнин кивнул головой и улыбнулся.

— По-видимому. Так что вы полагаете, что ваш патрон просто задержался дольше обычного на уик-энде? Или, возможно, он отправился по следам редкой марки?

— Мне кажется, он безусловно мог пойти на это, — спокойно ответила Гонорин. — Но не из-за женщины.

Ее губы слегка сжались.

— Мне кажется, что он уехал потому, что больше не хотел видеть женщин!

— Другими словами, Эжен Видмер был достаточно несчастлив у себя дома, чтобы хотеть убежать исключительно ради того, чтобы быть свободным?

— Да. Это соответствовало бы его темпераменту и характеру. Если мы вскоре не получим от него известий, я не усомнюсь в этом. С него было достаточно той жизни, которую он вел дома и на работе. Он часто говорил о Лондоне, по которому чувствовал ностальгию.

— Да? Он там жил?

— Да, мне кажется, в молодости.

— А на вашей памяти никаких писем не приходило из Лондона?

— Никаких, месье.

Она слабо улыбнулась и покачала головой.

Комиссар проворчал что-то, посмотрел на часы, встал с кресла и сказал:

— Благодарю вас, мадемуазель. Я полностью принимаю ваш взгляд на это дело. Вы знаете Эжена Видмера. Одно из двух: или он удлинит свой отпуск, не дав себе труда предупредить об этом кого-либо, или он достиг возраста безрассудства. Ему нужны были приключения, может быть ничего общего не имеющие с сентиментальностью, а просто новая жизнь без старых привычек. Такие вещи уже случались. Мужчина — странное существо, мадемуазель.

— Я в этом уверена, — проговорила Гонорин Лорд, опустив глаза.

Глава 5

Источник всех бед

Служащий банка в небесно-голубом костюме и треуголке, встретив Сатурнина у главного входа, пояснил без всякой необходимости, что конторы были закрыты для публики. Он провел комиссара по многочисленным коридорам, стены которых были облицованы мрамором, редкими породами дерева, а полы покрыты коврами и передал его с рук на руки другому гиду. Наконец Сатурнин достиг резиденции самого директора.

Царствуя в этом святая святых, где стены помещения были отделаны еще более дорогим деревом, чем в коридорах, а ковры пушистее, директор умудрился сохранить нормальный человеческий облик. Маленький и съездившийся он, вероятно, страдал несварением желудка и не мог широко пользоваться предоставленными ему благами жизни. На его губах возникла улыбка, когда он протянул Сатурнину свою сухую, вялую руку.

— Комиссар Дакс? Будьте добры, садитесь. Мне звонили с набережной Орфевр... Естественно, мы сделаем все, что можно, чтобы помочь вам. Я полагаю, вы беспокоитесь о нашем клиенте Эжене Видмере?

— Да. Он покинул свой кабинет в пятницу в четыре часа, и с тех пор никто ничего о нем не слышал.

— В прошлую пятницу? Погода ведь исключительно благоприятна. Эти уик-энды на английский манер я не одобряю, но между тем...

— Все это так. Но почему он не предупредил свою жену?

— Ах да! Возможно, это немного странно. Я уверен, вы лучше меня разбираетесь в подобных вопросах. Вы без сомнения пришли спросить, имел ли наш клиент наличные в момент отъезда?

— Совершенно точно.

— Да. Я предвидел этот вопрос, и моя секретарша провела необходимые розыски. Но очень поверхностные. Я полагаю, этого вам будет достаточно. Да...

Он окинул близоруким взглядом свой огромный министерский письменный стол и взял карточку, лежащую под пресс-папье.

— Да... Вот такая ситуация. В течение последних восьми месяцев месье Видмер взял в банке довольно значительные суммы... Последний раз семьсот тысяч франков. А общая сумма составила что-то между девятью и десятью миллионами франков. Скажем, девять миллионов триста тысяч.

Густые брови Сатурнина удивленно поднялись.

— Это все?

— Это все, что он у нас взял наличными.

— Вы думаете, что у него еще и в другом месте есть счет?

— Нет. Это меня удивило бы. За исключением этих сумм, взятых за последние восемь месяцев, почти с уверенностью можно сказать, что все состояние месье Видмера находится у нас.

— И оно составляет несколько десятков миллионов?

— Около семидесяти.

Сатурнин провел пальцем по усам. Директор задумчиво наблюдал за ним.

— Вы ожидали услышать другое, комиссар?

Сатурнин пожал плечами.

— Черт возьми! Я сам не знаю, что ожидал услышать. Исчезает богач. Домашнее благополучие, кажется, не слишком устраивало его. Я думал, что он взял половину своего состояния, оставив половину жене, и решил исчезнуть для другой жизни.

Директор покачал головой.

— А вы не думали о другой стороне вопроса... например, о потере памяти?

Сатурнин улыбнулся.

— В нашем ремесле не слишком-то верят в потерю памяти... это обычно случается в романах. Кстати, как вы думаете, что мог сделать ваш клиент с взятыми суммами?

— Не имею ни малейшего представления. Для богатого человека, вы сами понимаете, это не слишком большая сумма. Насколько мы, банкиры, можем судить, эти деньги могли быть

истрачены на хозяйство, на подарки друзьям, проиграны, если месье Видмер играет в карты, чего лично я не думаю.

— Подарки? — проговорил Сатурнин. — Может быть какой-нибудь даме?

— Мой дорогой комиссар! — Директор внезапно стал похож на старую деву, которая услышала неподобающую историю. — Послушайте...

— Мы уже встречали такое, — резко проговорил Сатурнин. — И не нужно воображать необыкновенные вещи.

— Нет, нет, конечно, нет, но я немного знаю Эжена Видмера. У нас общие вкусы, мы собираем марки, это настоящая страсть.

— А такой ли он человек, что мог купить на пятьсот тысяч франков марок?

— Безусловно. Но он бы выписал чек, что он обычно и делал при покупках такого рода. Суммы, которые он взял в течение восьми месяцев, были истрачены на что-то, о чем мы не имеем ни малейшего представления. Я только что говорил о болезни. Это объяснило бы многое. Видмер сделался отчаянным пессимистом.

— Да?

Красные пятна вспыхнули на желтом лице директора, и он продолжал с горячностью:

— Да, мизантроп! Это забавно. Очень мало людей признаются в сделанной подлости, но многие будут открыто говорить о своем пессимизме. В чем разница? Цивилизованная страна будет лишь страдать от пессимизма своих граждан.

Он нагнулся над столом и, понизив голос, убежденно произнес:

— Я готов поверить, что Эжен Видмер под влиянием болезни, видя все в самом черном цвете, купил на черном рынке доллары и фунты и, желая скрыть их от посторонних взоров, заимел сейф в каком-нибудь банке.

Сатурнин заворчал:

— Но эти суммы слишком ничтожны по сравнению с его капиталом.

— Это точно. Вероятно, он не мог купить столько иностранной валюты, сколько хотел, и поэтому, когда это удавалось, брал такие суммы из моего банка. Вы сможете проверить все, что я вам сказал, опросив парижские банки, которые в больших количествах сдают в наем сейфы. Но также мог случиться и несчастный случай.

Сатурнин встал, взял перчатки, желтую трость и сказал:

— Мы должны быть готовыми к любым случайностям. Несомненно, Видмер не унес с собой сумму, которую человек богатый счел бы необходимой для того, чтобы начать жизнь и создать новую семью. Но, возможно, он имел при себе сумму, достаточную, чтобы быть ограбленным преступниками.

Глава 6

Такими нас видят другие

Сатурнин Дакс сидел в своем кабинете. Яркий солнечный луч падал на стол и освещал календарь. Суббота, 4 октября. Эжен Видмер исчез как привидение в сказке. Никто ничего о нем не знал.

Комиссар поднял глаза, когда в кабинет вошел Феликс Норман в отличном новом, из английской ткани костюме. В руках он держал светлые перчатки.

— Итак, шеф?

Сатурнин покачал головой.

— Ничего.

— А из Лондона ответили?

— Да. Скотланд-Ярд уверен, что Видмер не пересекал Ла-Манш ни на корабле, ни на самолете. Ведь на этот счет было лишь очень смутное предположение этой Лорд.

Феликс уселся на край стола своего начальника.

— Ну, знаете! Эта история начинает скверно пахнуть.

— Мне тоже это не нравится, — сказал Сатурнин. — Почти все огромное состояние Видмера находится в банке, так что трудно представить себе, что это добровольное исчезновение.

— Да. Но он снимал кругленькие суммы. Многих убивали за гораздо меньшие. — Феликс достал из кармана трубку и табак. — Во всяком случае, — сказал он, — я не думаю, чтобы Видмер был таким человеком, который может забрать всё ради улыбки дамы. Он предпочитал марки. Я сегодня взял свою маленькую коллекцию и поговорил с несколькими филателистами в Мариньи... Там у них небольшой рынок. Я говорил с двумя типами, которые знают Видмера.

— Да?

Сатурнин казался заинтересованным.

— Они считают неправдоподобным, чтобы он мог исчезнуть с какой-нибудь женщиной или что у него есть любовница.

— Тем не менее мадам Видмер так думает. Это было написано на ее лице.

— Может быть, она ломает комедию?

— Это удивило бы меня. Она показалась мне утомленной, но искренней. А почему бы ей не быть такой?

— А ее утомленность, шеф? Ее муж избегает ее, но, может быть, ее это устраивало? Она ведь недурна собой, эта женщина. Приближается к сорока, а это опасный возраст. Может быть, за кулисами есть кто-нибудь?

— Тут вы немного спешите, мой мальчик, и требуется масса объяснений. Если предположить, что дама жаждет получить свободу, то она, вероятно, сумела бы добиться ее, не убивая Видмера и получив при этом много денег.

— Может быть, он собирался оставить свои деньги другим. Своей любовнице, например.

— Это невозможно. По нашим французским законам разрешается оставлять лишь небольшую часть состояния людям, не являющимся членами семьи.

— Прекрасная Фелисити может быть не заинтересована в деньгах, ее интересует лишь любовь.

— Тогда что же она, по вашему мнению, сделала? Она отправилась на свидание с ним в ту пятницу и задушила его на улице?

— Нет, она сговорила с шофером-итальянцем. Это жулик... во всяком случае он так выглядит. Кто его нанимал? Мадам Видмер? А может быть, он ее любовник?

— И он убил своего хозяина около четырех часов дня в центре Парижа?

— Это не кажется мне не возможным. Он мог остановить машину на тихой улице, выйти под предлогом поправить покрывало на коленях Видмера, а вместо этого накинуть ему на шею петлю и задушить его.

Комиссар казался таким удивленным, что розовые щеки Феликса стали пунцовыми. Он продолжал тоном человека, пытающегося оправдаться:

— Или этот Колла мог спокойно довести машину до леса. Бог знает, в какое место Видмер попросил отвезти его! Шофер нам сказал, что оставил своего хозяина на площади Трините, но что доказывает это? Жорж Адлер не нашел никого, кто видел бы эту большую машину, белую с красным, на центральных улицах. Разве это не странно?

Сатурнин сделался серьезным.

— Вот этот пункт мы запомним, мой мальчик. И юридическое досье Колла также вызывает некоторые сомнения... правда, это было несколько лет назад.

— А чего же нам еще надо, шеф?

— Много. Этот Колла был молод и находился в определенной компании. Но вербуются убийцы не среди таких людей.

— Кто знает? Он был на войне, а война меняет человека. Колла был совсем молоденьким, когда попал в армию и, возможно, вышел оттуда с умом убийцы. А может быть, он безумно влюблен в Фелисити, в роскошь, в положение, которое она занимает. Каким образом Колла стал шофером Видмера? Это мадам Видмер его наняла?

— Нет, этими вопросами занимается Гонорин Лорд.

У Феликса вырвалось ворчание, которое было понятно комиссару:

— Конечно, я не представляю себе бедняжку Гонорин, замешанную в любовной истории. Интересы ее патрона достаточны для ее активности и преданности. Когда ей хочется расслабиться, она, вероятно, занимается вязанием или раскладыванием пасьянсов.

— Я не совсем уверен в этом, — возразил Сатурнин. — Я не удивился бы, если бы приглушенное пламя не пылало в сердце Гонорин.

Феликс расхохотался, но сразу же замолчал, увидев серьезное лицо своего начальника.

— Но вы ведь говорите это в шутку, шеф?

— Я уверен, что она скрыла от нас кое-что, мой мальчик.

— Так же, как и мадам Видмер, и шофер. Если они невиновны, то без сомнения думают, что Видмер может вернуться, и им придется объясниться с ним, если они слишком много будут болтать.

— Мадам Видмер уверена, что муж бросил ее ради другой женщины. Шофер же считает, что это невозможно. Я согласен, заявление шофера не многого стоит. Но почему? Гонорин Лорд старалась убедить нас, что это абсурдная идея, что в жизни Видмера нет даже намека на интрижку.

— Это может быть результатом ее преданности и соответствует чувствам старой девы, которая не может допустить подобной мысли.

— Я сомневаюсь, что Гонорин Лорд такова, мой мальчик, но все эти гипотезы нас ни к чему не приведут. Вот факты! Эжен Видмер сел в машину на улице Лафайет, напротив своей конторы восемь дней назад. Шофер отвез его куда-то, после чего его больше не видели. Мы не нашли, кто бы заметил Видмера или его машину, которая очень приметна. Покинул ли он Францию? Все наши и Скотланд-Ярда усилия были бессильны выяснить, сел ли он на корабль или на самолет. Учитывая сложности, с которыми сопряжено путешествие за границу, я решил, что Видмер никуда не уехал. Его паспорт находится дома, а он не такой человек, который знает, где достают фальшивые документы. Он не способен скрываться и не ускользнул бы от предпринятых розысков. Нет, или с ним случился какой-нибудь необыкновенный случай, или его убили с целью ограбления. Семьсот тысяч франков — крупная сумма для большинства людей.

— Для этого шофера, например?

— Его не выпускают из вида, мой мальчик. Бригадир Адлер занимается им.

— Собираетесь ли вы обратиться к помощи газет, опубликовав фото Видмера, шеф?

Сатурнин выдвинул ящик стола и вынул пять портретов Видмера. Они были достаточно отчетливыми. На пяти фото выражение его лица было лишено достоинства и казалось почти странным.

Комиссар разложил их перед Феликсом, который наклонился, чтобы рассмотреть их. Он увидел небольшого роста мужчину, печального и плешивого, в пенсне, с полуоткрытым ртом под немодными усами и выступающим адамовым яблоком. И хотя лицо мужчины на этих фотографиях мало походило друг на друга, но на всех оно имело странное выражение, одновременно и жалобное, и пронизательное. Эжену Видмеру было на вид лет пятьдесят пять и, несмотря на то, что он был одет с отличным вкусом, он не казался импозантным, а выглядел скорее смешным.

— Черт возьми! — воскликнул Феликс. — Неужели не могли найти ничего лучшего?

— Пока нет. Это изделия Поля. Этот злой мальчик-юморист, как видите, снял своего отчима в тот момент, когда у него был нелепый вид с полуоткрытым ртом.

— И эта поза! Но это же хуже, чем карикатура! Это просто издевательство!

Феликс быстро наклонился к снимкам.

— Отличная «лейка» и объектив отличный.

— Да, у Поля дорогие игрушки.

Взяв ту фотографию, на которой Видмер выглядел наименее смешным, Сатурнин вздохнул:

— Нам придется довольствоваться этой. Вам следует немного подретушировать портрет, вы это умеете делать. И закройте рот этому несчастному. Исчез ли Видмер добровольно или нет, больше это дело скрывать нельзя. Пресса может нам пригодиться.

Феликс выбрал самый скверный портрет и засмеялся.

— В нем действительно ничего нет от Дон-Жуана. Вероятно, эти снимки были сделаны на бульваре Сюше.

Сатурнин без улыбки кивнул головой.

— Да. Их дал мне Поль. Я не нахожу это смешным. Издевательства приемного сына, возможно, сыграли роль в исчезновении...

Он остановился, услышав телефонный звонок, и снял трубку.

— Да?.. Мадам Видмер? В Сен-Жен? Да. Отель «Пелу»? Давно вы узнали об этом? Всего несколько минут? Хорошо. Вы собираетесь поехать, мадам? Я тоже. Благодарю вас.

Он опустил трубку и встал. Вид у него был встревоженный.

— Дело осложняется, мой мальчик. Личный секретарь упала из окна отеля в Сен-Жен.

— Упала?

Феликс бросил вопросительный взгляд на своего начальника.

— Это то, что хозяин отеля рассказал мадам Видмер.

Взгляды обоих полицейских встретились.

— Немедленно отправляемся туда, — сказал Феликс. — Моя машина стоит у входа.

Глава 7

Спокойный отель

Расположенный на расстоянии менее тридцати километров от Парижа, он был отмечен только на картах большого масштаба. Отель «Пелу» находился в лесу возле красивого озера и очень походил на замок. Его хозяин сделал все, чтобы не нарушить этого сходства.

Хозяин отеля слыл за чудака, но некоторые находили в Аугусте Хампе определенные таланты. Лет двадцать тому назад он купил заброшенное поместье и проконсультировался у сведущего человека относительно переустройства здания. Хамп выслушал внимательно и, щедро оплатив советы, приступил к делу.

Добираться до отеля было нелегко, но фургончик, при надобности, приезжал за клиентами на вокзал, находящийся в пяти километрах от отеля. Там не было отдельных комнат, были лишь небольшие, меблированные с большим вкусом квартиры. Не было ни тенниса, ни гольфа, ни радио. И хозяин отеля делал все возможное, чтобы не было ни музыки, ни собак, ни детей. Но кухня была отменной в течение всех двадцати лет существования отеля. При каждой квартире была своя ванная комната. Кроме того, имелась прекрасная библиотека, и клиенты, которым Хамп давал читать книги, всегда были ему очень благодарны.

Этот отель никогда не бывал переполнен и вообще редко заполнялся полностью. Оплата там была значительной, но клиенты платили с удовольствием, а хозяин с не меньшим удовольствием принимал плату. Это был солидный медлительный человек, всегда улыбающийся. Он проводил жизнь на чистом воздухе, пользуясь отличной кухней, и в свободное время, которого у него было много, мечтал о полном покое.

Маленькая красная машина Феликса Нормана была старой, но содержалась в хорошем состоянии и потому легко преодолевала большие расстояния. Пространство от набережной Орфевр до Сен-Жен она покрыла в рекордный срок. Комиссар, закутанный в свой плащ, как черепаха в панцирь, ощущал скорость, проклиная при этом встречный ветер. Аллея, окаймленная каштанами и рододендронами, вела к красивому дому, кремовые стены с зелеными ставнями которого возвышались над сверкающей, спокойной водной гладью.

— Какое красивое место! — воскликнул Феликс. — Немного мертвое, но очаровательное... Все зависит от женщины, которая привела сюда...

Словно шустрый красный скарабей, машина повернула, описав полукруг в конце аллеи, и остановилась перед открытой дверью. Сатурнин заворчал, с трудом выбираясь из автомобиля, и потянулся.

Толстый, улыбающийся мужчина появился на пороге дома. Одетый в костюм цвета кофе с молоком, сандалии и белый тропический шлем, он курил толстую сигару. Посмотрев на Сатурнина, он слегка вздохнул и сказал:

— Вы из полиции? Я Аугуст Хамп, хозяин отеля. Вы в курсе случившегося?

— Нас предупредила мадам Видмер, — ответил Сатурнин. — Вы ей звонили?

— Да. Она собиралась сразу же приехать, но ее еще нет. Вероятно, вы ехали с большой скоростью? Гоночная машина, да?

Он без энтузиазма смотрел на машину, которая казалась ему экстравагантной.

— Меня зовут Дакс, — сказал Сатурнин. — Мадам Видмер сразу же мне позвонила, когда узнала эту новость. Мадемуазель Лорд упала из окна, так?

— Да, — ответил Хамп с равнодушным видом, — она упала из окна. Не пройдет ли вы сюда?.. Вы ее увидите... Вы увидите ее тело по другую сторону замка. Но, к счастью, я немедленно получил медицинскую помощь. У доктора Камилла Алекса совсем близко от нас небольшой домик, в котором он проводит уик-энд. Но сделать ничего было нельзя. Эта дама упала со второго этажа на камни... Вы сами увидите.

Говоря это, он открыл небольшие ворота, через которые они пошли на другую сторону отеля.

— А кто у вас живет в настоящее время? — спросил Сатурнин.

— Никого.

Аугуст Хамп улыбнулся с видом удовлетворенным и немного опечаленным.

— В такой сезон немногие из моих клиентов приезжают сюда. А теперь полиция и журналисты! Такое скандальное дело! И это в отеле «Пелу».

Сатурнин остановился.

— Послушайте, как вам удалось позвонить мадам Видмер и почему вы позвонили именно ей? Вы знали, что мадемуазель Лорд была ее секретарем?

— Буду откровенен, дело довольно таинственное. Вчера я получил от некоей мадемуазель Дюпон телеграмму, отправленную из почтового отделения в центре Парижа. Она заказывала комнату. Я отправил за ней на вокзал фургончик. Хорошо. Но когда я увидел эту персону, то узнал ее, хотя она зарегистрировалась под именем мадемуазель Дюпон. Я никогда не забываю лица клиента, а также и его фамилии. Четыре года назад она проживала у меня здесь... как мадемуазель Лорд. Значит... она приехала инкогнито. Хорошо. Ведь это не мое дело, правда? Но она упала, сделала она это нарочно или нет, но упала из окна моей комнаты на мои камни. Тогда это уже стало моим делом и стало необходимым назвать ее настоящим именем, не правда ли? Я пошел в ее комнату и увидел там две книги и, когда я рассматривал эти книги, из одной выпал старый конверт и упал на ковер. Конверт был адресован мадемуазель Гонорин Лорд, адрес мадам Видмер на бульваре Сюше, Париж. Я сразу же позвонил этой даме и задал ей несколько вопросов. Мадам Видмер по моему описанию опознала эту несчастную и сказала, что немедленно приедет, чтобы опознать тело, вот!

Сатурнин тихонько кивал головой, не спуская с него глаз.

— Вы считаете, что это самоубийство, мистер Хамп?

Хозяин отеля развел свои толстые руки.

— Боже мой, это не мне высказывать гипотезы, господин Дакс. Но эта бедная барышня казалась такой экзальтированной, нервной. Она явилась сюда под вымышленным именем. Сюда, когда всем известно, что в октябре здесь никого не бывает. Она очень мало ела... а это для отеля «Пелу» очень обидно, месье. Это доказывает, что клиент чувствует себя нехорошо, а такое хозяин отеля с трудом переносит. Она не выходила из комнаты, несмотря на прекрасную погоду, не пользовалась садом. А потом невольно задаешь вопрос, как эта дама смогла упасть из окна? Это не так легко, месье. Потом, она читала Шекспира «Антоний и Клеопатра», книга лежала открытой на ее кровати. Догадайтесь, на какой странице, месье?

Хамп бросил на комиссара драматический взгляд, и тот проворчал:

— «Я чувствую отвращение к безнравственности»? Самоубийство по роману?

Толстое лицо Аугуста Хампа засияло.

— Совершенно точно. Я вижу, что вы, как и я, любите книги. У нас здесь есть превосходная библиотека, так как должен вам сказать, здесь очень часто идет дождь. Возможно, это из-за

близости озера. Может быть, месье в будущем захочет стать моим клиентом и проведет здесь отдых в хорошее время года. В отеле «Пелу», месье, мужчине есть чем занять себя.

— Благодарю, — сказал Сатурнин, — вы очень любезны, господин Хамп, ничто не доставило бы мне большего удовольствия. А пока долг требует от меня, чтобы я приступил к действиям.

— Это верно.

Аугуст Хамп вздохнул и с брезгливым видом бросил сигару, сказав:

— Мне кажется, что первым делом вам надо осмотреть тело.

Глава 8

Пучина

Пройдя по аллее вдоль зимнего сада, они очутились перед восхитительным пейзажем, отражающимся в водной глади, сверкающей серебром под солнечными лучами. Но эта красота соседствовала с трагедией. Неподалеку от дома ничком лежало человеческое тело, неподвижное, темное, застывшее.

— Видите окно ее комнаты, комиссар, на втором этаже? — сказал Хамп. — Там есть балкон и пожарная лестница на случай необходимости. А вот и доктор Алекс, он уже ожидает нас.

Ни говоря ни слова, Сатурнин приблизился, кивком головы поздоровавшись с врачом, и встал на колени возле тела Гонорин Лорд.

Он осмотрел голову, на которую было страшно взглянуть, потом провел пальцами по волосам и под кружевным воротничком. Несчастливая женщина была в том же платье, которое было на ней, когда Сатурнин допрашивал ее. Осторожно, одну за другой, он приподнял ее руки, внимательно осмотрев ухоженные ногти. Потом опустил руки и встал.

— Позвоните по телефону на набережную Орфевр и скажите, чтобы прислали сюда судмедэкспертов, — попросил он. — Надеюсь, месье Хамп будет столь любезен и покажет, где находится телефон.

— Ну, разумеется, — проговорил хозяин отеля. Его глаза оторвались от тела, лежащего посреди лужайки с разноцветными цветами, столь неподобающего окружения. — Сюда, месье, телефон у нас в вестибюле.

Феликс Норман последовал за своим гидом, а Сатурнин достал из кармана пачку сигарет и предложил врачу. Тот с благодарностью взял одну.

— Спасибо, я очень торопился и не захватил свои.

Доктор Камилл Алекс был тонким и элегантным мужчиной лет двадцати восьми. Его живые, пронизательные глаза казались совсем голубыми под солнцем. Он немного походил на моряка или даже скорей на викинга и, хотя был невысокого роста, имел крепкое сложение. От него веяло здоровьем и энергией, а его костюму мог позавидовать Феликс Норман. Желтые ботинки шиты на заказ, в карманчике пиджака торчал шелковый платочек.

— Итак, доктор! — сказал Сатурнин. — Что вы об этом думаете?

— С точки зрения медицины этот случай можно принять за самоубийство, — ответил Алекс, — но не мне делать такие выводы: ваш врач может оказаться другого мнения.

Комиссар повернулся, чтобы осмотреть окна и балкон.

— Нет, не очень высоко, — сказал врач, как бы читая мысли Сатурнина. — Смерть мучительная и некрасивая. Происходит множество повреждений. Я знал одного минера, у которого от взрыва разлетелись мозги.

— А вы уверены, что дело идет о самоубийстве?

Доктор Алекс пожал плечами.

— Она употребляла наркотики... Вы обратили внимание на ее глаза?

— Да.

— Мой друг Хамп сказал мне, что она приехала одна и под вымышленным именем. Весьма возможно, приехав сюда, она искала одиночества. Вероятно, у нее были неприятности. Может быть, вам удастся выяснить причину.

— Итак, доктор, выходит, что, преследуемая своими печальными мыслями, она бросилась на камни?

— Вполне возможно. Когда душевные переживания бывают такими сильными, физические страдания уже не имеют значения. Люси Лорд... или Гонорин... смотрела со своего балкона на камни, окруженные яркими цветами. Как сказал Ницше? «Не смотрите слишком долго в пропасть из страха, чтобы пропасть не посмотрела на тебя». Или что-то вроде этого. Она видела перед собой пропасть. Девушка уже не молодая и не красавица. Я никогда не видел ее живой, но разве ее возраст и ее физические данные не говорят о несчастной любви? Она приехала сюда, чтобы встретиться с любовником... который не приехал на свидание? Если бы я был полицейским, то считал бы, что тут следует искать мужчину...

Доктор Алекс засмеялся.

— Мои гипотезы, вероятно, забавляют вас, господин комиссар Дакс. Да, я узнал вас, так как видел ваши фотографии в газетах. Поверьте, я не собираюсь навязывать вам свое мнение, но многие считают, что врачи тоже должны быть детективами. Во всяком случае, обе наши профессии служат публике.

Сатурнин что-то проворчал. Железная лестница, прилепленная к стене посреди роз, поднималась до самого балкона. Комиссар поднялся на несколько ступенек, рассматривая вблизи стену дома и цветы. После минутного колебания врач последовал его примеру.

Добравшись до балкона, Сатурнин вместо того, чтобы войти в комнату, повернулся и начал спускаться. Его чуткий слух уловил, что какая-то машина свернула на аллею по другую сторону отеля.

Доктор Алекс поспешно прыгнул вниз и стал стряхивать низ брюк.

— Мне кажется, что я слышал машину. Если это ваши люди, то они не тратят зря времени.

Он хотел помочь комиссару, но тот в свою очередь прыгнул с удивительной при его сложении легкостью.

— О! Вы в отличной форме! Доктора могут не беспокоиться о вас, комиссар!

Доктор весело рассмеялся, извиняясь за то, что осмелился предложить свои услуги Сатурнину. В это время на дорожке послышались шаги, и появилась мадам Видмер. Она почти бежала. Гидо Колла, одетый в ливрею, следовал за ней. Фелисити Видмер была бледна, и на ее лице читалось беспокойство. Она прокричала какой-то вопрос, но Сатурнин не разобрал.

Быстрым движением он встал так, чтобы закрыть собой разmozженную голову, но было слишком поздно. Фелисити Видмер уже подошла к распростертому телу и быстро поднесла руки ко рту. Ее ноги подкосились, и она рухнула на землю.

Доктор Алекс бросился к ней.

— Я сделаю все необходимое, — сказал он Колла. — Я врач.

Он заботливо склонился над потерявшей сознание женщиной.

Глава 9

Сатурнин Дакс осторожничает

В прелестной квартире, состоящей из спальни, гостиной и ванной комнаты, в которой Гонорин Лорд провела только одну ночь, последнюю в своей жизни, Сатурнин Дакс рассматривал вещи, находившиеся в элегантном чемодане.

Бригадир Норман вошел в комнату и оглядел все оценивающим взглядом.

— Очаровательно! — воскликнул он. — Лет через тридцать я, может быть, смогу провести время в таком приятном месте как это. Папаша Хамп занятный тип. Когда я спросил его, почему пианино в маленьком холле заперто на ключ, он мне ответил, что однажды кто-то пытался поиграть на нем.

Комиссар закурил сигарету, погасил спичку и сунул ее в карман.

— Вы обнаружили что-нибудь, мой мальчик?

Феликс обнажил белые зубы.

— Я понял, почему вы отправили меня звонить на набережную Орфевр, что я и сделал с помощью Хампа. Они скоро приедут. А Хамп повел меня в бар. Там есть вино, которое и вам рекомендую.

— И это все, что вы обнаружили?

— Да. Я болтался там. Потом появился молодой врач, который привел с собой Фелисити Видмер, чтобы она выпила коньяку. Тогда я выпил вторую порцию, а врач сразу взял две. Это потрясающий тип, работает четко. Он увидел платье Фелисити, ее автомобиль, шофера и сразу развил такую бурную деятельность, словно она умирала. Он настоял на том, чтобы сопровождать ее до дома в его «испано». Держу пари, что счет его будет солидным.

— А горничные? Несомненно, они нашли молодого полицейского весьма симпатичным, красивым...

— Я не заметил ни одной. Хамп сказал, что почти весь персонал обычно покидает его в конце сентября и появляется лишь весной. В это время не бывает клиентов. Гонорин безусловно искала уединения и была уверена, что найдет его здесь. Мне кажется, что она здесь так никого и не видела.

Сатурнин опять что-то проворчал, и Феликс удивленно посмотрел на него.

— По моему мнению, шеф, это безусловно самоубийство.

— Можно сказать и так. Она приехала потихоньку и казалась очень нервной. Развлекалась наркотиками и оставила «Антония и Клеопатру» открытой на сцене самоубийства египтянки...

— Значит, нет никакого сомнения.

— Но почему она умерла?

— Пресытилась жизнью.

— И Видмер тоже был пресыщен жизнью?

— Глядя на его фотографии, можно подумать и так, но возможно, он и не мертв. Вы думаете, есть какая-нибудь связь между смертью Гонорин и исчезновением Видмера?

— Да, ибо совпадение слишком необычное.

— Кто знает, а может быть, Гонорин обокрала своего патрона? Потом его исчезновение вызвало в ней угрызения совести и она приехала сюда, чтобы покончить с собой.

— Ничто не указывает на то, что она обокрала Видмера.

— Она была очень хорошо одета.

— Ее работа очень хорошо оплачивалась. Она многим была обязана Видмеру, но я полагаю, что и она тоже оказывала ему немалые услуги. Во всяком случае ее бухгалтерия в полном порядке.

— Очень хорошо. Выходит, нет никакой связи между этими двумя происшествиями, если только исчезновение ее патрона так не подействовало на Гонорин. Дело очень простое, шеф. Она была влюблена, но у нее были толстые лодыжки.

Комиссар выразился более поэтически:

— Видимо, ее можно сравнить с розой, которая начала вянуть на слабом стебле безбрачия. — Он подошел к окну, взглянул на камни и бросил сигарету. — Она выбрала мучительный выход.

Феликс прошел через комнату и выглянул наружу.

— Это верно. Тем не менее она это сделала. Помните женщину в «Деле Варавил»? Она сумела-таки повеситься, хотя ее колени касались земли...

— Она была старой и сумасшедшей. Очень редко женщины и даже мужчины совершают подобное. Гонорин, конечно, не была красивой, но она не была старой и, безусловно, в здравом рассудке. Покрой ее одежды подтверждает, что она сохранила кокетливость. Взгляните только на ее ночную рубашку.

— Разве все это не указывает на то, что у нее было назначено свидание с каким-то типом, который не явился? Она рассчитывала встретить его вчера вечером. Она ждала его, не в состоянии ни есть, ни спать. Приняла наркотик. Подождала еще утро, а потом, убедившись в том, что этот негодяй не придет, бросилась вниз. Кто знает, до какой степени ее падение не случайно. Она колебалась, смотрела вниз, пытаясь набраться решимости...

— Она упала очень аккуратно. При падении ее длинные ногти ничего не коснулись.

Сатурнин отошел от окна.

— Послушайте, — сказал он, — в тот день, когда мы ее видели в первый раз, у нее на шее была небольшая цепочка, конец которой исчезал за вырезом платья. Что-то там на конце было. Теперь ее нет.

— Черт возьми!

Феликс немного подумал, потом его лицо прояснилось.

— Может быть, это был крест. Она была верующей и не захотела убить себя с ним на шее... Но я склонен думать, что это было ее обручальное кольцо... Ну да! Негодяй, который не пришел, дал ей кольцо.

Сатурнин кивнул головой.

— Этого нет здесь в комнате. И цепочку не просто сняли, ее с нее сорвали силой.

— Ну? Вы полагаете, что этот тип приходил сюда? Правда, сюда можно прийти и уйти, не будучи замеченным.

— Очень возможно, мой мальчик.

— Да... Хотя нет. Эта гипотеза не годится. Гонорин была на пределе сил. Он не пришел на свидание. Она считала себя покинутой, и ей больше не хотелось жить. Она сорвала кольцо и, заплакав еще, бросилась из окна.

— Может быть. Но хозяин отеля сказал, что она не выходила из своей комнаты... значит, она ожидала кого-то с нетерпением.

Наступило короткое молчание. Комиссар с мрачным видом теребил усы.

— Черт! — воскликнул Феликс. — У меня идея, шеф! Есть определенная связь между исчезновением Видмера и смертью Гонорин. Это он дал ей кольцо и обещал жениться на ней после развода. Когда она увидела, что он уехал и больше не вернется, она покончила с собой.

— Великолепно! — воскликнул Сатурнин и лицо его прояснилось. — Я тоже чувствовал что-то в этом роде.

— Вы считаете...

— Мы не должны упускать из вида такую блестящую гипотезу, мой мальчик. А теперь я слышу шум машины, это наши люди. Подождем, что скажет врач и что Эдмон Васшет извлечет из этой комнаты и всего прочего. Вероятно, речь пойдет о самоубийстве, но мы, полицейские, все же не должны пребывать в плену у предвзятой идеи. Для меня внезапная смерть этой женщины меняет характер всего дела. Исчез человек — возможно, он мертв. Теперь мертва его секретарша — в этом мы уверены. Признаюсь, что этого мне недостаточно и, пока я не буду знать больше, я буду сомневаться во всем, что услышу, и во всем, что увижу.

Глава 10

Гипотеза полиции

Сидя в своей конторе, Сатурнин перечитывал письмо. Оно было коротким и без приветствия:

Почему Гидо Колла солгал, когда вы спросили его, где он оставил Видмера в пятницу, 26 сентября, после полудня? Это было не на площади Трините.

Никакой подписи. Письмо было напечатано на простой бумаге и опущено на почте во втором округе, одном из самых оживленных районов Парижа. Сатурнин положил его на стол, когда вошел бригадир Адлер. Жорж Адлер, худоба которого делала его похожим на Мефистофеля, несмотря на жару носил черный плащ, в котором, по словам Нормана, он родился.

Он пододвинул к себе стул, из кармана жилета достал маленькую сигару и сел. У него был немного усталый вид.

— Итак, Жорж, что нового?

— Мне не удалось обнаружить, куда ездила машина, патрон. Это особенно странно, учитывая ее цвет, который так легко должен был бы запомниться.

— Да, — задумчиво произнес Сатурнин. — Большая белая с красным машина... и с таким музыкальным клаксоном, что хочется танцевать. Она осталась незамеченной на улице Лафайет и площади Трините в разгар дня? Станный феномен. Нужно будет поручить эту работу Пеллегрину и Флашу, а Норман пусть сделает рисунок в красках, чтобы помочь всем троим.

— Мы все же узнаем, куда она ездила. Но люди становятся все менее наблюдательными. Я нашел одного типа на улице Амстердам, который уверял, что продал Видмеру дешевый костюм. Этот тип — служащий одного из филиалов в Канне... «Друг бедных». Знаете?

— Да. Но, по-вашему, это не имеет никакого значения?

— Разумеется, патрон. Это просто один из тех несчастных свидетелей, с которыми мы обычно имеем дело. Я показал ему одно из комических фото Видмера и рисунок бригадира Нормана. Тип уверяет, что он продал дешевый костюм Видмеру, но он не видел автомобиля. Машина по-прежнему остается в тумане.

— Ладно. Тем не менее это тоже сведения, Жорж. Нам не известно, почему богатый человек отправляется покупать дешевый костюм. Ради того, чтобы покинуть свой семейный очаг одному или с женщиной, или для того, чтобы позволить себя убить. Но мысль, что Видмер мог переодеться, заставляет призадуматься... Может, мне следует повидать этого «друга бедных»...

С задумчивым видом Сатурнин встряхнул пачку с сигаретами и вытащил одну кончиками губ.

— А женщина, которая бросилась из окна? — спросил Адлер.

— Похоже, что она сделала это умышленно, Жорж. С точки зрения медицины это самоубийство, и ничто не дает основания для сомнений. Наш врач с доктором, приглашенным хозяином отеля... И все же я не вполне убежден.

— Потому что она была секретарем Видмера?

— Точно. Она могла покончить с собой и Видмер тоже, но что же случилось с теми семьями тысяч франков, которые он взял в банке?

— Вы считаете, что их взяла секретарша?

— Не исключено, но существуют и другие версии... Если она украла эту сумму и эти деньги были у нее в руках, не вижу причин, по которым нужно кончать с собой. Может, ее замучили угрызения совести, и она вернула деньги, а потом...

— Может быть, кто-нибудь пытался ее шантажировать?

— Возможно. Или некто мог незаметно проникнуть в этот пустынный отель и выкинуть ее в пылу ссоры из окна. Человек, за которого она рассчитывала выйти замуж. Это всего лишь предположения, но они вероятны. Если Видмер был убит, то существует убийца и, почти наверное, он хотел наложить лапу на эту сумму. Предположим, что Гонорин Лорд была в курсе, что она знала, где находятся деньги, и что она хотела завладеть ими.

— Да, патрон. Все это возможно. Незвестный, оповещенный секретаршей, предлагает ей выйти за него замуж и разделить с ним эти деньги, пустив их на устройство жизни.

— Да, но она могла и не говорить с ним об убийстве, представить все под другим углом зрения, предложив ему ограбить Видмера, когда при нем будут деньги. Возможно, Видмер был похищен и в конце концов умер, сопротивляясь грабителю. Узнав об этом, Гонорин Лорд покончила с собой. Совершенно твердо известно то, что эта солидная сумма денег исчезла... так же, как и сам Видмер. Его жена ничего не знает об этих деньгах и, похоже, у нее нет никаких оснований лгать. Или мы должны предположить, что это преступление на почве страсти и что это она убила его.

— Это теория Нормана, не так ли?

— Одна из его теорий, у него есть и другие, — иронически проговорил комиссар. — Я знаю, что в нашей работе мы должны с подозрением относиться к совпадениям, которые отбрасывают самые простые и удобные теории. Очень возможно, что несчастная любовь толкнула Гонорин Лорд на самоубийство и что по чистой случайности она проделала это восемь дней спустя после исчезновения своего хозяина. Вероятно, она теряла определенное положение, а почти все самоубийства происходят по совокупности причин. Любовь и деньги, разочарование и плохое здоровье. Но для полицейского, как мы знаем, факты требуют подтверждения и объяснения. Семьсот тысяч франков исчезли. Их не нашли ни в бумагах Гонорин, ни в ее вещах. Их нет в ее

кабинете, их нет и в квартире. Но маловероятно, чтобы она не знала о том, что он взял их из банка. Она умерла. Ее нашли мертвой в спокойном и пустом отеле, куда она приехала под фальшивым именем. И предмет, которым она дорожила и который носила на шее... вероятно, обручальное кольцо, которое она прятала, было сорвано с нее силой.

— Да? Вы считаете, что это не она сорвала его с себя, шеф?

— Может быть, и она. А может быть, этот предмет ничего общего не имеет с любовью... но его больше нет. Судя по свидетельским показаниям, эта женщина не выходила из своей комнаты после приезда в отель, в котором она провела только одну ночь и утро, без сомнения дожидаясь кого-то. И так... где же этот предмет? Васшет со своими людьми обшарил буквально все.

— Черт возьми! Кто знает, что тип, которого она ожидала, не пришел? У нее были деньги, и она мечтала разделить их с ним. Он же смотрел на вещи по-другому... и убил ее.

Комиссар кивнул головой.

— А потом он сорвал у нее с шеи маленькую драгоценность, которую сам подарил ей и которая могла выдать его. Соблазнительная гипотеза. Но, может быть, нет никакой связи между смертью Гонорин Лорд и тем фактом, что ее патрон исчез с крупной суммой денег. Когда я ее допрашивал, у меня создалось впечатление, что она говорит не всю правду. Но всегда в таких случаях люди стараются скрыть свою частную жизнь. Это дело кажется мне весьма сложным, Жорж, некоторые пункты выходят за рамки обычного. И Видмеры общаются со многими видными людьми.

Жорж Адлер подмигнул.

— Вот тут самое главное! — сказал он. — И тем не менее исчезновение Видмера, может быть, ничего общего не имеет со смертью девы. Как вы сказали, патрон, мы часто встречаемся с совпадениями. У Видмера была прекрасная коллекция марок, и его вполне могли убить из-за одного или двух редких экземпляров.

— Черт возьми! Это мысль! Норман считает ее глупой, но она весьма возможна. Мы не будем отбрасывать ее. Редкие вещи всегда высоко ценятся. Но коллекция Видмера цела и находится у него дома. Мы выяснили у продавцов марок, что Видмер ничего редкого за последнее время не купил...

Комиссар встал и пошел, чтобы по своему обыкновению встать у холодной печки, машинально теребя усы.

— Нам еще нужно навести справки в банках, которые сдают сейфы, — сказал он. — Видмер мог спрятать где-нибудь эти деньги под чужим именем.

— Он мог иметь при себе и большую сумму, чем та, которая нам известна. Может быть, он переменил местожительство и женщину? Это то, что нам сказали в Паддок-клубе, и разве мадам Видмер не придерживается такого же мнения?

— Да, я в этом уверен. Я прочитал об этом на ее лице. Но мнение банкира иное. Его секретарша сказала, что она ни во что не верит, и коллекционеры марок, которые его знают, уверяют, что это невозможно.

Жорж Адлер пожал плечами.

— Это лишь разговоры. Жена ревнует его, даже если и не влюблена в него. Женщины всегда воображают, что у их мужей есть тайные интрижки, и, в основном, они правы. Коллекционеры говорят, что это невозможно потому, что они предпочитают женщинам марки. С другой стороны, для спортсменов Паддок-клуба нормально, что Видмер сбежал с другой. И если есть сходство между лошадьми и женщинами, то нет никакого между банком и марками.

— По-видимому, мы судим о вкусах другого по своим собственным. Их невозможно полностью примирить. Кто знает, не прав ли каждый по-своему?

Адлер нахмурил брови.

— Я не совсем вас понял?

— Я поясню. Члены клуба и мадам Видмер верят, что исчезнувший имел любовницу. Старая дева, более консервативная, не хочет даже и слушать об этом, основываясь на знании характера Видмера. Обе стороны безусловно правы. У Видмера есть друг. Это она время от времени звонила в Паддок-клуб. Но это только друг. Ничего от сирены или фатальной женщины, которых видим в фильмах. Маленькая, спокойная, порядочная женщина. Товарищ. Это человек одинокий,

разочарованный, который чувствует себя больным и старым, идет к ней, чтобы поведать ей свои горести, когда он не в состоянии выносить своего дома и пасынка.

Да, такая теория вполне допустима. Совершенно верно, что Видмер никогда не был Казановой. Его образ действий скорее платонический. Он может испытывать сильное чувство, быть очень нежным к женщине, даже обожать ее. Он отлично ладил с мадам Видмер, у которой анемичный и усталый вид и которая на двадцать лет моложе его. Но совершенно нельзя исключать эту заразу Поля... Итак, Видмер познакомился с приятной особой, и они стали тайком встречаться, чтобы рассматривать марки и слушать музыку. Нельзя назвать ее его любовницей, но тем не менее связь эта остается тайной, таинственной и чем-то преступной, и он даже испытывает страх.

Адлер медленно кивнул головой и сказал:

— Видмер был способен убежать с женщиной подобного рода, оставив большую часть своего состояния. Возможно, что ни тот, ни другая не держатся за деньги. Во всяком случае он взял в банке довольно значительную сумму. И кто знает, может быть, факт оставления почти всего своего состояния успокоил его совесть?

— Возможно... С другой стороны, Жорж, мы также можем предположить, что женщина, о которой говорим, спокойна и респектабельна. Некоторые деловые люди не знают обратной стороны жизни, и он вполне мог стать легкой добычей негодяев. В таком случае его исчезновение нужно объяснить по-другому.

— Да... маленькая спокойная женщина играет роль утешителя и не заинтересована в замужестве. Но когда речь заходит о крупной сумме денег, она совсем другая. Видмер мог взять эти деньги для нее... Но тогда она не убила бы его.

Жорж Адлер закурил сигару.

— А этот итальянский шофер? — сказал он. — Мы считаем, что он последним видел своего патрона. Может быть, он был в сговоре с маленькой спокойной женщиной... тем или иным образом.

— Ну да, Жорж. Вам надо будет последить за Колла. Он может дать нам возможность обнаружить интересные вещи. Он довольно глуп и может сделать небольшие глупости, но он не способен на похищение или убийство. И это не он выбросил Гонорин из окна, так как он находился в Париже. Вместе с тем, всегда можно ошибаться в людях, например, это милое письмо. Оно дает нам указание, а нам остается лишь определить, серьезно ли оно.

Комиссар бросил Адлеру анонимное письмо, которое тот с интересом прочитал, внимательно осмотрев конверт и бумагу.

— Эти проклятые письма! — воскликнул он с отвращением в голосе. — По крайней мере его автор знает имя шофера и в курсе его заявления. Но газеты опубликовали это, да? У этого письма есть два дефекта. Вы, конечно, заметили это?

Сатурнин кивнул и зевнул.

— Я догадываюсь, откуда оно пришло. Это злость продиктовала его.

— Как большинство анонимных писем. Но есть много сомнений в том, что Колла оставил своего хозяина в указанном месте. Одно из двух: либо Видмер заплатил ему за то, чтобы он молчал о том, что он отвез его в другое место, либо Колла участвовал в ограблении вместе с убийцей или без него.

— Да, Жорж. Но мы будем действовать, как если бы Видмер попал в ловушку. В противном случае он написал бы жене.

— А секретарша тоже не зря упала из окна, ее толкнули или?..

— По-видимому. Она искала что-то, что скрыла от нас. Я почти уверен в этом. Что же касается Гидо Колла, он мог играть в заговоре небольшую роль, но можно также предположить, что он что-то обнаружил и работал на себя. Понаблюдайте за ним, Жорж. Если он внезапно начнет тратить много денег или если у него будут свидания с мужчиной или женщиной, это может оказаться важным.

Глава 11

Случай у театра

По обе стороны тихой авеню Монтень тянулись ряды автомашин с потушенными фарами. Платаны над ними едва шелестели листьями в эту душную ночь. Яркий свет падал из окон театра, и шоссе в лучах ламп блестело, как полированное. В противоположность ему освещение маленького бистро казалось слабым. Улица была безлюдной в ожидании того момента, когда двери театра распахнутся и из них начнет выходить публика.

В театре на Елисейских Полях шла премьера, и весь Париж присутствовал на ней.

В бистро люди в фуражках, каскетках и ливреях всех цветов сидели за маленькими столиками перед большими стаканами с освежающими напитками.

Стоя перед стойкой, тип, похожий на Мефистофеля, одетый не по сезону в черный плащ, слушал молодого бармена, бледность которого свидетельствовала о том, что он мало спит. Машинально он водил пальцем по стойке, рассказывал о женщинах, о любви и причинах, по которым люди убивают друг друга.

— Война неизбежна, месье, — говорил он, — и ничто не сможет помешать ей. Совсем как в пьесе, которую сегодня играют.

Со стороны группы шоферов раздался радостный крик: игровой автомат выплюнул четырнадцать франков.

— Все это очень сложно! — произнес Жорж Адлер, качая темной головой. — Все мы хотим изменить всё к лучшему.

Молодой бармен протирал тряпкой поверхность стойки, в то время как Жорж устремил взгляд на большую белую с красным машину, в которой мужчина в ливрее, сидя за рулем, читал газету.

— Пожалуй, я выпью еще, — сказал он.

Бармен аккуратно налил ему пива.

Жорж видел, как по другую сторону улицы Гидо Колла, сложив газету, вышел из машины, потянулся и почти сразу же снова сел за руль. К стойке подошла группа шоферов и заказала пива. Жорж расположился около двери. Гидо Колла выключил в машине свет, и бригадир лишь смутно различал его. Шофер вышел на тротуар, теперь большой лимузин находился между ним и человеком, за которым он следит.

Быстро вернувшись к прилавку, Адлер расплатился. По выражению его лица можно было понять, что Гидо снова влез в «испано», но теперь над его головой не было света и что-то... что-то очень смутное... какое-то беспокойство... вызвало тревогу в мозгу детектива.

Раздался звонок, захлопали двери, освещение театра стало еще ярче, и чей-то голос закричал:

— Номер тридцать пятый!

— Черт! Они выходят, — сказал один из шоферов и быстро опорожнил стакан.

Теперь улица стала оживленной. Жорж Адлер ругаясь сквозь зубы, прокладывая себе дорогу сквозь толпу, которая внезапно наводнила тротуар. Он видел, как большая «испано» медленно тронулась с места и не торопясь направилась к выходу из театра.

— Ладно! — сквозь зубы проворчал он. Его охватило необъяснимое чувство тревоги при виде человека в ливрее за рулем «испано».

Адлер пересек улицу и, подойдя к театру, заметил на краю тротуара женщину с каштановыми волосами. По фотографии он узнал мадам Видмер. Ее сопровождал мальчик лет четырнадцати. Они ожидали машину, и один из служащих подавал знаки «испано», которая медленно приближалась.

Потом произошло нечто странное, причем так быстро, что застигнутый врасплох Жорж Адлер не знал, что ему делать. Приближающаяся так спокойно машина, вдруг словно сошла с ума. В том месте, где она должна была, замедлив ход, остановиться, она рванула и как молния пролетела мимо Фелисити Видмер, ее сына и служащего театра.

Жорж кинулся было вслед, но понял, что это бесполезно... он потерпел фиаско. «Испано» все прибавляла ход и вскоре исчезла из вида за стеной темных неподвижных платанов.

Глава 12

Сатурнин Дакс недоволен

Комиссар Сатурнин Дакс взобрался по ступеням станции метро и дошел до моста Алма. Утро было прекрасным, сияло солнце. Он сразу же узнал красную спортивную машину Феликса Нормана. Бригадир весело махал ему рукой.

Сатурнин подошел к нему.

— Что нового, мой мальчик?

— Ничего, шеф. Колла исчез, как и Видмер. И его «испано» тоже. Жорж Адлер очень тяжело переживает, бедняга. Он считает, что это резко снизило наши акции и что наша группа обесщещена. Он провел всю ночь в поисках автомобиля, но так и не обнаружил ничего.

Ворча, Сатурнин с трудом устроился рядом со своим коллегой.

— Это абсурд! Жоржу незачем упрекать себя. Очень легко убежать от человека, который следит за тобой, особенно, когда у тебя мощная машина. Ладно, отправимся на бульвар Сюше. Узнаем, что думает об этом мадам Видмер.

Феликс отъехал и быстро влился в поток машин и мотоциклов.

— Я умолял Жоржа не огорчаться. Это могло случиться с каждым, ведь правда?

— По-видимому. Но невольно возникает вопрос: что же случилось?

— Что случилось? Все очень ясно, шеф. Колла был в заговоре против своего хозяина и теперь решил удрать.

— Ничего не ясно. Когда он прошлой ночью позвонил мне, то сказал, что Колла вышел из машины и выключил в ней свет. Вероятно, почувствовал беспокойство. Почему?

— Ну, мне кажется, у него были подозрения... ему показалось, что все идет не так. Старине Жоржу хорошо известны все уловки, и его инстинкт всегда настороже. Он как боксер на ринге, который прекрасно знает, что его противник сейчас сделает...

— Все это так, но в этом нет ничего таинственного. Боксер находился сотни раз в аналогичной ситуации, отсюда и быстрота его мыслей и реакции.

— Конечно, но я не понимаю, к чему вы клоните.

— Вероятнее всего, мой мальчик, произошло вот что. Жорж был в маленьком бистро около театра, откуда можно было видеть Колла, читающего в машине газету. Но Колла, погасив свет, вышел из машины, Жорж больше не видел отчетливо его фигуру, и его охватило беспокойство.

Комиссар произнес последние слова таким тоном, который поразил Феликса.

— Пусть меня повесят! — воскликнул он. — Вы хотите сказать, что кто-то другой занял место Колла и что Жорж потому и забеспокоился, что заметил перемену?

— Это очень возможно. Жорж внезапно сообразил, что что-то изменилось в силуэте человека, за которым он следил. Ливрея, каскетка, гетры, об этом нечего говорить, но человек мог стать крупнее или меньше, толще или тоньше. Это едва заметно, но достаточно для того, чтобы обеспокоить Жоржа. Если бы было иначе, почему бы он стал беспокоиться? Ничего не произошло, ничего заметного, что могло бы доказать это.

Наступило молчание. Машина теперь ехала по элегантной улице Анри-Мартин.

— Черт! — проворчал Феликс. — Кажется, мы сунули нос куда надо, шеф. В сущности, это ощущение не появилось бы у Жоржа, если бы не объяснилось тем, что его хотели надуть. Но что можно заключить из этого?

— Я ничего не знаю, — проворчал Сатурнин. — Я знаю только, что не хочу оказаться в дураках. Черт, мне кажется, что я ребенок перед фокусником.

Голос комиссара был не только ироничным, но в нем звучала горечь.

— Прежде всего исчез богач, и мы не имеем ни малейшего представления, что с ним случилось. Мы также не можем выяснить, куда он поехал днем в своей большой машине, такой заметной. Затем обнаруживаем труп его секретарши в саду пустого отеля, куда она приехала тайно. Нас уверяют, что она покончила с собой, выбросившись из окна, и мы не можем доказать обратное. Таким образом, важный свидетель уничтожен, и мы ничего не можем сделать. Превосходно! А теперь другой важный свидетель, Гидо Колла, исчез так же, как и автомобиль,

который так заметен. И мы опять ничего не можем сделать. Нам пора ехать в деревню и сажать капусту. Может быть, это у нас будет лучше получаться.

— Черт возьми! — протестовал Феликс. — Вы преувеличиваете. Колла исчез только в прошлую ночь. Всего восемь часов назад. И всего лишь восемь дней назад мы узнали, что Видмер не вернулся домой.

— Совершенно верно, восемь дней! Очаровательно! А теперь предположим, что он находится в руках бандитов в течение восьми дней и ночей, которые заставляют его подписать чек или что-то в этом роде.

— Боже мой! Вы считаете, что это возможно, шеф?

— Почему бы нет? Такие вещи случаются. Это совсем не невозможно. По мнению его банкира, он мог купить валюту и мог иметь ее при себе или в верном месте. Может быть, секретарше это было известно и шоферу тоже. Гонорин Лорд мертва, шофер исчез... если жив.

— Ну, если так, то дело становится совсем зловещим!

— Может быть и так. Самое скверное, по моему мнению, то, что мы не можем никого подозревать. Так же, как и бригадира Адлера, мой инстинкт после тридцати лет службы предупреждает меня... И я чувствую, что нас здорово обставляет одна или несколько очень ловких личностей.

— Вы думаете, что секретаршу и шофера убили?

Сатурнин пожал плечами.

— Если похитили или убили Видмера, то верю, что могли убить и секретаршу, и шофера. А где Колла? Жорж спрашивал мадам Видмер? Известно, что он отвез ее с сыном в театр, но я сомневаюсь, что позднее за рулем был Колла. Машина проехала мимо них.

— Но, может, это Колла проехал мимо?

— Зачем? И именно в тот момент, когда было труднее, когда он был на виду. Колла просидел три часа в «испано» под наблюдением Жоржа, и я совершенно уверен, что он не подозревал об этом, так как Жорж знает свое дело.

— Это, конечно, странно.

— Это кошмар для полиции. У нас нет того, что говорило бы об убийстве. У нас нет даже уверенности, что было совершено преступление. Чудная ситуация! Особенно, когда чувствуешь, что кто-то прекрасно все организовал, начиная с исчезновения Видмера и до вчерашней тайны.

После небольшого молчания Феликс проговорил задумчиво:

— Если есть таинственная личность, которая все заранее заготовила, то, держу пари, что это Форестье... знаете, тот, директор издательства.

— Абель Форестье? Почему?

— Обстоятельства могли вынудить его к этому. Кто знает, не было ли у него свидания с Видмером в вечер его исчезновения, чтобы поговорить о делах? Может быть, шофер был в курсе этого. Колла решил шантажировать Форестье... который и уничтожил эту печальную личность прошлой ночью.

— Но что побудило его к этому?

— Деньги. Форестье знал, что у Видмера были с собой деньги.

— Форестье богат... или во всяком случае вполне обеспечен.

— Может, он проигрывает или женщины ему обходятся очень дорого. Он обеспечен, но ему под шестьдесят и пора думать об отставке. Могут существовать и другие, нам неизвестные причины. Возможно, у него с Видмером произошла ссора... из-за Гонорин Лорд, кто знает?

— Количество фактов, нам неизвестных, действительно бесконечно! Форестье пришел к нам, и это он сообщил, что Видмер не вернулся в контору.

— Да, но он пришел во вторник, а не в понедельник, хотя Видмер, по его словам, никогда не пропускал понедельника. Я всегда с подозрением отношусь к людям, которые из деловых соображений первыми объявляют нам об убийстве или другой какой-либо истории. Они рассчитывают, что их не станут подозревать.

— Это верно, только до неизвестного предела, — возразил Сатурнин. — Я помню, как подозревали Турина, который пришел к нам.

— Это было совсем другое, — живо проговорил Феликс, — ну вот мы и приехали. Остановиться мне перед домом или не доезжая?

Глава 13

Изумруд

Фелисити Видмер приняла их в салоне, заставленном мебелью и картинами, которых бригадир Норман не признавал, и фотографиями, которые он считал приемлемыми. Она была очень любезна и извинилась за свой домашний вид, хотя извиняться было не за что. Все, что было на ней надето, было выполнено с большим вкусом. Она призналась, что привыкла поздно вставать.

Она говорила легким, слегка ироничным тоном. Сатурнин, который внимательно наблюдал за ней, нашел, что она изменилась. Ее небрежность и усталость исчезли. Глаза были более блестящими, голос громче и решительней. Она помолодела, похорошела, стала кокетливой, как и полагалось молодой парижанке. Может быть, ей еще не хватало живости, но у нее исчезла апатия, которая одолевала ее восемь дней назад.

Комиссар сразу же заговорил об исчезновении Гидо Колла. Шофер ничего не сообщил мадам Видмер, и она не знала, где находится ее машина.

— Это невероятно! — сказала она. — Вчера вечером Колла отвез нас в театр, Поля и меня. У него был совершенно нормальный вид. Я не поняла, что произошло. Мы никогда не замечали, чтобы он пил. А если предположить, что он выпил лишнее и как сумасшедший проехал мимо нас, то потом он, безусловно, вернулся бы сюда.

Она наклонила голову набок и смотрела на Сатурнина с недоумением.

— А что думает ваш сын?

— Поль? Но он ведь ребенок.

— Неважно, — возразил комиссар, пожав плечами. — Дети часто видят то, что ускользает от нас.

Быстро взглянув на него, она покраснела.

— Поль не любит Колла, я не знаю почему. Иногда Поль бывает очень странным.

— Он не нашел объяснения такому неожиданному исчезновению шофера?

— Нет, месье. Поль не говорит об этом, я тоже.

Неожиданно она улыбнулась.

— Какая нелепая история! Наши места были у выхода, и мы вышли из театра раньше толпы. Мы видели, как наша машина приближалась к нам... медленно, как обычно. И вдруг она рванулась вперед, оставив нас ошарашенными от неожиданности.

Она рассмеялась.

— Что касается меня, то я подумала, что Колла от скуки засиделся в одном из маленьких кафе около театра. Но раньше я никогда не замечала, чтобы он пил.

Сатурнин немного наклонился вперед, чтобы лучше видеть лицо мадам Видмер.

— А вы уверены, что это был ваш шофер, мадам? Вы отчетливо разглядели его, когда машина проезжала мимо?

Она широко открыла глаза. Удивление, раздумье и потом что-то вроде страха промелькнуло у нее на лице.

— Нет... теперь, когда вы заставили меня задуматься, я должна признаться, что не узнала Колла. Он очень быстро проехал мимо нас. И освещение было недостаточным. Потом как-то не обращаешь внимания на то, о чем заранее знаешь. Прислуга, которая стоит позади тебя за столом, человек за рулем машины — это привычные образы.

Сатурнин медленно кивнул головой, не переставая наблюдать за ней.

— Но, — добавила она, — я не понимаю, месье, зачем кому-то нужно было занимать место Колла. И почему он уехал именно в тот момент, когда мы вышли из театра? Все это кажется мне фантастическим.

Комиссар встал.

— Нам будет нужно немного прояснить эту тайну, — сказал он. — С вашего разрешения, мадам, мы сходим посмотреть жилище шофера.

Сатурнин Дакс и Феликс Норман методически обыскали комнаты, занятые Гидо Колла, и осмотрели личные вещи. Его квартира, находящаяся над гаражом, была опрятной. Спальня выходила окнами в сад, в котором деревья уже начали терять листву. В квартире были еще маленький холл и кухня.

В холле они ничего не обнаружили. Шкаф с дюжиной книг на итальянском языке явно порнографического содержания, проигрыватель с набором отличных пластинок.

В спальне они обнаружили четыре пижамы и много другой одежды, в комнате ощущался запах духов.

— И этот парень утверждает, что не любит женщин, — сказал Феликс. — А что вы думаете о хозяйке, шеф? Она немного ожила с тех пор, как исчез ее муж.

Сатурнин что-то проворчал. Вынув из комода стопку белья, он разложил его на кровати. Потом, положив на место, стал разбирать кровать. Феликс рассматривал фотографии.

— Ничего. Ни одного имени, даже надписи. Не думаю, чтобы эти курочки играли существенную роль в его жизни.

Приведя в порядок кровать, Сатурнин взял в руки баночку с помадой для волос.

— Будет хорошо, если Васшет придет сюда, — сказал он, — мне кажется...

Он остановился и, сунув палец в плотную массу бриллиантина, выудил оттуда маленький, размером с оливку, твердый предмет зеленого цвета, который засверкал, когда его вытерли.

— О! О! — воскликнул Феликс. — Можно подумать, что это изумруд, и настоящий, правда?

— Да, он не отшлифован, но я думаю, что это прекрасный камень.

— И очень дорогой, а? Особенно для шофера, правда?

— Да. Год работы, возможно. Он не купил его. Этот камень, вероятно, украшал кольцо.

— Он не прятал бы его, если бы получил его честным путем. Но что это может означать, шеф?

— Мы попытаемся узнать, а в ожидании запрем помещение на ключ, и пусть наши специалисты займутся им. Вам лучше остаться в доме до прихода Васшета.

— Вы правы, шеф. А Видмер не носил на пальце кольцо с изумрудом? Потому что, если...

— Нет. Он обычно носил обручальное кольцо и небольшую жемчужину в галстук. Никаких других драгоценностей, если не считать часов на браслете...

Комиссар завязал изумруд в уголок носового платка, взглянул на окно и замер.

— За нами наблюдают, — иронически проговорил он, указывая на окно. — Юный Поль, вооруженный биноклем.

— Какой неприятный тип! — воскликнул Феликс. — Этот ребенок действительно зараза или чума.

Глава 14

Следствие продолжается

Сатурнин Дакс вошел в здание вокзала Сен-Лазар. Полиция, благодаря энергичным поискам бригадира Адлера, получила наконец сведения о продвижении автомобиля Эжена Видмера днем в пятницу 26 сентября.

Адлер обнаружил носильщика, который утверждал, что видел бело-красный «испано» перед вокзалом немногим позднее четырех часов и что он стоял там примерно полчаса. Он также утверждал, что видел мужчину, похожего по описанию на Видмера, входящего в вокзал с чемоданом в руке. Адлер считал этого служащего важным свидетелем.

Сатурнин направился к камере хранения, находящейся в огромном вокзальном помещении со стороны улицы Амстердам. Он сделал знак человеку крепкого сложения, с маленькими пронизательными глазами, подстриженному «под бобик».

— Полиция. Я разыскиваю некоего Эжена Видмера. Возможно, он оставил здесь свой чемодан тринадцать дней назад, это значит в пятницу 26 сентября днем, около четырех часов.

— Эжен Видмер? Ах, да! В газетах недавно печатали его фотографию, верно?

— Вот вам фотография и рисунок. Рисунок представляет человека в лучшем виде. Небольшого роста, как видите, плешивый, тонкая шея. Обычно он носит пенсне, но возможно снял их. Обычно хорошо одет... но это не имеет значения. Посмотрите на уши, шею, усы.

— Да... Я видел его. Но на этой неделе я не дежурил.

— А невостребованный багаж? В тот день у вас много оставляли вещей?

— Нет, не думаю. Крупные вещи обычно оставляют у нас не надолго. Один момент, простите меня, что...

Служащий удалился. Минут через пять он сделал знак Сатурнину и торжественно провел его по задворкам камеры хранения. Среди дешевых чемоданчиков и деревянных тюков один чемодан из блестящей кожи сверкал как жемчужина. На одной из его крышек черным по белому выделялись инициалы «Э. В.»

— Вот ваша вещь, можно сказать. Ведь вы комиссар Дакс, да? Вашу фотографию я тоже видел в газетах. Там, позади, есть маленькая комната, которая служит нам конторой. Может быть, вы захотите осмотреть чемодан?

— Спасибо, мой друг.

Сатурнин прошел в указанную комнату. Оставшись один, он не без некоторого смущения достал из кармана связку ключей и открыл чемодан Эжена Видмера.

Никаких сомнений не могло быть. Он действительно принадлежал Видмеру, так как содержал одежду, которая была на нем в день его исчезновения. Прекрасный костюм-тройка, настоящий костюм делового человека. Но ничто не указывало на то, что Видмер уложил чемодан, отправляясь отдыхать. Другой одежды в нем не было... ни расчески, ни зубной щетки.

Сатурнин вынул брюки и разложил их на столе, потом достал конверт, на котором было напечатано: «Оттиски. Срочно», а на оборотной стороне: «Издательство Сирано». Он не был заклеен и в нем лежали часы-браслет из золота знаменитой швейцарской фирмы. Там также находилась булавка с жемчугом.

Быстро осмотрев эти вещи, комиссар положил их на брюки. В чемодане оставались лишь пиджак и жилет. Сатурнин обшарил карманы и ничего не нашел. Укладывая жилет, он почувствовал что-то под пальцами и услышал легкий хруст. В прокладке был потайной карманчик, и Сатурнин извлек оттуда четыре документа. Это были квитанции от «Зонненшейн с Сыновьями», хорошо известных ювелиров с улицы Мира, удостоверяющие покупку драгоценностей Эженом Видмером. Вместе с квитанциями находилась фотография женщины лет пятидесяти, очень красивой, благородной внешности, в шикарном шелковом платье. Внизу под фотографией стояло имя «Урсула». Ничто не указывало на фотографа, сделавшего этот прекрасный портрет.

Сатурнин медленно сложил все обратно в чемодан, запер его и, достав из кармана веревку, обвязал его. В этот момент в дверях возникла седая щетка волос его нового знакомого.

— Удалось вам что-нибудь найти, месье комиссар? Какой-нибудь след? А что, бедняга убит?

Сатурнин кивнул головой и невольно улыбнулся такому любопытству служащего.

— Ничего еще не известно. Но это чемодан Видмера. Я отвезу его на набережную Орфевр, а вы получите расписку. Понимаете? И я рассчитываю на вашу скромность.

— Понятно, месье комиссар.

— Хорошо. А теперь скажите, есть тут поблизости место, где можно переодеться? Туалеты или ваннные комнаты неподалеку от вокзала? Путешественники, приезжающие из деревни, должны ведь переодеться, чтобы пойти в театр, например?

Служащий удовлетворительно кивнул и указал дорогу комиссару.

Сатурнину показалось, что наконец-то ему улыбнулась удача. Тайна исчезновения Видмера по-прежнему оставалась тайной, но по крайней мере обнаруживались кое-какие детали.

Служащий у туалетов, высокий худой мужчина довольно меланхолического вида, с редкими светлыми волосами, удивленным бледным лицом и грустными глазами, в которых читалась печаль, с удовольствием включился в роль важного свидетеля.

Комиссар показал ему чемодан и фотографии Эжена Видмера. Не рассказывая подробности, он тем не менее навел его на нужные ему воспоминания. Служащий вспомнил, что Видмер пришел к нему около четырех часов, когда посетителей немного. Более того, Видмер вел себя так, что обратил на себя внимание служащего и даже вызвал в нем подозрительность.

— Да? Чем же? Нервозностью, возбужденностью?

Сатурнин предложил служащему сигарету и поспешил закурить сам, так как разговор происходил в обстановке, наполненной неприятными запахами.

— Я не знаю, был ли Видмер возбужден, месье, — ответил служащий, — но у него был довольно странный вид, понимаете? Он хотел сменить костюм... Ведь это действительно странное желание в четыре часа дня, не так ли?

— По-видимому, мой друг.

Служащий задумался.

— Он сказал, что едет за город. Но ведь он не обязан был давать мне объяснения. А я у него ничего не спрашивал. Он ведь мог делать, что хотел, не так ли?

— Разумеется, мог.

— Конечно... Но он этого не сделал. Я вам скажу, месье, что бывают странные клиенты и даже очень странные.

Служащий сощурил глаза.

— И потом этот Видмер... это был Видмер, я уверен в этом... был одет очень шикарно. Понимаете? Он дал мне большие чаевые, когда я сказал ему, что он может переодеться тут, в моем углу. Ладно. Итак, мой шикарный тип достает из чемодана такой костюм, в котором я не хотел бы, чтобы меня видели даже мертвым.

— Да?

— Даже мертвым! Безусловно, он только что купил его у «Калина», в одном из этих магазинов дешевых вещей. Они всегда заворачивают покупки в желтую или красную бумагу. Нельзя ошибиться, «Друзья бедных» — так называются эти мерзкие лавки. Может быть в этом ирония, нет?

— Да! Существуют бедные, которые помогают богатым, — сказал Сатурнин.

Служащий засмеялся.

— Вы правы, черт возьми! Я об этом не подумал.

— Значит тут, в вашем углу он снял прекрасный костюм, чтобы надеть бедняцкий?

— Очень скромный костюм, месье, и ужасный галстук. Он спрятал все это... по крайней мере часть... под своим плащом, но сделал это слишком поздно. Я ведь никуда не уходил и смотрел в оба, понимаете? Бывают же такие забавные клиенты, месье!

— Вероятно. А вы помните тот костюм?

Служащий кивнул головой.

— Я буду помнить его до конца дней своих, — важно ответил он. — Отвратительный зеленый из скверного шевиота костюм. К нему он надел оранжевый галстук. Вы мне не поверите, но клянусь головой моей матери. Оранжевый галстук! Нельзя разрешать делать такие вещи... чтобы не пугать людей.

— Вы считаете, что ваш клиент был в полном разуме?

— Я считаю, месье, что Видмер хотел изменить свою внешность. Он хотел походить на бедняка, понимаете? Но он не имел ни малейшего представления о том, как одеваются бедные и как они себя ведут. Он стал похож черт знает на кого, этот Видмер! На плохого актера, переодетого бродягой. Он оставил на себе ботинки, свою прекрасную шляпу и легкий дорогой плащ. А в этот день было тепло и солнечно, понимаете? Но было видно, что он пессимист от рождения. Во всяком случае, он хорошо сделал, что надел поверх своего костюма плащ, а то его в таком виде могли бы задержать.

У служащего, по-видимому, разыгралось воображение.

Комиссар терпеливо слушал его и не делал никаких замечаний относительно его фантастических предположений. Он задал несколько вопросов, но ничего больше полезного для себя не узнал.

Покидая вокзал, он был доволен, что нашел чемодан, и отправился в филиал «Друга бедных» на улице Амстердам, который описал ему Жорж Адлер. Теперь Сатурнин был почти уверен, что Видмер в канун своего исчезновения купил костюм у «Калина». Он попросил продавца показать костюм из зеленого шевиота, такой же, какой был куплен Видмером. Больше в этом не было никаких сомнений, а также в том, что он снял свой прекрасный костюм на вокзале Сен-Лазар, чтобы надеть скверный.

Теперь стало ясно, что Видмер в день своего исчезновения следовал определенному и заранее обдуманному плану. Но каков был этот план? И почему он сорвался? Комиссар мог строить только предположения.

Глава 15

Безопасная болезнь

Месье Зонненшейн был маленьким, бородатым, пожилым, но очень живым человеком. В петлице красовалась ленточка ордена Почетного Легиона. Его одежда, борода, руки были ухоженными, но в черных глазах мелькал огонек, придававший ему сходство с сатиром. Бросив взгляд на Сатурнина, а затем на квитанции, которые тот ему показал, он провел комиссара в салон, весьма элегантный, если бы не огромный сейф.

— Дело Видмера очень странное, господин комиссар. Этот человек исчез очень забавно.

— Вы были знакомы с ним не как с клиентом, месье?

— Да. И хотя я немного старше его, мы тем не менее придерживались схожих взглядов. Мы вместе проходили военную службу... если можно представить себе Видмера военным!

Зонненшейн засмеялся и подтолкнул к Сатурнину серебряную коробку, лежащую на украшенном тонкой инкрустацией столе.

— Вы курите, комиссар? Здесь у меня английский табак, а с другой стороны — особая турецкая смесь, которую курю я.

Поблагодарив, Сатурнин взял сигарету.

— Меня очень интересует характер Видмера, — сказал он. — У нас весьма противоречивые сведения.

— В самом деле? Это тоже забавно! По моему мнению, о характере Видмера нельзя иметь двух мнений... Разрешите?

С исключительной вежливостью бородач обошел стол, чтобы дать комиссару прикурить, потом тоже закурил сигарету.

— По вашему мнению, у него не хватает смелости?

— Он смирный и боится жизни. Настоящий папенькин сынок. Его отец создал типографию, заработал состояние и удачно поместил свои деньги. Эжену нужно было только продолжать. Его исключительная осторожность помогала ему, и он сохранил почти все свое наследство. Потом в Труше он нашел себе верного помощника. Но осторожности недостаточно в делах и, если бы Эжена так хорошо не опекали, неизвестно что бы получилось.

— Что бы там ни было, но он слывет за крупного богача.

Зонненшейн кивнул головой.

— Его нельзя назвать очень умным, просто ему удалось законсервировать большую часть имущества. А теперь, комиссар? — Он погладил седую бороду, и в его глазах промелькнуло выражение, делающее его похожим на сатира. — Эжен удрал с другой женщиной и бросил молодую жену, которая достаточно привлекательна, так? Да? Такие серьезные люди, как мы с вами, должны быть немного аморальны!

Сатурнин улыбнулся.

— Вы не верите, что в этой истории замешана женщина?

— Нет. Не знаю. Нельзя сомневаться в мужчине только потому, что с ним случилась история. Меня будет очень трудно убедить, что бедняга Эжен в его возрасте превратился в Байрона. Мне нужны веские доказательства.

Сатурнин достал из кармана целлофановый конверт с фотографией, подписанной «Урсула».

— Вот этого вам будет достаточно как доказательства, месье? Я нашел его во внутреннем кармане жилета Видмера. Его костюм лежит в чемодане, а чемодан у меня. Перед тем, как исчезнуть, он снял его, чтобы облачиться в отвратительный костюм бедняка. Внимательно посмотрите на это фото, но не вынимайте его из конверта.

— Вот так так! — красные губы ювелира сжались, когда он рассматривал фотографию. — Красивая женщина, но она не молода, а? Забавно!

— Вам она известна, месье?

— Я ее никогда не видел, и Эжен никогда не говорил мне об Урсуле. Мы не были по-настоящему близки и в последние годы виделись редко. К тому же никто не знает об этой его аванюре, да?

— Никто. А Видмер никогда не приходил сюда с этой дамой? Когда покупал эти драгоценности?

— Нет. Я имел дело только с самим Эженом, он всегда приходил один. — Продолжая рассматривать фотографию, старый ювелир разразился смехом. — Вот это да! Знаете, психологи утверждают, что мы влюблены в своих матерей. Эта Урсула очень похожа на мадам Видмер за несколько лет до ее смерти. У нее была испанская кровь, и Урсула тоже, я думаю, испанского происхождения. Кто знает, может быть, бедный Эжен относился к ней, как к матери? Возможно он сожалеет, что женился на женщине моложе его. Это единственное дерзновение в его жизни.

— Но он ее бросил, — заметил Сатурнин. — Многие люди, кажущиеся такими тихими и робкими, вдруг все ломают. Ну, теперь вы допускаете, что это возможно, месье?

— Вынужден согласиться с тем, что это носит романтический характер. Вы совершенно уверены, что эта фотография принадлежит Эжену?

— Да. Он купил дешевый костюм и переоделся на вокзале Сен-Лазар. Все вещи были тщательно осмотрены на предмет обнаружения отпечатков пальцев, волосков и тому подобное. Мое мнение твердо: Видмер носил это фото вместе с квитанциями на купленные драгоценности в кармане жилета. Две вещи, которые он держал в секрете. Банку были неизвестны эти покупки, жена же его подозревает интрижку, но ничего определенного не знает.

— Эта история действительно забавна! Эжен Видмер со своей коллекцией марок, с катаром верхних дыхательных путей, болезнями реальными и воображаемыми! Господин комиссар, это подрывает мою веру в людей. Скажу больше. Мы, ювелиры, в курсе подоплеки жизни, как и вы, полицейские. Мы часто имеем дела с одними и теми же клиентами, правда? Мы гордимся тем, что знаем людей.

— По-видимому, время от времени и вы, и мы получаем шок. Когда Видмер в течение зимы покупал у вас драгоценности, вы, конечно, думали, что это для жены? Но все вместе кажется немного странным. Вряд ли женщина пожелает иметь сразу пять бриллиантовых колец и почти одинаковых?

— Да, ваше замечание правильно. Но это легко объяснить. Для таких людей, как Эжен, покупка драгоценностей это почти всегда обеспечение... против падения курса ценностей. Их жены или любовницы могут носить их, но основное их назначение — вложение капитала. Люди, играющие на бирже, часто приходят ко мне и покупают драгоценности перед тем, как рискнуть.

— Понимаю. В таком случае, если эти люди разрешают женщинам носить дорогие вещи, значит, они им полностью доверяют. Ведь в зависимости от условий они могут снова вернуть вам эти вещи?

— Верно, комиссар. Когда мы знаем, что наши клиенты серьезные и их положение устойчиво, нам случается порой перекупать свой товар, если они желают его продать. Мы также считали, что такое может быть и с Эженом, а мысль, что они ему нужны из романтических побуждений, не приходила мне в голову. Ничто не казалось мне таким естественным, как покупка драгоценностей Эженом... Мне казалось, что он намеренно избавляется от денег, переводя их в другие ценности...

— Все совершенно ясно, месье. И так как вопрос шел не о слишком крупной для такого богатого человека, как Видмер, сумме, вы не придали этому значения.

— Конечно, нет! Я просто подумал, что это его прихоть.

Сатурнин кивнул головой и достал из кармана камень, который он нашел в бриллиантине Гидо Колла.

— А этот изумруд, месье? Он вынут из оправы, не так ли? Среди квитанций упоминается изумрудное кольцо, купленное Видмером. Скажите, не вы ли продали его?

Сатурнин протянул изумруд, а Зонненшейн, вставив в глаз лупу, подошел к окну, чтобы осмотреть камень.

— Этот камень вышел от нас, комиссар. Ювелиры помечают крупные камни и, если вас интересует рисунок оправы, я смогу вам его найти.

— Вы очень любезны. Возможно, это понадобится.

— Значит, вы прибрали к рукам одну из покупок Эжена. Может быть, я нескромен?

— Слишком много говорить по этому поводу, возможно, и будет нескромностью. Но могу конфиденциально сообщить вам, что шофер Видмера тоже исчез. А ваш изумруд был спрятан в его квартире. Там я и нашел его.

— Вот как? Это совсем странно. И тревожно. Может быть, Эжен стал жертвой покушения?

— Очень может быть, месье.

— А как объяснить, что владельцем изумруда стал шофер? Он спрятал его, а потом испугался и сбежал?

— Нет уверенности, что он сбежал. Он тоже мог стать жертвой нападения. Кто знает, может, кто-то другой спрятал изумруд в квартире шофера? Это один из наименее ценных камней, купленных Видмером.

Голос Сатурнина был серьезен, его взгляд встретился со взглядом ювелира.

— Да, странное дело, — сквозь зубы проговорил он.

От ювелира Сатурнин направился на бульвар Сюше. Старый метрдотель провел его в холл, в котором Фелисити Видмер слушала, как ее сын исполнял произведение Дебюсси.

Мадам Видмер встретила Сатурнина как старого знакомого. Она была свежа и оживлена. Поль хмуро приветствовал комиссара, с треском захлопнув крышку рояля и сев рядом с матерью, с недовольным видом уставился на него.

Сатурнин коротко объяснил, что нашел чемодан с вещами, оставленный на вокзале Сен-Лазар Видмером, и Фелисити опознала эти вещи.

— Что это может означать, месье? — спросила она с беспокойством.

— Это означает, мадам, что мы уверены в одном. Ваш муж 26 сентября поехал на вокзал и переоделся там в костюм низкого качества.

— Костюм низкого качества? Но почему Эжен мог сделать это?

— У вас нет никаких предположений, мадам?

Удивленная и ошеломленная, она покачала головой.

— Двойная жизнь, — заявил Поль. — Он вел двойную жизнь, мама, как Джеккил и Хайд. И теперь его убили.

Мальчик счастливо улыбался. Это было слишком даже для пристрастной матери. Она вскочила с места.

— Уйди, Поль. Пойди в сад, да...

— Но, мама...

— Уходи немедленно... или я рассержусь. Нам нужно поговорить с месье Даксом о серьезных вещах. Ступай, и поторопись!

Поль медленно направился к двери холла и, бросив злобный взгляд на Сатурнина, проговорил:

— Вы просто мерзкий детектив, даже хуже, чем доктор Ватсон!

Со злобым смехом он захлопнул дверь.

Его мать покраснев села и стала извиняться. Сатурнин жестом попросил ее не делать этого. Он передал ей слова Зонненшейна и показал изумруд. Она заявила, что ей неизвестны эти драгоценности и что она не знала, что ее муж купил их.

— Боюсь, Эжен не нашел счастья в домашней жизни, — сказала она. — Покупка этих драгоценностей подтверждает подозрения, о которых лучше прямо сказать. Мой муж меня бросил и уехал с другой женщиной.

Теребя усы, Сатурнин наблюдал за ней.

— И оставил дома почти все свое состояние, мадам.

Она вновь покраснела.

— Это не удивительно. У Эжена благородная натура. Мне кажется, он никогда не придавал значения деньгам.

— Ювелир, у которого ваш муж купил драгоценности, в течение многих лет был с ним знаком. Он считает, что месье Видмер покупал драгоценности как обеспечение. Вы обратили внимание,

почти все они — бриллианты? Могут ли такие покупки быть подарком одной женщине? Например, пять колец с бриллиантами, почти одинаковые.

Фелисити казалась расстроенной.

— Это очень странно. Но существуют определенного рода женщины, которые не пренебрегают ни бриллиантами, ни рубинами, ни изумрудами, и не огорчаются, если им дарят сразу несколько.

— И женщина такого сорта могла бы привлечь внимание вашего мужа?

— Нет. Все это очень странно. Но в чем же тогда объяснение? Мы часто ошибаемся в людях, часто слышим необыкновенные вещи...

Она замолчала, испуганная, ошеломленная. Сатурнин встал.

— Но самое необыкновенное то, что он снял свой прекрасный костюм, чтобы надеть скверный. Вы в самом деле не представляете, что могло толкнуть вашего мужа на подобный поступок, мадам?

— Нет, ни малейшего представления. Я ничего не понимаю.

Глава 16

Комиссар Дакс находит «У. М.»

Комиссар Дакс сидел в кабинете. Перед ним лежали выпуски последних журналов всех знаменитых законодателей мод Парижа.

Сатурнин купил их, но еще не раскрывал. Пока он разглядывал фотографию, которую Видмер носил в секретном кармане. Он изучал лицо изображенной на ней женщины, а скорее ее платье, на редкость элегантное. Последний крик моды.

На мадам Урсуле было платье из черного бархата и кружевные перчатки, напоминающие митенки. На коленях лежала сумочка в форме конверта. При помощи лупы Сатурнин разглядел блестящие инициалы «У. М.» Никаких драгоценностей на фото не было видно.

Заворвав, комиссар перенес свое внимание на стопку модных журналов и стал их перелистывать. В кабинет вошел Феликс Норман.

— Вот как! — воскликнул он. — Вы заинтересовались модами?

— Я занят поисками, — заявил комиссар.

— Не сомневаюсь в этом! — иронически проговорил Феликс и тоже склонился над журналами. — Интересно, мадам Дакс придерживается такого же мнения? Ваши вкусы сходятся? — Он достал из кармана трубку и стал набивать ее. — А эти кружевные перчатки очень красивы. И дама недурна!

Феликс замолчал, увидев, что Сатурнин протянул руку к фотографии Урсулы после взгляда на страницу «Офисиель» с красивой женщиной в черном бархатном платье, украшенном камелиями. Под фотографией можно было прочесть: «Работа Эзабель. Вандомская площадь».

Комиссар схватил телефонную трубку.

— Соедините меня с домом моделей Эзабель на Вандомской площади. Я хочу поговорить с директором, месье Балтазаром.

— Черт возьми! — воскликнул Феликс. — Вы думаете, что платье поможет нам найти Урсулу?

— Я в этом совершенно уверен, мой мальчик. Сколько, вы думаете, оно может стоить? Сколько моделей такого рода они могли сделать? Полдюжины проданы в Бразилию и Аргентину, два или три в Париже. Богатые англичанки и американки не станут дорого платить за распространенную модель.

Он достал пачку сигарет из стола и стал закуривать, но тут зазвонил телефон.

— Алло! Это вы, Балтазар?.. Я здоров, жена тоже. Послушайте, меня интересует ваше новое платье под девизом «Сегодня вечером». Нет, оно слишком дорого для бедного полицейского. Вы продали семь?.. Да. А знаете ли вы даму по имени Урсула, живущую во Франции? Кажется, фамилия ее начинается на «М»... Спасибо, я подожду.

Сатурнин откинулся на спинку стула с трубкой в руке и улыбнулся бригадиру.

— Вот видите. Они продали семь таких платьев, и держу пари, все они были куплены постоянными клиентами моего друга Балтазара... Возможно, что... — Он замолчал, слушая то, что ему говорили в трубку. — А... а... мадам Урсула Мендоза. Вдова, живущая в Пасси. Еще один вопрос, старина. Вы знаете Эжена Видмера?.. Да. Можете мне сказать, это он оплачивал счета мадам Мендозы или его никогда не видели вместе с ней? Спросите приемщицу. Да?.. Тогда слушайте. Я сейчас приеду к вам и привезу фотографию мадам Урсулы. Нет, но мы все же должны опасаться совпадения. Вы будете у себя? Хорошо. До скорого.

Сатурнин повесил трубку и поднялся.

— Поехали, парень, кажется, нам немного повезло.

Четверть часа спустя комиссар получил необходимые сведения. Приемщица, которая обычно занималась с мадам Мендоза, сразу же узнала ее, взглянув на фотографию. Было также выяснено, что по крайней мере два раза Эжен Видмер оплачивал ее счет. Она была вдовой, жила в Пасси, и Сатурнин получил ее адрес. Теперь уже никаких сомнений больше не было.

Глава 17

Пренебрежение к рубинам?

Оба полицейских застали мадам Урсулу в доме, выходящем на улицу Пасси. Открыв дверь Даксу и Норману, она, хотя и была удивлена их визиту, недовольства не выразила. Она провела их в помещение с высоким потолком, верх которого окружала галерея. Студия, разделенная пополам ширмами, была хорошо меблирована. Букеты цветов оживляли комнату.

— Проходите сюда и прошу садиться.

У мадам Мендоза был приятный голос. Она говорила с едва заметным испанским акцентом, что лишь придавало известный шарм ее речи. Все в ней было простым и приятным. Одежда простая, но хорошего качества, волосы, которым она не препятствовала сесть, гармонично окружали ее голову. Сатурнин заметил, что она пользовалась косметикой, но очень скромно. Она казалась старше, чем на фотографии. Комиссар дал бы ей лет пятьдесят пять.

Она села и, когда оба мужчины последовали ее примеру, с улыбкой спросила:

— Какова причина вашего визита, месье?

Она смотрела прямо на Сатурнина, и в ее черных глазах он читал лишь вежливый вопрос.

— Мы из полиции, — ответил он и сделал паузу, но лицо мадам Мендоза не изменилось. — Мы проводим расследование относительно образа жизни Эжена Видмера.

На этот раз ему показалось, что она побледнела, но он не был уверен в этом. Она уселась поудобнее в большом кресле и подложила под спину подушку.

— И тогда вы пришли ко мне? — спросила она совершенно спокойно.

— Это ведь естественно. Ведь вы из числа его друзей, не так ли?

— Да... друг. — Поколебавшись, она продолжила: — Мы добрые друзья и больше ничего, месье.

Сатурнин кивнул.

— Я в этом уверен, мадам. Наша беседа будет недолгой. Нам нужно только кое-что выяснить относительно поведения месье Видмера. Его отсутствие беспокоит... его жену и заместителя. Вы читали газеты, мадам?

— Да... — Она снова заколебалась и, повернувшись, уронила подушку на пол. — Я видела газеты.

— Мы надеялись, что кто-нибудь... какой-нибудь друг сможет нас заверить...

Она сразу ответила спокойным тоном:

— Вам легко догадаться, почему я это не сделала. Как я вам уже сказала, Эжен только мой друг, больше ничего. Но люди часто бывают злыми, и даже в моем возрасте женщина не сможет

избежать кривотолков. Это тем более не исключено, когда дружба с мужчиной держится в секрете.

— Вы знаете, где он?

— Нет, месье. Он уехал в отпуск на несколько дней, но мне неизвестно, куда он поехал.

— А он сказал вам, что уезжает в отпуск?

— Весьма неопределенно. Он мне только сказал, что нуждается в отдыхе и перемене обстановки. У него есть привычка ненадолго уезжать, чтобы отдохнуть. Разве это не естественно?

— Конечно! И когда вы его видели в последний раз, мадам?

— 21 сентября, месье.

— У вас хорошая память.

Ее бледные щеки слегка покраснели.

— Как я могу это забыть? — тихо проговорила она. — Это была годовщина нашей первой встречи.

— Старая дружба, мадам?

— Нет. Всего два года. Эжен был знаком с моим мужем, который умер три года назад. Сантос, мой муж, был артистом. Он участвовал в подготовке реклам, тогда-то он и познакомился с Эженом, а я с ним познакомилась уже после смерти мужа.

— А вам приходилось встречаться с мадам Видмер и ее сыном?

— Нет, месье.

— А с личным секретарем, мадемуазель Лорд?

— Я ее никогда не видела. Эжен рассказывал мне о ней, но я никогда ее не встречала.

— Да? А шофера?.. Гидо Колла?.. Его, по крайней мере, вы видели?

— Шофера... Нет, нет, месье, а почему я должна была его видеть?

— Разве вы никогда не ездили с Эженом в его машине. В Париже или в Булонском лесу, или где-нибудь еще?

— Никогда. Как я вам сказала, нашу дружбу мы всегда держали в секрете. Повторяю, месье, что между нами никогда ничего, кроме дружбы, не было... кроме товарищества. И к несчастью даже это приходилось скрывать. Такое положение было для меня мучительным. Я буду честной, я очень любила Эжена, охотно принимала его дружбу, которая стала для меня необходимой. Но готова была покончить с этим, как только он сообщил мне, что женат. Он был таким несчастным. Мы оба были несчастными и нашли утешение в дружбе, которая, я уверена, никому не могла повредить.

— Вы так думаете, мадам?

— Да. Я много думала, месье. Эжен несчастлив дома. Он уважает мадам Видмер, но несчастлив... И я уверена, что если бы и прервала нашу дружбу, я ничего бы не изменила... — Она остановилась. — Ведь это никому не мешало, даже мадам Видмер.

— Вы допускаете, что положение могло усугубиться, мадам?

Она посмотрела ему в глаза.

— Эжен стал бы несчастным... я в этом уверена. Я не знаю, что бы он сделал.

— А вы говорили ему, что нужно прекратить эту дружбу?

— Часто... в первое время, когда узнала, что он женат... Впоследствии я признаю, что была слаба. Жизнь для такой женщины, как я, может стать очень тоскливой. Естественно, я находила оправдание своей слабости, но считаю, что не причиняла никакого зла его жене. Я считаю, что он мог бы пойти гораздо дальше, и это было бы намного хуже. — Она сильно покраснела. — Видите ли, я совсем не была в нем заинтересована. Мой муж оставил мне солидное состояние, а запросы у меня скромные.

— В то время как лишенный вашей дружбы Видмер, возможно, стал бы искать утешения с кем-нибудь... кто мог бы заинтересоваться им? Ведь вы об этом хотели сказать, мадам?

— Это возможно... Да, честно говоря, это то, о чем я думала. Ведь если не ошибаюсь, Эжен очень богат?

— Он вам никогда не давал денег?

— Нет... Подарки... иногда ценные, но деньги никогда.

— Драгоценности?

— Никогда. Вечернюю сумочку, а иногда, очень редко, он уговаривал меня принять от него платье. Эжен любил, когда женщина хорошо одета и, признаюсь, иногда он оплачивал платье, которое я сама не в состоянии была оплатить... Но, честно говоря, месье, я не вижу в этом ничего дурного. Эжен часто уверял меня, что такие траты для него ничто. Цветы, пустяки и некоторые маленькие подарки я позволяла ему делать и даже оплатить четыре-пять платьев, которые я выбрала для себя... в течение двух лет... это ничто в сравнении с тем, что он жаждал сделать для меня.

— В самом деле? И он предлагал вам драгоценности, мадам?

— Часто. Если бы я позволила, он перевел бы на мое имя капитал, намного превышающий мои потребности. Я должна была быть твердой и отказывать ему в этом, месье. Эжен очень великодушен и иногда он просто сердился на меня за то, что я отказывалась от денег. Но тогда обстановка стала бы невыносимой. Я очень дорожила его дружбой и не могла допустить, чтобы она омрачилась.

— Я уважаю ваше мнение, мадам, поверьте мне. А у вас есть письма от Видмера?

Этот неожиданный вопрос заставил ее покраснеть, но она ответила откровенно:

— Да, несколько. Их немного, учитывая, что мы оба живем в Париже. Всего десять писем, написанных Эженом из Монако и из других мест, куда он ездил на отдых. Кажется, в одном из них есть то, о чем я вам говорила, — о его предложении подарить мне драгоценности.

— Вам будет неприятно, если я посмотрю эти письма?

— Да, месье, очень неприятно.

— Вы говорите о драгоценностях, мадам. А видели ли вы то, что Видмер покупал? Вы в курсе его покупок? Не предлагал ли он вам, например, кольцо, от которого вы отказались?

— Нет, я не помню, чтобы Эжен когда-нибудь приносил мне драгоценности, если это то, о чем вы хотите узнать.

— Именно это я и хочу узнать, мадам. У вас нет никакого предположения, где может находиться Видмер в настоящий момент?

— Я ничего об этом не знаю. У него не было никаких постоянных мест, он любил перемены.

Сатурнин встал, взял шляпу и трость и повернулся к мадам Мендоза.

— И совсем между нами, мадам, что вы думаете об этом деле?

— Что я думаю?... Я не понимаю... Как я вам уже сказала, я считаю, что Эжен устроил себе небольшой отдых. Сейчас ведь такая отличная погода!

— Но ведь вы читали газеты. Надеюсь, вы поняли, почему в них говорилось об отсутствии Видмера. Нет? Несмотря на написанное, Видмер не сообщил, где он, ни домой, ни на работу.

Она встала с кресла, глядя на комиссара, пожала плечами.

— Вы хотите знать мое мнение, — сказала она, — я полагаю, что Эжен отдыхает и не читает газет. Он может быть в Швейцарии или Италии. В заброшенных уголках трудно достать парижские газеты, и вообще, когда отдыхаешь, не читаешь газет. Я совершенно не беспокоюсь, месье.

— Я это вижу. Теперь поговорим о письмах... Вы даете мне слово, что сохраните их и, если возникнет необходимость, дадите мне прочитать?

Взгляд Урсулы выразил лишь удивление.

— Разумеется, я сохраню их, месье. И если вам удастся убедить меня, что это в интересах Эжена, они будут в вашем распоряжении.

Они сидели на террасе маленького кафе на улице Пасси. Феликс Норман пил пиво, а Сатурнин размышлял, потягивая вино из стакана.

— Что вы думаете об этой женщине? — спросил бригадир. — У нее очень приличный вид, верно? Славная женщина и незаинтересованная.

— А по-вашему, она лгала, мой мальчик?

— Я этого не думаю. Она произвела на меня хорошее впечатление.

Феликс широко улыбнулся.

— Вы устраивали ей ловушки, но она не попала в них.

Сатурнин равнодушно кивнул.

— Она ни разу не употребила прошедшего времени, говоря о Видмере, — сказал он. — А это легко сделать, когда говоришь о мертвом.

— Если к этому не подготовиться, шеф. Она могла подготовиться и внушить себе, что он находится в отпуске.

Сатурнин достал из кармана пачку сигарет.

— Она не ожидала нашего посещения. Она могла отрицать, что у нее есть письма Видмера. На меня она тоже произвела хорошее впечатление... Но, черт возьми, она кое-что все же утаила от нас.

— Вы так думаете? Да, такая скрытная женщина сумеет при желании скрыть то, что ей надо.

— Это сомнительно, мой мальчик. То малое, что нам удалось обнаружить, сделало дело еще более темным. Возблагодарим господу за то, что у нас есть что пить и курить, и мы можем вернуться в деревню, когда нас выкинут из полиции.

— По-видимому, — проговорил Феликс тоном, в котором комиссар узнал свой собственный.

Глава 18

Гараж в Пасси

Сатурнин Дакс внимательно осмотрел тело Гидо Колла, лежавшее в «испано» и почти скрытое покрывалом. Исчезнувший автомобиль и шофер были обнаружены на улице Помп в незанятом гараже пустого дома.

Несчастный был заколот. Его труп лежал на спине. Рана на шее была нанесена опытной рукой. Сатурнин осмотрел руки, ногти рук, подошвы башмаков. Нагнувшись к восковому лицу, осмотрел вблизи рот, нос, уголки глаз. В нагрудном кармане он обнаружил небольшой замшевый мешочек, содержимое которого слегка звякнуло. Комиссар, пятясь, вылез из машины на свежий воздух. Его взгляд встретился с вопросительным взглядом Нормана.

— Уже по крайней мере сорок восемь часов, как он мертв, мой мальчик. Единственная рана нанесена в шею ножом с очень тонким лезвием, или чем-то вроде этого. В машине никакого оружия. Крови вытекло очень мало. Почти мгновенная смерть. Очень умелая рука.

Он снял шляпу и отогнал насекомых.

— По крайней мере сорок восемь часов, — повторил бригадир. — Если мы дойдем до пятидесяти шести, то Колла был убит в ночь исчезновения... в ночь, когда он доставил мадам Видмер в театр.

— Да, пожалуй, что так. Мы узнаем больше, когда его осмотрит судебный врач, но что касается времени смерти, то тут все и так ясно.

— Пусть меня повесят! Вероятно, его убили в то время, когда за ним следил Жорж Адлер. Бедняга Жорж, это убьет его.

— Не надо шутить! Такое могло случиться с любым из нас, — сердито проговорил Сатурнин. — Жорж должен был находиться в бистро, чтобы его не заметили. Было темно и, когда Колла, окончив чтение газеты, погасил в машине свет, Жорж не мог больше видеть его.

— Итак, что же могло произойти, — спросил Феликс. — Незвестный в форме шофера заговорил с Колла и, возможно, оба спокойно уселись в глубине машины, чтобы поговорить. Не исключено, что у них было назначено свидание. Ну, конечно, Колла знал незнакомца. Может быть, тот шантажировал его. Может быть, незнакомец подошел, поздоровался со своей жертвой и сказал: «Сожалею, но я смог достать лишь сто тысяч франков, остальное я отдам вам завтра». Ему удалось уговорить Колла сесть в машину и, когда тот стал пересчитывать деньги, незнакомец ударил его ножом в шею, набросил на него покрывало, сел за руль в своей шоферской ливрее... и ему оставалось лишь удрать.

— Замечательно, мой мальчик!

— Но это было очень возможно, шеф. Он привез труп сюда и это доказывает, что все было спланировано заранее. Он знал, что этот дом пустой и здесь он сможет спрятать «испано»... по меньшей мере на несколько дней.

— Все это очень предположительно.

Сатурнин равнодушно кивнул, терпеливо развязал узел, которым был завязан мешочек. Он высыпал его содержимое себе на ладонь.

— Что это? — воскликнул Феликс. — Это оправы или драгоценности?

Он подошел поближе.

— Оправы, мой мальчик. За исключением этой золотой монетки. Старинная монетка в двадцать долларов. Она представляет собой коллекционную ценность... но ничего особенного.

— Как сказать! Вы думаете, это оправы от колец и других купленных Видмером у Зонненшейна драгоценностей?

— Ни секунды в этом не сомневаюсь. Хорошая работа! Этот человек ловкач, но будем надеяться, что не слишком.

— Я не понимаю.

— Где же ваше воображение? Злоумышленник наложил руку на Видмера и купленные им драгоценности. Колла знал о происшедшем, полностью или частично. Он, очевидно, занялся шантажом... и его ликвидировали. Преступнику нужно было, чтобы подозрение в убийстве хозяина пало на его шофера. Вот почему мы нашли у него в бриллиантине изумруд. Из всех купленных Видмером вещей изумруд был наименее ценным, а оправы и вовсе не представляют ценности для нашего незнакомца. Они даже опасны для него. Что же касается американской монеты, то вероятно она принадлежала Видмеру.

— Значит, беднягу все же убили?

— Я уверен, что Эжен Видмер мертв. Он стал жертвой преступника, похитившего драгоценности. Все это ясно, но кто он? У нас нет ни малейшей зацепки. Просто кошмар! Еще один труп! Послушайте, зарисуйте-ка для меня эту машину, потом Васшет сделает фотографию. У вас есть бумага? Хорошо. А я пойду к тому агенту, который свистит в саду.

Оставив Феликса за работой, Сатурнин вышел из гаража. Свистун замолчал, и по-военному приветствовал комиссара.

— Итак, мой друг, — сказал Сатурнин, — это вы обнаружили злосчастную «испано» и ее содержимое? Как вас зовут?

— Пети, господин комиссар, Жан Пети. По правде сказать, не моя заслуга в этой находке. Сегодня рано утром в саду играли дети, которые и увидели, что дверь гаража легко открывается. У них хватило сообразительности сообщить об этом в полицию. Они поймали меня в пятидесяти метрах отсюда.

— Дети? — Сатурнин помрачнел.

— Они увидели только одну ногу, остальное было скрыто, а дверцы машины заперты. Я сказал им, что шофер просто заснул в машине.

— И вы открыли дверцу?

— Да, месье комиссар. Мой брат держит гараж, и он научил меня разным способам.

Задумчиво теребя усы, Сатурнин рассматривал хорошенький павильон, на котором около входной двери прочитал имя «Буен Ретира». Ничто не указывало на то, что дом сдается или продается.

— Здесь очень мило, — сказал Сатурнин, — и опустел он, вероятно, недавно. Хотелось бы знать, как это случилось. Вы не знаете, Жан Пети?

— Да, месье комиссар. Только пятнадцать дней назад из него выехали жильцы. Некий месье Джемс жил тут с женой, дочерью и зятем, но молодые переехали отсюда. Месье и мадам Джемс пожилые люди, им около шестидесяти. Он почти слепой, а у нее вообще слабое здоровье. После отъезда молодых старики решили, что дом слишком велик для них. Они были рады, когда владелец предложил им квартиру на улице Хош.

— Понятно. А хозяин собирается жить здесь?

— Я так понял, месье.

— А кто хозяин этого участка, Жан Пети? Вы знаете его фамилию?

Наморщив лоб, агент стал мучительно вспоминать.

— Черт! Ведь мне называли его! Дьявол! Мне несколько раз повторяли фамилию хозяина... Она начинается с Р... Нет, вру...

— Спокойнее, Жан Пети. Вспомните... Вы разговаривали с консьержками, которые кончили свою работу... Вы курили в саду... Вам сказали, что вскоре их хозяин придет сюда с женой, которая воспитывает собак и хочет иметь дом с садом, и ее муж...

— Черт возьми! Вспомнил, господин комиссар! Его зовут... Форестье! Абель Форестье!

Глава 19

Головоломка

Комиссар Дакс сидел в кабинете и вздыхал над толстой папкой лежащего перед ним досье. Он знал много фактов... и не знал ничего. Это была головоломка, которую он должен был разрешить. Перед ним как бы висела картина, но повернутая рисунком к стене.

Когда он разобрался в написанном, вошел Феликс Норман.

— Абель Форестье сегодня не появился на работе. Никто не знает, где он. С некоторых пор его редко видят в типографии Сирано. Но мы отыщем его до наступления ночи.

Сатурнин кивнул головой, достал из ящика пачку сигарет и закурил.

— Итак, шеф! Полицейский врач подтвердил ваше предположение относительно времени, прошедшего с момента смерти Колла. Он убит около полуночи, во вторник вечером.

— Все это очень просто, мой мальчик, нужно только обратить внимание на насекомых. — Сатурнин зевнул, а Феликс встрепенулся.

— Васшет очень заинтересовался отпечатками пальцев, которые он снял в «испано». Кажется, они очень свежие. Но они не принадлежат ни Колла, ни Видмеру... Возможно, это отпечатки пальцев Поля?..

Сатурнин встал и по привычке подошел к холодной печке.

— Вы хотите сказать, что мы должны снять отпечатки пальцев у Поля? Вы считаете, что он незаметно вышел из театра, чтобы ударом ножа убить Колла и... уехать на «испано»? Эта маленькая бестия способна на многое, но...

— Я просто сказал, что отпечатки пальцев могут принадлежать этому мальчику, — укоризненно проговорил Феликс. — Ведь в этот вечер он был в машине.

— У него небольшие руки. Наши техники сняли отпечатки взрослого человека на багажнике «испано» и на щитке приборов. Давайте попробуем логично смотреть на вещи. Дело и так запутано, не усложняйте его своим сценарием. Держитесь того, что нам известно, мой мальчик.

— Отлично, меня это устраивает.

Сатурнин выпустил кольцо дыма и сказал:

— Во-первых, в пятницу 26 сентября в четыре часа дня Эжен Видмер, человек немолодой и нервный, уехал, как обычно, из своей конторы. Но, нарушив свои привычки, он в тот день не вернулся к обеду домой и не пошел в клуб. Можно сказать, улицы Парижа поглотили его.

— Именно так, — согласился Феликс. — И Колла заявил, что оставил хозяина на площади Трините около четырех часов. Но шофер лгал.

— Да. Во-вторых, Видмер взял из банка около семисот тысяч франков. В субботу, 4 октября, спустя восемь дней после исчезновения Видмера, его личный секретарь Гонорин Лорд была найдена мертвой в тихом отеле в тридцати километрах от Парижа. Она там остановилась под вымышленным именем, почти ничего не ела, выглядела нервной, не выходила из своей комнаты и видимо кого-то ждала. Затем бросилась вниз головой из окна на камни и разбилась... или ее убили. Безделушка, которую она носила на шее, была сорвана ею... или кем-то другим. Нам она сказала, что ей неизвестно, были ли у Видмера с собой наличные деньги, и не совсем естественно утверждала, что Видмер был не таким человеком, чтобы иметь любовницу или заводить вторую семью.

— Она говорила неправду. Она вероятно знала...

— Не торопитесь! Никаких предположений, никаких гипотез... во всяком случае в настоящий момент. Состояние нервов Гонорин Лорд было таково, что полицейский врач допускает

самоубийство, и у нас нет ни малейшей тени доказательств противного, которые мы могли бы высказать перед судом... Лично я полагаю, что молодая женщина была убита... но в настоящий момент это не имеет значения.

— Согласен! — сказал Феликс.

— Ночью 7 октября, — продолжал Сатурнин, — значит, во вторник, через одиннадцать дней после исчезновения Видмера и три дня спустя после смерти его секретарши, ножом убивают шофера. Здесь имело место заранее подготовленное убийство, совершенное в темноте, в автомашине, очень опытной рукой. Убийца уезжает на машине и увозит тело. Тело обнаружено мальчишками...

— И без сомнения, шеф...

— Никаких «без сомнений», — твердо проговорил Сатурнин. — Только факты в хронологическом порядке. Полиция находит изумруд в квартире Гидо Колла, дорогой изумруд, вынутый из оправы. Идя по следу, полиции удастся узнать, что накануне своего исчезновения Видмер купил дешевый костюм, переоделся в него на вокзале Сен-Лазар, а потом исчез. Позже стало известно, что Видмер на взятые из банка деньги купил драгоценности и что он тайно встречался с мадам Урсулой Мендоза, живущей в Пасси. Вот факты и открытия. Вы удовлетворены?

— Нет! — воскликнул Феликс.

— Хорошо, но мы не будем отчаиваться. Список вопросов, на которые у нас нет ответов, большой. Где Видмер и куда он отправился 26 сентября? Что стало с драгоценностями, которые он купил? Он не положил их в банковский сейф. Вынул их из оправы? Или это сделал убийца, укравший их?

— Видмер имел их при себе, — сказал Феликс, — а убийца вынул их из оправ, чтобы их не могли узнать и было бы легче сбыть камни. Это он убил Колла и это он спрятал у Колла изумруд, а потом сунул оправы ему в карман, чтобы навлечь подозрения.

— Да, возможно. Но есть еще и другие неизвестные нам факты. Покончила ли с собой Лорд или ее убили? Была ли у нее несчастная любовь, не имеющая никакого отношения к делу, или оно связано с ней? Какова роль Колла? Сговорился ли он с кем-либо обокрасть хозяина или ему стало что-то известно и он захотел шантажировать воров, что привело его к гибели? Что за женщина Урсула Мендоза? Такая ли она благородная и честная, какой выглядит? Была ли искренней ее симпатия к Видмеру? Действительно ли она знает, что он уехал в отпуск? Или она опытная мошенница, которая участвовала в краже и допустила, чтобы человек, к которому она, по ее словам, чувствует симпатию, был убит?

— Можно до бесконечности задавать себе вопросы, — сказал Феликс. — Мы ничего у нее не нашли, но, возможно, она и опасна...

— Опять это «возможно». Что-то их очень много.

Сатурнин снова сел за письменный стол и закурил новую сигарету.

— Итак, мой мальчик. Очень серьезная проблема. Какой же самый главный наш вопрос? Нам нужно найти на него ответ или покинуть набережную Орфевр и заняться выращиванием капусты. Лично я ничего не имею против капусты. В деревне такой покой и можно говорить о коровах и траве. Чудесно!

— Не для меня, — сказал Феликс. — Проблемы меня только подстегивают.

— В самом деле?

— Эти отпечатки пальцев на багажнике машины... это... Форестье?

— Вы думаете?

— Я представляю, что я убийца, и говорю себе, что мне следует теперь делать. Абель Форестье мог знать, что Видмер купил драгоценности и, возможно, он их и забрал. Кто знает, может быть, они лежали в сейфе в типографии, откуда Форестье и забрал их. Только Видмер и его директор имеют доступ к сейфу. Взяв драгоценности, Форестье освобождается от Видмера и вынимает их из оправ. Это возможно?

— Да, очень возможно.

— Хорошо. И как директор типографии Форестье вполне мог иметь свидание с Видмером в вечер его исчезновения и воспользоваться этим, чтобы убить его. Форестье также было известно всё о жизни Видмера. Он мог пройти в квартиру Колла и там спрятать изумруд. И сделал это

потому, что шоферу было известно, что Форестье виделся с Видмером в вечер его исчезновения. Колла попытался шантажировать Форестье, и тот ликвидировал итальянца. Потом... нам надо лишь представить себя в шкуре убийцы. Что нам теперь делать? Пустой дом и гараж... Вы следите за мной?

— Я скажу даже больше. По-вашему, Форестье перевез труп в «Буен Ретиро», потому что думал, что дом и гараж пусты? Я бы никогда не поверил, чтобы убийце пришла в голову мысль спрятать автомобиль с трупом в доме, который принадлежит ему же.

— Он был вынужден куда-то его деть, шеф. Может быть, он и не собирался убивать Колла, но представился удобным случаем, он и воспользовался им. Теперь ему нужно было куда-нибудь деть труп, и Форестье был вынужден, промчавшись мимо вышедших из театра Фелисити и Поля, спрятать куда-нибудь машину...

— Все, что вы тут сказали, весьма возможно, — сказал Сатурнин, — но тем не менее, я считаю, что после того, как ему удалось проехать мимо театра и свернуть в темноте на маленькие улицы, Форестье не стал бы использовать свой дом как укрытие. Он понимал, что автомобиль скоро обнаружат.

— Может быть, он подумал, что именно так мы и решим? Решим, что убийца не станет прятать труп в своем доме, и не заподозрим его. Кроме того, он знал, что в «Буен Ретиро» все спокойно, нет любопытных консьержек, пустой дом с садом и гараж. Может быть, он собирался на следующий день перевезти труп, но не посмел вернуться в «Буен Ретиро»...

— А какая могла быть причина у Форестье? — спросил Сатурнин. — Станет ли богатый человек рисковать своей головой ради небольшой суммы денег?

— Он думал только об этих драгоценностях. Взять их он мог очень легко, потому что никто не знал, что Видмер купил их. Но настоящая причина, которую мы скоро выясним, это ревность. Возможно, Форестье был влюблен в Фелисити, которая теперь богатая вдова, или в испанку. Ведь ему шестьдесят, и для него эта Мендоза была бы очень хороша. Никогда не знаешь, на что способен мужчина ради женщины.

Сатурнин не выглядел убежденным.

— Боюсь, что вы упустили из виду основной вопрос. Весьма возможно, что Абель Форестье и есть наш неизвестный противник. Безусловно, необходимо будет допросить его и проверить все его передвижения и действия. Но я допускаю, что, если Видмера похитили и убили, то из-за драгоценностей.

— Хорошо. Но какой же основной вопрос?

— Почему Видмер переоделся в дешевый костюм на вокзале? И исчез. Создалось впечатление, что его убили. Но у этого человека был свой план, его, возможно, куда-нибудь заманили, где он и нашел свою смерть.

— Очень зловеще звучит то, что вы сказали!

— Я и говорил, что это зловещее дело, мой мальчик. Видмер переоделся бедняком, сняв с себя такие дорогие вещи, как булавка и часы. И сделал это сам. Почему?

Феликс нахмурил брови, потом рассмеялся.

— Кто знает, может быть, этот старый тип направился в скверный квартал около ворот Сен-Дени? Там он показал несколько драгоценностей женщинам и его убили...

— Нет, нет, не в его это характере. И как он туда поехал? В бело-красной «испано»? Ее безусловно многие там заметили бы.

— И все-таки... Эти тихие люди... Марки и все прочее... в конце концов надоедает. Ему захотелось поразвлечься...

— Его бы там не убили. Напоили, возможно, даже одурманили бы. Ударили бы по голове, обчистили карманы... все возможно. Но эти люди никогда не убивают. Мы их отлично знаем, и они знают нас. Нет, мой мальчик, хорошенько подумайте над этим вопросом. Днем и ночью, в ванной или во время бритья, болтая с вашей подружкой... Почему Видмер, уважаемый мужчина, переоделся в отвратительный костюм? Пожалуй, в этом кроется ключ к разгадке. Черт возьми! Это должно быть очень просто. Человек, подобный ему, не для сложного дела поступает так.

— Нет... — задумчиво протянул Феликс. — Очень странно, когда подумаешь. Его поступок, возможно, объясняет и поведение Колла.

— Возможно, шофер видел, как Видмер вошел в вокзал Сен-Лазар с чемоданом и вышел двадцать минут спустя, одетый в отвратительный костюм, скрытый плащом, и без чемодана. Колла вероятно подумал, что происходит что-то странное. Его хозяин попросил его подождать на углу улицы на парижской окраине. Но шофер ослушался и последовал за хозяином. Тут Колла увидел что-то, что стало для него опасным. Куда пошел Видмер? Но, главное, ради чего это переодевание? Я уверен, что если нам удастся узнать, почему он переоделся, то мы узнаем и что произошло. В этом деле странные факты, кажущиеся необъяснимыми, наводят на правильный след. Когда спокойный человек, верный своим привычкам, внезапно делает необычные вещи, тут...

Комиссар замолчал. В кабинет вошел бригадир Жорж Адлер, саркастически улыбаясь.

— Мы задержали Форестье, патрон. Я подцепил его четверть часа назад и попросил его поехать со мной, сказав, что вы хотите задать ему несколько вопросов.

— Отличная работа, Жорж! Где вы его нашли?

— В пустом доме, в «Буен Ретиро». Ведь это его дом, не правда ли? Так вот, он пробрался в сад, перемахнув через стенку, как грабитель.

— Да? Это интересно.

— Черт возьми, конечно интересно! Кстати, он не знал, что мы нашли Колла и за домом ведется наблюдение.

Сатурнин с задумчивым видом медленно покачал головой.

— Он внизу, Жорж?

— Да, шеф.

— Хорошо. Через пять минут направьте его ко мне. Феликс, мой мальчик, устройтесь скромненько за тем столом, в углу. Несколько застенографированных фраз не будут лишними.

Глава 20

Ловушка для посетителя?

Сатурнин Дакс приготовил ловушку для посетителя. Он взял фотографию Урсулы Мендоза, вставил в дешевую металлическую рамку и поставил на свой письменный стол, повернув к себе, как можно дальше от стула, предназначенного для Абея Форестье.

Директор «Дома Труш и Видмер» был одет в элегантный твидовый костюм и желтые ботинки. Он протянул Сатурнину руку, но улыбка на губах не соответствовала взгляду его холодных глаз.

— Как поживаете, месье комиссар? Ваш человек сказал мне, что вы хотите задать мне несколько вопросов. Я в вашем распоряжении. Что нового?

— Увы, ничего, что могло бы нам помочь. Будьте любезны, садитесь. Я полагаю, что вы сможете разьяснить нам одну-две загадки. Вы сегодня решили отдохнуть? Стоит такая отличная погода!

— Вроде небольшого отпуска... Не желаете ли закурить, комиссар?

Форестье сел и достал из кармана портсигар. Мужчины задымили превосходными гаванами.

— Вроде отпуска? — задумчиво переспросил Сатурнин. — Что вы имели в виду?

Форестье покраснел. Его руки нервно мяли сигару вместо того, чтобы затянуться.

— Я не хотел бы говорить, почему я не пошел в контору, господин комиссар.

— В самом деле? — Брови Сатурнина удивленно поднялись. — Еще новая тайна? Можете не говорить мне этого, месье.

Форестье усмехнулся невесело.

— Нет, нет, вы все равно все узнаете.

— Безусловно, — вполголоса проговорил Сатурнин. — А пока не хотите ли взглянуть на фотографию на моем столе?

— Охотно.

Форестье зажал сигару зубами и взял фотографию.

— Поднесите ее ближе к свету. Вам знакома эта дама?
Форестье с безразличным видом рассматривал фотографию.

— Нет, она мне незнакома.

— Вы ее никогда раньше не видели?

— Нет... — Форестье еще раз внимательно посмотрел на фотографию. — Разве я должен ее знать? По-моему она испанка. Нет, я уверен, что не знаком с ней и никогда раньше ее не видел. У меня хорошая память на лица, эту женщину я бы запомнил.

Он вернул рамку, а Сатурнин вздохнул.

— Жаль. Истинная же причина, по которой я просил вас придти сюда это то, что... мы нашли тело Гидо Колла.

— Колла? Тело Колла? А! Шофера Эжена Видмера?

— Совершенно верно. Шофера. Он мертв.

— В самом деле?... Несчастный случай?

— Нет, месье. Это не несчастный случай, а убийство.

Форестье посмотрел на пепел сигары и нахмурил брови.

— Это любопытно. Очень даже любопытно. Он всегда производил на меня впечатление весьма избалованного человека. Драка на ножах?

— Нож был, но драки не было. А вам не интересно, где было найдено тело, месье Форестье?

Форестье быстро поднял голову, он казался удивленным.

— Я не понимаю... почему я должен задать этот вопрос?

— Тогда я вам скажу. Мы нашли тело на улице Помп в автомобиле Видмера, который находился в гараже дома. Пустого дома с очаровательным названием «Буен Ретиро».

Форестье побледнел.

— Это невозможно!

— Вы так считаете?

— Когда вы его нашли?

— Сегодня рано утром.

— Быть этого не может!

Сатурнин пожал плечами.

— Мне приходилось видеть и не такие удивительные вещи. Скажите мне, месье, почему вы выселили своих жильцов? Я имею в виду месье и мадам Джемс. Вместо этого дома вы предоставили им хорошую квартиру, также принадлежащую вам, на улице Хош, верно?

— Это очень просто.

Форестье объяснялся, не торопясь, спокойно произнося слова:

— Моя жена в течение последних двух лет была больна. Она почти все время жила на юге, в Каннах или Монако, временами в Алжире и даже в Каире. По мнению врачей, она нуждалась в солнце, и должен признаться, оно приносило ей пользу. Ее здоровье улучшилось настолько, что теперь она может возвратиться в Париж. И вот... Она очень любит «Ретиро». Что же касается Джемсов, то они были в восторге перебраться в центральный район.

Он затаился, не замечая, что сигара погасла.

— Ясно, — приветливо проговорил Сатурнин.

Он выдвинул ящик стола и достал оттуда золотую монету, которую протянул Форестье.

— Вы уже ее видели? Это старая американская монета в двадцать долларов.

Форестье осмотрел монету с обеих сторон и, вернув ее, произнес:

— Она в точности похожа на монету, которая была у Эжена Видмера. Он показывал ее мне. Кажется, он говорил, что она довольно редкая.

Он задумчиво подергал себя за ухо. Его живые глаза вопросительно смотрели на Сатурнина.

— Спасибо, месье. А теперь я попрошу вас ответить мне, где вы были во вторник вечером?

— Во вторник вечером?

— Седьмого октября. Где вы провели вечер? Вы помните?

— Ну да. Я ходил в «Одеон», в один из кинематографов на бульваре, вернулся домой около девяти часов... или немного позже.

— Вы были один?

— Да. Я даже случайно встретил директора, которого довольно хорошо знаю. Это клиент нашей типографии. Я поговорил с ним, прежде чем войти в зал.

— А когда вы выходили, вы его больше не встретили?

— Нет. Я его больше не видел.

Наступило короткое молчание. Заметив, что его сигара потухла, Форестье снова старательно раскурил ее. Неожиданно он покраснел.

— Послушайте, месье комиссар, не надо ходить вокруг да около. Совершенно очевидно, что было совершено убийство и что вы заподозрили в нем меня. Какой абсурд! Никогда бы мне не пришло в голову убивать шофера-итальянца. Зачем мне это делать?

Он остановился, а затем продолжил:

— И ко всему прочему этот человек, кажется, был убит в саду, принадлежащем мне, ведь так?

— Я сказал, что там было найдено тело.

— Да. И меня также задержали там. Я полагаю, что будет лучше, если я расскажу вам, почему я сегодня ездил в «Буен Ретиро». Правда, я обещал Видмеру ничего не говорить, но сейчас это уже не имеет значения. Это скверное дело!

Сатурнин улыбнулся, но глаза его оставались серьезными.

— Значит, вы обещали Эжену Видмеру сохранить кое-что в тайне? — спросил он. — Это было недавно, месье?

— Это было вчера вечером, около шести часов, когда он позвонил мне.

— Куда?

— В контору. Я собирался уходить и немного задержался, чтобы написать кое-какие письма. Все служащие ушли в половине шестого. Тут зазвонил телефон, я снял трубку и узнал голос Видмера. И был поражен!

— А вам известно, откуда он звонил?

— Нет. Думаю, из телефона-автомата. Он был очень таинственен. Можно было подумать, что он пьян, но это так не похоже на него. Голос у него был как у человека слегка выпившего.

— И звучал таинственно?

— Да. Он сказал мне, что находится в опасности. Уже не знаю каким образом, он обнаружил заговор против себя, и вынужден скрываться дней пятнадцать или даже недели три, чтобы избежать ловушки и обнаружить своих противников. Должен сказать, что все это показалось мне очень экстравагантным, но Видмер видимо принимал все серьезно. Я задал себе вопрос и сейчас задаюсь этим вопросом, не в состоянии ли он глубокого нервного шока? Что вы об этом думаете, месье комиссар? У него всегда были слабые нервы, и шок вполне мог случиться.

— Видмер просил вас о чем-нибудь?

— Он сказал, что ему совершенно необходимо увидеть меня, но что он не может встретиться со мной ни в конторе, ни в кафе, ни в каком-либо другом общественном месте. Он очень настаивал на том, чтобы сохранить разговор в секрете, и дал мне понять, что, если его недруги обнаружат, где он находится, может случиться нечто ужасное.

— А он сообщил вам, где он находится?

— Нет. Казалось, его все пугало... и вещи, и люди. Я предложил ему встретиться в лесу или в другом подобном месте, но он опасался и этих мест... боялся, что его могут выследить. По его словам, он много думал и решил, что я должен отправиться в «Буен Ретиро» со всеми предосторожностями, чтобы меня никто не заметил, и проскользнуть как грабитель в свой же собственный сад.

— Свидание было назначено на сегодня?

— Сегодня днем, между четырьмя и шестью часами. Видмер предостерег, что у него могут быть затруднения и что все зависит от моей осторожности и скромности. Он рассчитывал придти до наступления ночи, даже надеялся быть часа в четыре. Если в это время его там не будет, он просил обязательно его дожидаться, он непременно придет, так как ему необходимо разрешить со мной какие-то важные вопросы.

— Понимаю. А где вы живете в настоящий момент, месье?

— В отеле «Монсеньер». Моя жена приехала сегодня утром, и мы останемся в отеле до тех пор, пока «Буен Ретиро» не будет приведен в порядок для жилья.

Сатурнин встал.

— Хорошо. Я понял, что у вас нет намерения покидать Париж? Во всяком случае, в ближайшие дни?

— Нет, месье комиссар, — подтвердил Форестье, в свою очередь вставая. — Вы легко найдете меня в случае необходимости. Я не собираюсь исчезать. Не знаю, существует ли заговор против Видмера или у него помрачился разум, но я ничего общего не имею ни с этими тайнами, ни с убийством шофера. Если я вам понадоблюсь, я буду в отеле.

Абель Форестье ушел, а бригадир Норман, вынужденный в течение получаса сидеть молча и без движения, быстро встал.

— Черт возьми! Какая чепуха! У него хорошо подвешен язык, но его алиби на вторник ничего не стоит.

Сатурнин бросил сигару в пепельницу и подошел к камину.

— Мой мальчик, вы восприняли объяснения этого господина скептически.

— А вы?

— Иногда я готов поверить чему угодно, если это звучит правдоподобно. История стоит на ногах.

— Да. И хитроумная. Проскользнув как грабитель в свой сад, он рассчитывал найти там тело Колла в машине и заранее знал, что делать. Но тело обнаружил агент, и это заставило его быстро придумать объяснения. И черт возьми, он придумал их неплохо. История абсурдна, но я не знаю, чем мы сможем опровергнуть ее. Он задержался в своем кабинете, был один и Видмер звонил ему из телефона-автомата! Прелестно! Это позволяет ему утверждать, что Видмер еще жив.

Сатурнин нахмурил брови.

— Его история может быть и правдой.

— Но вы же сами считали, что Видмер ликвидирован. Не так ли, шеф?

— Да. Но в определенных обстоятельствах, весьма возможно, Форестье был введен в заблуждение. Он может оказаться невинен, как новорожденный ягненок.

Сатурнин неторопливо снял телефонную трубку.

— Пусть меня повесят, если я поверю этому типу, — воскликнул Феликс. — Он мне кажется очень хитрым и коварным. Понимая, что выдуманная им история весьма неправдоподобна, он вынужден был оговориться, что Видмер, возможно, лишился разума.

— Алло! — произнес комиссар. — Что, месье Васшет на месте? А! Эдмон, мой мальчик, у меня для вас есть чудесные отпечатки пальцев. На металлической рамке... Этого я не знаю. Может, они что-нибудь да скажут нам. Возможно, это отпечатки той таинственной личности, которая оставила их в «испано». Будем надеяться на это!

Глава 21

Женщина, которая боится

На следующее утро, входя в кабинет, первое, что заметил Сатурнин, было письмо в скверном конверте, лежащее поверх стопки писем, составляющих его почту. Оно было отправлено накануне из почтового отделения во Втором округе, адрес комиссара был напечатан на портативной машинке «Пронто».

Прямо в шляпе Сатурнин сел за стол. Не снимая с левой руки перчатки, он осторожно вскрыл конверт и извлек пол-листка бумаги с напечатанными на нем словами: «С кем общался Колла?» Здесь же находилась фотография, изображавшая Колла сидящим на солнце на террасе деревенского кафе в компании с другим мужчиной.

Достав из ящика стола лупу и сигарету, Сатурнин закурил и внимательно рассмотрел фотографию. Она была сделана дорогой фотокамерой «лейкой» с телескопическим объективом Дальмеера. Колла был виден очень хорошо, но его компаньон смотрел в сторону и сидел почти напротив шофера. Длинные волосы неизвестного выбивались из-под широкополой шляпы. Он

был в очках, зажав между коленями трость, верхний конец которой походил на пастушеский посох.

Через лупу Сатурнин рассматривал каждую деталь, чтобы иметь представление о месте, где находились мужчины: круглый стол с тентом посередине, словно огромный квадратный гриб.

Это заняло около четверти часа. Затем он положил фотографию и анонимное письмо в целлофановый пакет, позвонил, чтобы ему подали машину, и три минуты спустя покинул набережную Орфевр.

Оставив полицейскую машину на улице Пасси, Сатурнин пересек небольшой двор и направился к студии, где жила мадам Мендоза. Дверь была открыта. Стоя на коленях, худая женщина с кожей цвета красного дерева, влажными глазами и маленькими усиками мыла ступени. Она с неудовольствием подняла голову, когда рядом с ней на полу появилась тень Сатурнина.

— Добрый день, — произнес он. — Мадам Мендоза дома?

— Что? — Влажные глаза гневно уставились на комиссара. — Нет от вас покоя! Что на сей раз? Аспираторы? Шелковые чулки? Страхование жизни?

— Ничего такого. Речь идет о светском визите, притом очень важном. Прошу вас передать мадам мою визитную карточку.

Достав из бумажника визитку, где была обозначена его должность, он вложил ее в конверт и закрыл его.

— Вот! Передайте это вашей хозяйке.

Пожав плечами, женщина взяла конверт и проворчала:

— Секреты! Я не знаю, готова ли она! Подождите здесь и не пачкайте мне ступени.

Сатурнин запасся терпением. День был таким теплым, что можно было подумать, что сейчас лето. Было около девяти часов, и солнце приятно грело спину.

Ему не пришлось долго ждать. Мадам Мендоза быстро спустилась по лестнице, соединявшей галерею со студией.

— Вы хотели видеть меня, комиссар? Прошу вас.

Он вошел, стараясь быстро миновать чисто вымытые ступени.

Урсула Мендоза закрыла входную дверь и села. Ее прекрасные черные глаза вопросительно смотрели на комиссара.

Он протянул ей целлофановый пакет с фотографией Гидо Колла и его компаньона.

— Прошу вас посмотреть на это, мадам. Мужчина, который виден в анфас, — шофер Эжена Видмера. Вам случайно не знаком человек, сидящий рядом?

Сатурнин внимательно наблюдал за ней, пока она рассматривала фотографию. Простое, но элегантное, черное платье, искусно сделанная прическа, маленькие, ухоженные тонкие и красивые руки, то же можно сказать и о ее ногах, видневшихся из-под длинной, по моде, юбки. Вся ее фигура излучала спокойствие и достоинство, в ней не было ничего нервного или болезненного. Она сидела на ярком солнце, нимало не смущаясь этим.

Рассмотрев фотографию, она подняла глаза.

— Нет, я никогда в жизни не видела этого человека. Правда, он здесь очень плохо виден, но мне кажется, что я узнала бы человека, которого уже видела, даже если бы он отвернулся. Мне очень жаль, — добавила она, — если это для вас важно. У этого человека очки и трость? Не думаете ли вы, что он слепой или что у него болит голова?

— Может быть. — Тон Сатурнина и его улыбка были ироническими. — Я хочу задать вам еще один-два вопроса, мадам. Эжен Видмер не звонил вам по телефону в пятницу 26 сентября?

Он слегка нагнулся. На галерее уборщица напевала песенку. Урсула Мендоза потеряла свое хладнокровие, крепко сжала руки и отрицательно покачала головой. Можно было подумать, что она не смеет заговорить.

— Послушайте меня, — сказал Сатурнин. — У меня есть житейский опыт. Я чувствую, что вы хороший человек и на самом деле интересуетесь Видмером. У меня нет никаких задних мыслей. Теперь... слушайте. Он вам звонил. Против него существует заговор, но скоро он выйдет из этого трудного положения. Он разрушит заговор... И больше не будет находиться в опасности. В ожидании этого он просил вас никому не говорить о том, что звонил вам.

Черные глаза мадам Мендоза внимательно смотрели на него. Она снова сделала отрицательный жест, но неуверенность и страх явно читались на ее лице.

— Подумайте хорошенько, мадам. Я ведь полицейский. Чем я могу быть опасен Эжену Видмеру? Вы его знаете. Считаете ли вы, что у него есть основание бояться меня?

— Нет, — пробормотала она. — Нет, разумеется, нет.

— Хорошо. Тогда скажите мне, когда он вам звонил? Скажите мне правду. Если Видмер действительно в опасности, то совершенно очевидно, что наша помощь будет ему очень полезна... если, например, преступники хотят его ограбить. Мы ведь не такие уж неловкие... во всяком случае не всегда.

Он улыбнулся, но она не заметила этого. Ее темные глаза еще больше потемнели от страха.

— Я не понимаю, — сказала она. — Откуда вы могли узнать, что Эжен звонил мне? Есть что-то... что...

Она резко встала, поднесла руку к губам и посмотрела на Сатурнина.

— Боже мой! А если это был не Эжен?

— Почему вы так говорите? — быстро спросил комиссар.

Она снова опустилась на стул.

— Я не знаю... Его голос показался мне странным. Он мне сказал, что у него насморк. Телефон часто искажает голоса, но я помню, что у меня сразу же создалось впечатление, что у него какой-то странный голос.

— Какой это был день? Когда он вам позвонил?

— В субботу вечером... поздно... Я собиралась ложиться спать. Мне пришлось накинуть шаль, чтобы спуститься к телефону... Я отлично помню. Мне хотелось спать, но я подумала, что его голос какой-то странный. Наверное, потому, что я наполовину спала.

Внезапно она встала. Выражение ее лица изменилось.

— Что все это означает, месье? Хитрость? Вы считаете, что Эжена заставили позвонить мне, чтобы успокоить меня и помешать пойти к вам, после того, как я прочитаю газеты. Или...

Она замолчала и прикусила губу.

— Или кто-то просто подделал голос Эжена?

Наблюдая за ней, Сатурнин видел по ее лицу, что она обеспокоена и волнуется за Видмера.

— Это очень возможно. Мы допускаем, что был заговор против Видмера и что его похитили.

— Похитили? Чтобы получить за него выкуп?

— Чтобы забрать у него драгоценности и деньги, которые были при нем. Не знаете ли вы, не арендовал ли он в банке сейф? Может быть под чужим именем?

Она жестом ответила, что ничего не знает, на глазах у нее стояли слезы.

— Это ужасно! — проговорила она. — Бедный Эжен! Он не смог вынести дурного обращения.

Она замолчала и прошла в другой конец комнаты.

— Я дам вам письма, месье. Может быть, ему угрожает серьезная опасность, а письма помогут вам что-нибудь прояснить.

Она открыла крышку секретера и, вернувшись с большим конвертом, в котором лежало несколько писем, сказала просто:

— Я доверяю их вам.

Он поблагодарил и быстро просмотрел их. Она не спускала с него глаз. Все письма были лаконичными и вне всякого сомнения написаны Видмером. Датированные летом или зимой все они отличались чистосердечием. В одном из писем, более просторном, Видмер сетовал о том, что она отказывалась от его предложения создать ей капитал. Он писал:

Я говорил вам не о большой сумме. Для меня она незначительна. Но в нынешних обстоятельствах я содрогаюсь при мысли, что экономическая революция может ввергнуть вас в нищету. Не упрямитесь, Урсула, я вас умоляю! Разрешите мне закрепить за вами по крайней мере пятьсот тысяч франков в драгоценностях или в движимости. Как я вам часто говорил, у моей жены и ее сына есть все возможности для роскошной жизни.

Пробежав коротко содержание писем, Сатурнин положил их в карман.

— Они будут у меня в сохранности, мадам. Я хочу их получше изучить.

— Хорошо, — равнодушно проговорила она.

Вдруг она вздрогнула и вполголоса произнесла:

— Это невероятно, месье! Я чувствую, что вы правы. Я вспоминаю этот голос по телефону и все больше убеждаюсь, что он был не нормальным. Обычно Эжен говорил со мной не так. Но что же произошло? Что все это может значить?

И она снова вздрогнула.

— Вы спрашивали меня, дарил ли Эжен мне драгоценности, а я ответила вам, что отказывалась от его подарков. Вы считаете, что он купил их для меня... рассчитывая, что в конце концов уговорит принять их... И что он попал в руки грабителей?

— Возможно, — ответил Сатурнин. — Нам придется принять это за отправную точку и действовать соответственно. Скажите мне, зачем он купил отвратительный костюм, чтобы переодеться в бедняка? У вас есть какие-нибудь догадки?

Она с удивлением смотрела на него.

— Нет, ни малейшего представления. Это невероятно. Со стороны Эжена это совершенно нелепый поступок.

— Если предположить, что он узнал о редкой марке, принадлежащей бедному человеку... может быть, торговцу... который не знал истинной цены, как вы думаете, способен ли Видмер прикинуться бедным, чтобы добиться своего?

Мадам Мендоза немного подумала.

— Нет, я не считаю его способным на такое. Эжен никогда не держался за деньги. Он счел бы такой поступок недостойным. — Она улыбнулась. — Это безнравственно! Это любимое слово Эжена. По моему мнению, он сообщил бы бедному человеку истинную стоимость марки и дал бы ему настоящую цену. Если бы он поступил как-то иначе, то считал бы себя нечестным человеком.

Взяв свою шляпу, Сатурнин снова обратился к мадам:

— Вам больше нечего сказать мне? В конце прошлого месяца вам ничего не бросилось в глаза в поведении Видмера? Или его словах? Вы ничего не видели и не слышали?

— Несколько раз мне казалось, что кто-то следил за студией и за выходом на двор.

— Да?

— Да. Может быть, мне показалось, но два или три раза я видела молодого человека на улице Пасси, и у меня создалось впечатление, что он следит за мной или за двором.

— Что за человек?

— Очень юный. Почти ребенок. Вот почему я не придала этому никакого значения.

— Не можете ли вы описать мне его, мадам?

— Нет, месье. Видите ли, он всегда был на мотоцикле со шлемом на голове и... не знаю, как это называется... большие очки.

Она испуганно продолжала:

— Теперь мне это кажется зловещим. А вы что думаете об этом?

— Нужно надеяться и... действовать. После моего ухода вы, возможно, вспомните еще что-нибудь. В таком случае дайте мне знать. Как бы это не показалось вам малозначительно.

— Это я вам обещаю. Я страшно беспокоюсь за Эжена.

Сатурнин вышел из студии. Где-то над его головой уборщица двигала мебель, продолжая напевать какую-то мелодию.

Глава 22

Прерванный концерт

Когда комиссар вошел в холл дома на бульваре Сюше, юный Поль, сидя за пианино, трудился над фрагментом Равеля.

— Мама, — сказал он, не оборачиваясь, — это невероятно трудно.

— Но не невозможно, — проворчал комиссар. — Никого из слуг не пускайте, мне надо сказать вам несколько слов.

Мальчик повернулся на табуретке и закричал, вскакивая:

— Доктор Ватсон! Как вам удалось войти? Почему никто не объявил о вашем приходе? Пойду посмотрю, в чем дело.

Он хотел выйти, но Сатурнин загородил собой дверь.

— Мне нужны объяснения по поводу ваших анонимных писем.

— Анонимных писем?

Полю стал грызть и без того уже достаточно обгрызенные ногти и посмотрел на Сатурнина поверх грязных пальцев.

— Это серьезно, малыш! Я могу доказать, что это вы их отправили. Известно ли вам, что сокрытие важных сведений о преступлении карается законом? Предупреждаю, это серьезно, очень серьезно!

Мальчик бросился на кушетку.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Мне будет очень легко доказать, что это вы написали письма и сделали фотографии Колла и его товарища. В каком кафе вы их фотографировали?

Полю отвернулся, спрятав лицо в подушку.

— Уходите прочь! — крикнул он.

— В пятницу 26 сентября вы на мотоцикле проследили Колла, не так ли? Где он высадил в тот вечер отчима? «Испано» отправилась на вокзал Сен-Лазар и оставалась там около получаса. А потом?

Поверх подушки черные глаза Поля неприязненно смотрели на комиссара.

— Вы надоели мне, доктор Ватсон, — сказал он.

— Если желаете, я могу отвезти вас на набережную Орфевр. Но позже. А сейчас я хочу знать, что вы видели, когда шпионили за своим отчимом? Вас видели на мотоцикле на улице Пасси и легко могут вас опознать. Будет лучше, если вы расскажете мне, что вам известно.

— Уходите прочь! Вы мне надоели! Уходите отсюда!

Сатурнин подошел к кушетке и склонился над мальчиком.

— Вы отдаете себе отчет в том, что то, что вам известно, опасно для вас. Игра в шпионов — не забава. Колла тоже хотел поиграть в эту игру, не так ли? А потом заняться шантажом. Но кто-то напал на него в темноте и перерезал ему горло. Колла мертв. Если бы он пришел к нам и рассказал все, что ему известно, он был бы жив.

— Вы так считаете?

Мальчик подозрительно взглянул на комиссара, его смуглое лицо слегка побледнело.

Сатурнин кивнул головой.

— У нас достаточно могущественная организация, чтобы защитить и вас и других. С кем Колла общался? Опишите мне этого человека. Он был в черных очках и с белой тростью. Где вы его видели? Вам известно его имя?

Мальчик по-прежнему недоверчиво покачал головой.

— Я не знаю, о чем вы говорите.

— Послушайте меня, ведь вы же не полный идиот. Вас заставила следить за отчимом ревность, не так ли? Вы сказали об этом матери? Рассказали ей о том, что видели?

— Я не хочу говорить с вами о маме, и вы не заставите меня сделать это. Я имею право пригласить адвоката, если буду вынужден отвечать на ваши вопросы. Уходите!

— Вы следили за вашим отчимом, и он исчез. Вы что-то знали, даже если и не следили за «испано» в пятницу вечером. Впоследствии вы стали следить за Колла, потому что решили, что он собирается сделать глупость. Вы отказываетесь сообщить полиции то, что вам известно? Дело ведь идет о преступлении. Попробуйте вспомнить.

— Я ничего не знаю ни о каком преступлении. — В глазах мальчика было любопытство. — Колла был убит в то время, когда мы с мамой были в театре.

— Откуда вам это известно?

— Потому что машину, которую мы ожидали на тротуаре возле театра и которая проехала мимо нас, вел не Колла.

— Кто же был за рулем?

— Откуда я знаю?

— А почему вы думаете, что это был не Колла?

— Это был более худой человек, чем Колла.

— А человек, которого вы сфотографировали на террасе кафе? Он был худым? Это он проехал мимо театра?

— Нет... я не знаю. Откуда я могу это знать?

В глазах мальчика сквозило недоверие и злость.

— Послушайте, — произнес Сатурнин. — Мне необходимо знать все, что вы можете сказать, даже мелочь, о человеке, которого вы видели в кафе вместе с Колла. Как называется кафе? Когда вы видели их вместе? Что вы знаете об этом человеке?

— Ничего. Ровно ничего. Я не знаю, кто он такой.

— Но вы его видели. Вы даже сфотографировали его, вы не можете этого отрицать. Подумайте о положении, в котором вы оказались. Вы считаете себя очень ловким, играя в детектив, да? Колла тоже считал себя ловкачом, но ему перерезали горло. Вам хочется, чтобы и с вами поступили так же? Осторожно, малыш, вы играете с динамитом!

Мальчик не ответил и, отвернувшись, снова спрятал лицо в подушку.

— Очень хорошо, — сказал Сатурнин. — Я вынужден задержать вас, так как вы отказываетесь сообщить сведения, относящиеся к убийству. Теперь слушайте...

Положив руку на плечо мальчика, он хотел повернуть его, чтобы видеть его лицо. Юный Поль завопил.

— Грязное животное! — орал он. — Грубиян!

Сатурнин выругался, услышав приближающиеся шаги. Дверь открылась, и вошла Фелисити Видмер. Обернувшись на нее, Сатурнин увидел совсем другую женщину — молодую, красивую, веселую. Она выглядела шикарно в велюровом манто, отделанном мехом, и кокетливой шляпке. В руках она держала сумку с коньками.

— Боже мой! — воскликнула она. — Что случилось?

И положила коньки на стул. Поль в слезах бросился к ней.

— Мама! Мама! Этот человек обидел меня!

Мадам Видмер посмотрела на ставшего пунцовым Сатурнина.

— Я уверена, мой дорогой, что комиссар Дакс не имел ни малейшего намерения...

— Нет, нет! Это грязное животное! Он проскользнул в холл, где я был один, и грубо обращался со мной. Я боюсь, я ужасно его боюсь!

Мальчик уцепился за мать, прижавшись к ней мокрым лицом и в то же время с хитрой усмешкой наблюдая за комиссаром.

— Мадам... — начал Сатурнин.

Снова за дверью послышались шаги и раздался голос мужчины:

— Вы готовы Фелисити?

Вошел доктор Камилл Алекс и, увидев Сатурнина, протянул ему руку.

— А, месье комиссар! Как поживаете? Вы помните меня?... Сен-Жен... Эта несчастная женщина... как ее звали?... Лорд!

Сатурнин утвердительно кивнул и пожал руку Алекса.

— Я отлично помню вас, доктор.

— Какое печальное дело. По-моему, это все же было самоубийство. Если что-нибудь не ускользнуло от меня. В моей профессии это случается.

Молодой врач засмеялся. Он был элегантно одет во все серое и тоже держал в руках сумку с коньками.

— Ничто от вас не ускользнуло, — произнес Сатурнин. — По всем медицинским данным это было самоубийство.

— Ужасно! Но нет худа без добра. Ужасные сцены могут привести к очаровательным встречам.

Он бросил взгляд на Фелисити Видмер, которая с момента его появления не спускала с него глаз. Теперь она отвела их в сторону и покраснела.

— Мама, — воскликнул Поль, — неужели ты опять собираешься кататься на коньках? Ты ведь ходила вчера и позавчера?!

— Нет на свете лучшего отдыха, — заявил молодой врач. — А вашей матери, Поль, это необходимо. Вы ведь хотите, чтобы она чувствовала себя хорошо и была красивой, не так ли?

Искоса взглянув на него, Поль потянул мать за платье.

— Мама, не ходи! — ныл он. — Или хотя бы возвращайся к завтраку. Я не люблю завтракать один!

— Ну, мой дорогой...

Она колебалась.

— Я заказал столик в «Триумфе», — сказал врач. — В вашем возрасте, Поль, нельзя быть таким ребенком.

— Но, мама, я не хочу завтракать один. Я...

— Мама, — передразнил его врач, — я ненавижу завтракать один! Выходит, мама не должна выходить на воздух, не должна кататься на коньках, целыми днями должна сидеть дома и держать вас за ручку?

Поль бросился на врача, пытаясь ударить его ногами. Он старался изо всех сил, но врач, который так хорошо имитировал его ноющий голос, со смехом схватил его за запястья и ловко уклонился от ударов.

— Будь мужчиной, дорогой, — сказала Фелисити. — Я вернусь к пяти часам. Не делайте ему больно, Камилл.

— Мадам, — сказал Сатурнин, — я вернусь в более подходящее время. Мне нужно будет поговорить с вами об очень важных вещах.

Он вышел из холла и покинул дом.

Глава 23

Странный парень из кафе

Сатурнин Дакс остановился на улице Ваграм, чтобы взглянуть на террасу одного кафе. Оно было открыто недавно, всего несколько недель, и полуденное солнце весело играло на свежих красках его декора.

Крупная надпись гласила: «Таити. Кафе. Ресторан. Кухня высшего класса». Металлические столики выстроились на террасе, защищенные от солнечных лучей красными, оранжевыми, фиолетовыми зонтиками квадратной формы.

Довольное выражение промелькнуло на лице комиссара и, окинув взглядом стоящие на тротуаре столики, он выбрал один в конце первого ряда. Со вздохом облегчения он сел. Было еще слишком рано, кафе было не заполнено, и официант тотчас же подошел к нему.

— Что месье желает?

Это был крупный рыжий парень невзрачного вида. Длинный и не очень чистый передник доходил до огромных черных башмаков, которые нуждались в щетке. Но его ясные глаза были живыми и умными, а быстрый взгляд, которым он окинул комиссара, видимо многое ему сказал.

— У вас есть марк? — спросил Сатурнин.

Вторичный взгляд парня, еще более внимательный, оценил добротную одежду комиссара.

— Это можно, месье. Я пойду спрошу патрона.

Две минуты спустя он вернулся с небольшим стаканом марка.

— Бывают чудеса, и я их видел, — сказал он, подмигнув глазом. — Месье просто везет, можете мне поверить. Но мы недавно открылись и хотим привлечь к себе серьезных клиентов.

— Я уверен, что вам это удастся, — вежливо ответил Сатурнин. — И, попробовав марк, повторил: — Да. Безусловно вам это удастся.

Он вынул из кармана снимок Поля, на котором был снят Колла с таинственным незнакомцем.

— Раз мы заговорили о ваших клиентах, вы, случайно, не знаете этих двух людей? Ведь на этом фото видна ваша терраса, правда? Ваши зонтики, если не ошибаюсь, и столик перед нами тот самый?

Рыжий взял фотографию и тотчас же кивнул головой.

— Я обслуживал этих двоих, месье. Но что касается «серьезных клиентов», то к ним это не относится. — Продолжая рассматривать моментальный снимок, он фыркнул: — Эти господа — совсем не то, на что рассчитывает «Таити». Но они были здесь четыре дня назад, и я их обслуживал.

— Четыре дня назад? Значит, во вторник?

— Во вторник, днем.

Парень вернул фотографии и уставился на клиента.

— Месье из полиции?

Сатурнин утвердительно кивнул.

— Комиссар Дакс. Первая подвижная бригада. Судебная полиция.

— Да... Теперь я вспоминаю, что видел фотографию в газетах, хотя я их читаю очень редко. Времени нет. Да я и не хочу вмешиваться в темные дела.

— Это правильно. И все же вам показалось, что те двое мужчин не желательные клиенты?

— Это рабочие, месье. Меня не удивляет, что месье комиссар разыскивает их. Тот, который разинул на фото пасть, мне кажется, итальянец. У него рабочие руки и от него пахло машинным маслом. Он выпил лучшее вино и взял большую сигару. Я решил, что он заставляет своего приятеля плясать под свою дудку.

— Да?

— Да, месье. Механик-итальянец заказывал дорогие вещи и сказал второму: «Я знаю, что вы хотите угостить меня, приятель». У него был очень хитрый вид, когда он произносил это, но в голосе было что-то угрожающее. Я почувствовал это... Мадам! Что вам угодно?

Парень замолчал и отправился обслуживать толстую женщину с ребенком. Она заказала пиво и сироп, и официант вошел в кафе.

Сатурнин закурил сигарету и вытянул ноги. Он нашел наблюдательного свидетеля. По какой-то причине оба клиента ему не понравились, и это усилило его наблюдательность. Нужно было выяснить, какую цену имеют его наблюдения.

Парень вернулся с заказом и, обслужив женщину с ребенком, подошел к Сатурнину.

— Да, месье, итальянец... я уверен, что он итальянец... ловкий малый. Всякие жульничества. Плутует в картах, а время от времени небольшой шантаж... Но месье его знает, нет?

— Да. А другой мужчина? Именно он интересуется меня. Судя по фото, у него длинные волосы, очки и трость слепого?

— Да, но это притворство. Месье может мне поверить. Это один из тех слепых, которые отлично видят! Слишком даже хорошо видят, что может плохо закончиться.

Парень подмигнул, потом наморщил лоб.

— Он пытался прикинуться большим барином. Он сделал мне замечание, что я веду себя нескромно, разглядывая его, что я любопытен и нахален.

Лицо его стало красным, под цвет волос.

— Этот человек плохо воспитан, месье. Я любопытен! Боже мой! Если два подозрительных субъекта, один из которых в парике и темных очках, устраиваются за самым отдаленным столиком, касаются головами и о чем-то шепчутся, что должен делать уважающий себя человек? Разумеется, полюбопытствовать. Я даже ожидал, что они вынут ножи и затеют драку.

— Вы не слышали ни одного имени?

— Нет, месье. Когда я подходил к ним, они умолкали. Они были осторожны, особенно человек в очках с белой тростью.

— А вы уверены, что на нем был парик?

— Уверен, замечательный парик... но его сразу видно. Было тепло, и он снял шляпу. Волосы были очень естественными. Но пробор! По пробору всегда можно узнать парик, не так ли?

— Это точно. А вы еще что-нибудь не заметили? Этот человек был высоким или небольшого роста? Ростом с меня?

Сатурнин на мгновение встал, и парень воскликнул:

— О нет, месье просто гигант. Нет, — продолжал он, — тот был среднего роста и скорее худощавый.

— Меньше ростом и тоньше итальянца?

— Да, месье. Мне кажется, что он не был ниже ростом, но тоньше его. В этом была между ними разница.

Сатурнин опорожнил стакан.

— Итак, вы не заметили никаких признаков того, что слепой не был слепым?

— Простите! Я еще заметил, что у него была татуировка.

— Да? Татуировка?.. Где? На запястье?

— На левой руке, месье, и довольно высоко. Когда он подносил сигарету ко рту или когда жестикулировал, обшлаг откидывался, и я видел татуировку. Тут-то он и выругал меня за любопытство.

— А что это была за татуировка?

— Красное и синее, как почти все татуировки. Я рассмотрел нечто вроде рисунка... возможно, это было сердце... и буква «Ж».

— Ж? Не М?

— Нет, месье. Я отчетливо видел, хотя рукав и мешал. Вероятно, женское имя на букву «Ж». Жюльетта, например.

— Может быть, мой друг. И этот тип был недоволен, что вы заметили татуировку?

— Боже мой! Вот тут-то он сразу же стал корчить из себя большого барина. Я дал ему выговориться. Он сказал, что пожалуется на меня патрону, чтобы меня выгнали и все в таком духе.

— И пожаловался?

Парень снова подмигнул.

— Нет, месье. Он скоро успокоился, и знаете почему? Из-за своего парика, очков, и трости слепого. Если бы он поговорил с патроном, мне тоже было бы что сказать. Я попросил бы его величество снять парик, а потом назвать свое имя и адрес... Нет, он не собирался предавать гласности наш разговор. И даже наоборот, он дал мне крупные чаевые... подонок!

Выпив еще стакан вина и дав парню хорошие чаевые, комиссар покинул кафе.

Глава 24

Новости о мертвой

Бригадир Норман нетерпеливо похлопывал себя по бедру.

— И все-таки я считаю, что Форестье «наш человек». Он действительно ходил в кино «Одеон» в тот вечер, когда убили Колла, но что это доказывает?

— Ничего, мой мальчик. Мы знаем время, когда он пришел туда, вот и все.

Сатурнин вынул из пачки на столе сигарету и закурил.

— Человек на фотографии в кафе «Таити» не Форестье. Форестье выше ростом и, я полагаю, вы обратили внимание на его уши. К сожалению, на фото Поля очень плохо видны уши, мешает тень от его широкополой шляпы. Во всяком случае это не уши Форестье.

Феликс пожал плечами.

— Предположим, что этот незнакомец убил Колла. Это лишь деталь в нашем деле. По крайней мере два человека участвовали в заговоре против Видмера, смерть которого более или менее очевидна.

— По-видимому, Гонорин Лорд была в их числе.

— Да, и Форестье тоже, держу пари! Но почему? Мы ничего не знаем, но я думаю, что Гонорин Лорд была в курсе дела. И эта комедия — кто-то звонит мадам Мендоза и подделывается под голос Видмера. Нужно было, чтобы она подумала, что он жив, и чтобы она не пришла к нам. Кстати, ее история кажется вам правдоподобной?

— Да.

— Хорошо. Тогда кто лучше Форестье мог имитировать голос Видмера? Он руководит делом уже ряд лет. Мы взяли его в тот момент, когда он тайно проник в сад, где, как он думал, находится труп Колла. Он позвонил мадам Мендоза, чтобы она держалась спокойно, а потом рассказал нам, что ему тоже звонили и таким же образом.

— У вас блестящее воображение, — заметил Сатурнин.

— Ради чего все это делается, шеф? Драгоценности, стоимостью около миллиона, исчезли вместе с Видмером, но, возможно, Видмера похитили совсем не из-за них, но коль скоро у него оказались ценности, их забрали. Все это может отлично подойти к Форестье. Возможно, ему было все известно о Видмере, о Мендоза, о покупке драгоценностей. И вот теперь он говорит нам, что кто-то, имитируя голос Видмера, звонил ему...

— При условии, что Форестье обладает способностью имитировать голоса людей.

— Ба! По телефону... да еще по парижскому! Иногда и ваш голос я не сразу узнавал. Многие умеют подражать характерным черточкам голоса, а голос Видмера имитировать было легко.

— Может быть. Остается лишь узнать, зачем это нужно было Форестье. Но лучше поищем незнакомца их кафе «Таити», даже если он играл не первую роль в этом деле. Хотя лично я уверен, что первую.

— Хорошо, мы понаблюдаем за кафе, но я сомневаюсь, что он туда вернется.

— Я тоже. Я нашел одного очень любопытного парня. Он не знает, что его сфотографировали, что официант из «Таити» дал его описание. Так что мы кое-что знаем о нем. Без парика и очков он мало чем отличается от Гидо.

— Может, это какой-нибудь актер, шеф? Раз у него был парик. Думаю, что немногие имеют такой дорогой парик. Или он взял его напрокат? Что если я обойду все театральные мастерские с фотографией, сделанной Полем?

— Хорошая мысль, мой мальчик. Не исключено, что он купил парик. Завтра я постараюсь вытянуть еще что-нибудь из официанта. Хорошенькое занятие для воскресенья!

— А этот мальчишка просто ненормальный! — сердито сказал Феликс. — Мы легко докажем, что это фото было сделано им, и кроме того, мы знаем, что у них есть пишущая машинка «Пронто», портативная, с характерными изъянами. Почему бы не задержать его, чтобы заставить говорить.

Сатурнин подергал себя за усы.

— Этот мальчик не совсем нормальный, и он может серьезно заболеть... или хотя бы притвориться больным, чтобы доставить нам неприятности. Мы можем рассчитывать только на его мать. Я предпочитаю иметь дело с ней.

Рассуждения комиссара прервал телефонный звонок. Он взял трубку, немного послушал и произнес:

— Очень хорошо. Пусть эта дама поднимется ко мне.

Откинувшись на спинку стула, он посмотрел на Феликса.

— Мисс Алиса Батлер, англичанка. Приехала в Париж на уик-энд и очень хочет повидать меня. Это подруга Гонорин Лорд.

Феликс, сидевший на столе, слез с него.

— Она пришла к нам, безусловно, чтобы расспросить нас. Пожалуй, я сделаю то же самое у костюмеров. Или вы хотите, чтобы я остался?

Сатурнин колебался.

— Нет. В сущности англичане люди спокойные. Полезнее будет, если вы поищите незнакомца. И возможно, эта мисс захочет сообщить мне что-нибудь наедине.

Открыв ящик, он достал сделанную Полем в кафе «Таити» фотографию и добавил:

— Желаю удачи, мой мальчик.

Мисс Алиса Батлер внесла женскую атмосферу в строгий кабинет комиссара. Она была прекрасно одета и держалась непринужденно. Подойдя к комиссару, она пожала ему руку.

— Комиссар Дакс? — спросила она. — Я очень надеюсь, что вы говорите по-английски. Я могу изъясняться по-французски, но мне это дается нелегко.

Он ответил ей с приветливой улыбкой:

— Я кое-как изъясняюсь по-английски и боюсь, что вам будет трудно понять меня.

Ей было лет сорок, но она была красива и отлично выглядела. Положив на край письменного стола маленький пакет, завернутый в коричневую бумагу, она серьезно посмотрела на него.

Предложив ей сигарету, от которой она отказалась, Сатурнин устроился на своем стуле.

— Итак, мисс, вы приехали на несколько дней в наш город. Надеюсь, вас ничего не тревожит?

— Совершенно верно! Я всегда обожала Париж, который я хорошо знаю, комиссар. Я часто приезжаю сюда за шляпками.

— Да? Прекрасно. Это ремесло вам очень подходит. И во время своего пребывания в Париже вы познакомилась с несчастной Гонорин Лорд?

— Нет, комиссар, я познакомилась с ней в Англии перед войной. Она там изучала английский язык. В то время мы держали пансион с моей матерью, и Гонорин провела несколько месяцев у нас. За это время мы стали настоящими друзьями. Позднее, после смерти матери, я завела магазин мод. В нашем городе много богатых людей, которые очень следят за модой. А я всегда мечтала быть модисткой, и мне это удалось...

Но вернемся к теме нашей беседы. Должна сказать, что я довольно часто приезжала в Париж, и Гонорин всякий раз настаивала, чтобы я останавливалась у нее. Все эти годы мы не переставали переписываться. Мне было очень приятно останавливаться у нее.

— Вы с вашей подругой жили в отеле «Бориваж» на улице Виктора Гюго?

— Да. Она поставила вторую кровать в своей комнате. Я никогда не оставалась более трех-четырёх дней, так что не слишком стесняла ее. К тому же, я очень ее любила и думаю, что она платила мне тем же...

Мисс Батлер замолчала. По ее лицу было видно, что она расстроена, ее голос дрожал.

— Можете себе представить, комиссар, какой удар я получила вчера по приезде в Париж, когда узнала, что моя подруга мертва! Я выехала неожиданно, не известив Гонорин, провела ночь у друзей в Гавре, в отеле, а утром прибыла в Париж и отправилась на авеню Виктора Гюго, представляя себе, как забавно будет свалиться как снег на голову Гонорин... Но директор отеля сообщил мне эту ужасную новость... Комиссар, в том, что пишут, нет ни слова правды. Я не настаиваю на том, что понимаю суть происшедшего, но только я уверена, что она не покончила с собой!

— Да?

Сатурнин встал и закурил сигарету.

— Простите, вы позволите, мисс?

— Кажется, я тоже охотно закурю. Я ошеломлена! Все это ужасно! Мне необходимо было повидаться с вами.

— Я счастлив, мисс.

Он дал ей сигарету и огня. Их глаза встретились.

— Вы считаете, что это преступление? — спросила она.

Он кивнул головой.

— Нам всегда казалось это возможным... я говорю возможно... что Гонорин Лорд не покончила с собой.

Мисс Батлер нахмурила брови.

— А я уверена в этом. Она никогда бы этого не сделала. Зная ее натуру, могу сказать, что подобное ей никогда бы не пришло в голову. Кроме того, я подозреваю одного человека... который имел на нее огромное влияние и который внес смятение в ее жизнь. Когда я последний раз ее видела, она была не такой, как всегда.

— А когда это было, мисс?

— Я приехала в Париж в понедельник 22 сентября и оставалась у нее до четверга. Менее трех недель тому назад. Потом я была очень занята. Я редко читаю французские газеты, так что известие о ее смерти было для меня страшным ударом!

— Не сомневаюсь в этом.

— Но когда я видела ее в последний раз, она была не такой, как обычно. Я была удивлена, увидев ее нервной, раздраженной. И вместе с тем, она сказала мне, что собирается замуж.

— Да?

— Однако я видела, что она не была по-настоящему счастливой. То она выглядела веселой и оживленной, то впадала в глубокую печаль. Это было необычно.

— А она назвала вам имя человека, за которого собиралась замуж?

— Она никогда не произносила его, комиссар.

Сатурнин вздохнул.

— Вы никогда не видели вашу подругу вместе с ним?

— Нет. Все это кажется таинственным и даже подозрительным. Я думаю, что она попала под влияние человека без совести, который пытался заставить ее сделать то, что ей претило.

— Да? Почему вы так подумали? Ваша подруга говорила что-нибудь по этому поводу?

— Было странно, что она не хотела познакомить меня со своим женихом. Не считайте меня ревнивой подругой, комиссар, но она призналась мне только, что он живет в Париже, а однажды она при мне звонила ему. Почему же она не познакомила меня с ним? Ведь мы были так дружны в течение стольких лет. К чему эта тайна? И почему она была так взволнована и каждую ночь во время моего пребывания у нее она во сне стонала и жаловалась?

— В самом деле? Она разговаривала во сне?

— Да. Никогда раньше с ней этого не случалось. Я помню последнюю ночь, что я провела в Париже. Была пятница. После обеда я выпила кофе и утром должна была пораньше встать. Так что спала я очень плохо. А она не переставала вертеться на постели, разговаривать и даже всхлипывать во сне. Я не знала, что делать.

Вдруг она отчетливо произнесла: «Я не могу этого сделать!» таким тоном, что меня кинуло в дрожь. Другой раз мне послышалось: «Не просите меня об этом!», но я не уверена в словах. Однако тон был категоричным.

— Она не произнесла никакого имени? Никакого мужского имени?

— Я ничего ясно не слышала, но могу сказать вам следующее, комиссар. У меня создалось впечатление, что она была вовлечена во что-то ужасное... какую-то махинацию, вызывающую у нее ужас. А это была умная женщина, хладнокровная и способная. Ей было тридцать два года. Мне казалось странным, что она могла увлечься до такой степени, хотя такие вещи случаются. Мы часто удивляемся некоторым вещам, но потом все встает на свои места.

Сатурнин кивнул головой.

— Ваши ощущения очень определены, но они не доказывают, что ваша подруга не могла покончить с собой. Она могла разочароваться в женихе и покончить с собой на этой почве.

— Да, я думала об этом, это вполне возможно, но я в это не верю. Она была католичка, и религия играла огромную роль в ее жизни. Самоубийство — страшный грех в ее глазах. Вот почему я хотела вас видеть, комиссар, и если вы говорите, что это самоубийство, мне нечего вам сказать. Я не могу это доказать, но уверена, что она не способна на такой поступок.

Сатурнин нахмурил брови.

— Буду откровенен, — сказал он. — Я уверен, что ваши ощущения и ваши выводы совершенно правильны. Какой-то человек вошел в жизнь вашей подруги и, к ее несчастью, изменил ее жизнь и характер. Но она никогда не называла имени этого человека? Никогда не описывала его? Никогда не показывала его фотографии?

— Нет.

— Жаль. А она не показывала вам сувенир или драгоценность, которую носила на шее на цепочке?

— Нет. Я видела у нее на шее цепочку, но не посмела спросить. Бедная Люси! Она так изменилась. В то время я была немного обижена тем, что я называла отсутствием ее доверия или откровенности. И я не могла помочь ей, когда она во мне нуждалась. Но я никогда не пыталась вторгнуться в интимную жизнь подруги.

— По-видимому, — сказал Сатурнин. — Часто бывает трудно, даже невозможно помочь другу.

Он подумал о другом и, отыскав в ящике фотографии и рисунки, положил их перед англичанкой: Абель Форестье, Гидо Колла и Урсула Мендоза.

— Узнаете ли вы этих людей, мисс? Может быть, вы их видели в каком-нибудь общественном месте? Ваша подруга ничего не говорила вам о них?

Алиса Батлер рассмотрела портреты.

— Нет, я их не знаю. Если бы я их когда-нибудь видела, то узнала бы.

Развязав пакет из коричневой бумаги, который она принесла с собой, Алиса извлекла толстую книгу.

— Я подумала, что это может вас заинтересовать, комиссар. Это американское издание Преста... Я одолжила его в прошлом месяце у Гонорин и хотела ей вернуть теперь. Книга не представляет интереса, лишь один листок, вернее то, что на нем написано. Можно подумать, что она что-то застенографировала на нем. Я обнаружила листок три дня назад, но сама не могла ничего понять — я не знаю стенографии.

Пока она говорила, она достала из книги пол-листа почтовой бумаги с грифом отеля «Бориваж» синего цвета. Листок был покрыт стенографическими знаками.

— Это почерк вашей подруги? — спросил Сатурнин. — Вы в этом уверены?

— О, да, комиссар! Она читала эту книгу, так как очень любила читать по-английски. Вероятно, она забыла в ней этот листок.

Сатурнин проворчал и стал теревить усы, разглядывая бумагу.

— Его невозможно прочитать с первого раза, — сказал он. — Вообще это не трудно сделать, но я не могу прочесть его вам сейчас.

Алиса Батлер встала и поправила мех.

— Я вам очень признательна, комиссар, что вы были так любезны. Я оставлю вам книгу. Если понадобится, я остановилась в отеле «Бориваж» и пробуду там до понедельника. Вот моя карточка с адресом в Бурнемуте.

Сатурнин взял карточку и обещал мисс Батлер, что в случае необходимости свяжется с ней.

— Это я должен благодарить вас, мисс. С вашей помощью у меня оказались стенографические записи, которые, возможно, прояснят многое.

Он поклонился и открыл дверь. Когда она ушла, комиссар набросился на записи. Их будет нетрудно расшифровать. Но неожиданно Сатурнин заворчал и тут же забыл про них. Что-то промелькнуло в его памяти и сразу же исчезло.

Он встал и начал в волнении ходить по комнате, пытаясь сосредоточиться на какой-то мысли, но это у него не получалось.

Взяв пачку с сигаретами, он губами вытащил одну, машинально щелкнул зажигалкой. Что это была за мысль, так быстро исчезнувшая? Что от него ускользнуло? Так, нужно запастись спокойствием...

Было ли это одно из заявлений Алисы Батлер? Нечто, связанное с именем ее подруги? Нет, тут было что-то, прямо относящееся к делу Видмера. Кусочек истины промелькнул перед ним и исчез.

В течение получаса он ходил по кабинету, куря сигарету за сигаретой. Тридцать минут, потраченные на то, чтобы вспомнить. Ничего не выходило. Ну что ж! Оставалось заняться записями. Он пожал плечами и приступил к работе. В конце концов он прочитал следующее:

Заставить «В» отдать нам все. Вероятно, это будет просто. Он смиренный. Угроз будет достаточно. Нужно письмо от его имени, чтобы обезопасить нас от преследований.

Внимание. Нужно правильно смотреть на вещи. Может быть, будет недостаточно напугать его, в случае неудачи «Х» может решиться на его убийство. Готова ли я пойти на это, сделаться его соучастницей?

Как только «В» будет исключен из игры, все окажется в наших руках и никто не будет знать об этом, кроме «Х». Или «У. М» знает? Вероятно, нет. Она никогда не стремилась к деньгам.

Когда мы поженимся, он будет у меня в руках.

Внимание. Уверена ли я, что «Х» испытывает ко мне чувства? Он очень непостоянен и несомненно без совести. С деньгами, в комфортной жизни, я надеюсь, он успокоится. Бедность кружит ему голову. Самое важное: все будет в моих руках. Я буду держать деньги на замке. Я буду вести все по своему вкусу, я сумею это сделать. А если он попытается поступать по-своему, я донесу на него.

Внимание. Меня тоже будут преследовать, но это не так важно. Если же он начнет обманывать меня, мне все станет безразличным. Без него мне нечего делать в жизни.

Дальше шли совершенно неразборчивые записи. Может быть, лаборатория сможет восстановить текст.

Сатурнин ворча поднялся со стула. Теперь было очевидным, что личный секретарь Видмера со своим компаньоном собирался обокрасть его, а может быть похитить и убить. Гонорин Лорд видела драгоценности, купленные Видмером. Кое-что стало понятным, но личность «Х» по-прежнему была неизвестна. Он внушил Гонорин Лорд, что любит ее и собирается жениться на ней. Дело Видмера обрисовывалось, но главный неизвестный по-прежнему оставался в тени. Кто такой был этот «Х»? Сатурнин надеялся, что вспышка памяти снова мелькнет в его мозгу. Было ли это под влиянием чего-то, сказанного Алисой Батлер? Или в результате всей беседы?

Делать было нечего. Вспышка исчезла, и дело по-прежнему оставалось темным.

Глава 25

Риск ремесла

Был почти полдень следующего дня, когда Сатурнин Дакс снова появился на бульваре Сюше. Фелисити Видмер была в холле одна и любезно приняла его. Взглянув на ее одежду, комиссар поразился происшедшей в ней перемене. Она не только помолодела, но вроде даже немного пополнила, что очень шло к ней.

Она вопросительно посмотрела на него и улыбнулась.

— Курите, пожалуйста, месье. Я люблю, когда мужчины курят.

Он поклонился.

— А ваш сын дома, мадам?

— Нет, он катается на мотоцикле. Этим он занимается каждое воскресенье. Мне кажется, это полезно для его здоровья. Он не очень-то крепок и легко возбудим. Я уговариваю его больше бывать на воздухе, а то книги и музыка слишком много занимают у него времени. Мой первый муж, его отец, тоже был таким.

Сатурнин проворчал и показал ей фотографию, которую Поль сделал с Колла и его таинственного спутника.

— Вы когда-нибудь видели этого человека? Того, который отвернул голову и сидит напротив вашего убитого шофера.

Она взяла фотографию и нахмурила брови, разглядывая ее.

— Нет, месье, никогда. Он безусловно переодет. На нем парик и эти очки. — Она снова посмотрела фото, потом пожала плечами. — Эта фотография ни о чем мне не говорит. Во-первых, на ней немного можно разглядеть, а если к тому же человек переодет, то его трудно узнать? Но мне кажется, я его никогда не видела.

Сатурнин вздохнул, забрал фотографию и, сев в кресло, закурил. Она вопросительно смотрела на него.

— Что же все это значит, месье? Колла в кафе с переодетым человеком... И Колла убит. Ничего хорошего это не может означать?

— Безусловно, мадам. Приготовьтесь узнать неприятные новости. Мало вероятно, что ваш муж покинул вас ради другой женщины, и так же мало вероятно, что он уехал по собственному желанию.

Она побледнела и казалась испуганной.

— Я не понимаю, откуда такие мысли?

Он теребил усы, пристально глядя на нее.

— Что побудило вашего мужа отправиться на вокзал и переодеться в бедного человека? Вы сомневаетесь? В этом — ключ к раскрытию тайны.

— Не могу поверить, что Эжен мог совершить нечто подобное. Это так не соответствует его вкусам и привычкам. Просто невероятно!

— Но это правда, мадам. Это один из неоспоримых фактов, которым мы располагаем. Она в течение нескольких секунд оставалась молчаливой и задумчивой, потом сказала:

— Да, это факт. Тогда есть заговорщики, это единственное объяснение. Преступный заговор. Но если, как вы сказали, Эжен отправился туда, чтобы переодеться, то не был ли он сам участником этого заговора, не подозревая, что он направлен против него самого? Ведь не могли же его заставить купить этот жалкий костюм, пойти на вокзал и переодеться?

— Его могли поставить в такое положение, при котором он вынужден был пойти на это.

— Я не понимаю, каким образом?

— Увы, я тоже. Вот потому-то это дело настоящий кошмар! Несколько фактов, которыми мы располагаем, еще более усложняют проблему.

Он поискал глазами пепельницу и бросил туда сигарету.

— Ваш муж не звонил вам по телефону после своего исчезновения?

— Нет. Я вам уже говорила.

— Даже если он просил вас никому об этом не рассказывать?

— Почему бы он сделал это? — удивленно спросила она.

Он пожал плечами.

— Месье Форестье утверждает, что ваш муж звонил ему в контору в прошлый вторник. Фелисити Видмер покраснела.

— В самом деле? Эжен мне ничего не писал, даже не прислал открытки.

Сатурнин мрачно улыбнулся.

— А может директору по телефону звонил не он? А тот таинственный господин в большой шляпе и парике, который умеет подражать голосам?

Она смотрела на него, побледнев как полотно.

— Объясните, пожалуйста, — тихо проговорила она. — Я ничего не понимаю в этих тайнах, заговорах... Не хотите ли вы сказать, что Эжена убили?

— Боюсь, что так. Вероятно, он попал в лапы к грабителям. Как нам известно, он купил на семьсот тысяч франков драгоценностей и, можно считать, из-за этих драгоценностей его и похитили. Я не должен скрывать от вас, что очень мало шансов, что он жив.

Сжав руки, она опустила голову, а когда подняла ее, глаза были полны слез.

— Это ужасно! — воскликнула она. — Месье, я буду с вами совершенно откровенна. Я не считаю, что наш союз был идеальным и что я была всем для Эжена. Я считала, что он бросил меня ради другой женщины и не чувствовала себя несчастной. Но этот преступный заговор, это убийство... это другое дело. Я очень уважала Эжена. Его все любили. Если его убили с целью ограбления — это подло. Этот маленький человек был таким добрым и тихим. Всегда терпеливый и всегда в хорошем настроении. Он никогда никому не причинял зла, никто не может сердиться на него...

Она замолчала и поднялась со своего места. Резким движением достав из сумочки носовой платок, она приложила его к глазам.

— Какой ужас! — бормотала она. — Подумать только, что его мучили! Это подло!

— Да, — тихо проговорил Сатурнин. — Все доказывает, что Видмер был уважаемым человеком. Даже если бы он решился уйти с другой женщиной, он не оставил бы вас в неведении. Он сказал бы вам или написал. Я уверен, что вы расстались бы добрыми друзьями.

— Возможно, — сказала она. — Но мужчины часто поступают странно, даже самые лучшие. Он оставил мне почти все состояние. — Она попыталась улыбнуться. — Часто мы оцениваем людей после того, как потеряем их.

Она вытерла глаза, и голос ее стал твердым, почти пронзительным.

— Месье комиссар, если существовал заговор против Эжена, если он попал в ловушку, нужно наказать виновных. Подумать только, что ему пришлось страдать! Преступника нужно судить!

— Для этого я и пришел сюда, мадам. Увы, пока еще мало что сделано. Но нужно предотвратить дальнейшие преступления. Вор, убийца... пока не обнаружен. И если мы ему не помешаем, он может совершить другое преступление. Может быть, ваш сын, мадам, сможет помочь нам?

— Поль?

Она изумленно посмотрела на него:

— Как это бедный Поль может помочь вам?
Сатурнин улыбнулся.
— Он уже пытался, мадам. Он поиграл в детектива-любителя, чтобы помочь толстому «доктору Ватсону». На мотоцикле он следил за людьми, и это он сфотографировал Колла и «Х»!
Теперь Фелисити Видмер побледнела как смерть.
— Он ничего мне не говорил. А это не может... Это не может быть опасным?
— Опасность возникнет, если он будет скрывать то, что знает. По правде говоря, я не думаю, что он знает много. Мне кажется, мадам, что ваш сын ревновал вас к отчиму и не любил его. Как и вы, мадам, он думал, что у него есть другая женщина, и несколько раз следил за месье Видмером и, определенно, в день 26 сентября.
Она вздрогнула.
— Боже мой! Вы думаете, что он видел...
— Видел, но немного. Не так уж весело следовать за «испано» и подолгу ждать. Ему это быстро надоело. Но то малое, что он видел, позволило ему сделать вывод, что ваш шофер солгал, сказав, что оставил месье Видмера на площади Трините. И Поль стал следить за Колла... когда мог это делать. Он видел его вместе с «Х» на террасе кафе и сфотографировал их. Если бы Поль знал, кто такой «Х», он был с триумфом пришел сказать мне: «Доктор Ватсон, вот человек, которого вы ищите!» Он писал мне письма.
— Тем не менее, все это опасно, — дрожащим голосом проговорила она. — Он должен был сказать об этом мне.
— Он хочет быть самостоятельным, — с улыбкой проговорил комиссар.
— Я должна заставить его рассказать мне все, месье. Поль странный мальчик, но я уверена, что заставлю его говорить.
— Это будет лучшее, что вы сможете сделать, мадам, — сказал Сатурнин, вставая. — Я передаю дело в ваши руки, и постарайтесь поскорее сделать это. Весьма возможно, что он, сам того не понимая, знает что-то весьма существенное. Вообще же с этим «Х» шутки плохи.
— Я заставлю Поля заговорить, вы можете на меня рассчитывать. Я просто напугаю его. Мне и самой очень страшно!
Протягивая ему руку, она испуганно смотрела на него.
— Я вам очень признательна, месье, что вы были со мной откровенны.
Выходя из двери, Сатурнин увидел, что по аллее к дому подъезжает небольшая машина. Сидящий за рулем Алекс приветственно помахал рукой комиссару как старому другу.

Глава 26

Проданные драгоценности

Рауль Визан, ювелир с авеню Ниель, спокойно прогуливался на солнце. В черном пиджаке, полосатых брюках, черной шляпе, в черном галстуке, в котором блестела жемчужина, месье Визан имел очень респектабельный вид. В свои пятьдесят пять лет он выглядел на тридцать шесть.
Не торопясь, он повернул на авеню Тери, взглянул на свои часы и вошел в отель «Пимодан».
— Мадам Робинсон, — спросил он у лифтера, — на втором, да?
— Да, месье. Апартаменты номер 48.
Лифт поднялся на второй этаж и остановился. Лифтер сделал несколько шагов по ковру и постучал в дверь.
— Кто там? — по-английски спросил женский голос.
Женщина открыла дверь, выглянула в коридор и улыбнулась.
— А! Вы месье Визан, ювелир, не так ли? Входите, пожалуйста!
Рауль Визан поклонился и вошел. Он очутился в небольшом, отлично обставленном холле. Повсюду были цветы.

— Садитесь, месье Визан. Не знаю, поймете ли вы мой французский язык. А вы говорите по-английски, месье Визан?

— Очень плохо, — ответил он по-французски. — Хотел бы я говорить на вашем языке, как вы говорите на моем.

Он присел на кончик стула с прямой спинкой. Мадам Робинсон стояла у стола с бутылкой вермута в руке. Она была очень хорошо одета и на ее шее сверкали бриллианты. Визан дал бы ей лет тридцать.

— Не желаете ли аперитив? У меня есть французский и итальянский вермут.

— Благодарю мадам. Я никогда его не пью.

— Как вы благоразумны! — насмешливо проговорила она, наливая себе стакан вина, и подняла его, с улыбкой глядя на Визана. — Тогда за ваше здоровье, месье Визан, раз уж я должна пить одна!

Выпив вино, она поставила стакан и проговорила решительным тоном:

— Итак, месье Визан, как я вам уже говорила по телефону, у меня есть несколько драгоценностей, которые мне хочется продать. Должна признаться, что за время своего путешествия по Европе я истратила денег больше, чем имела с собой. Так случается иногда. Я была в Монако, в Монте-Карло. Понимаете? Это разорительно. Теперь мне остается только продать кое-что и сесть на корабль, который отвезет меня в Соединенные Штаты.

Визан усмехнулся.

— Знаете, мадам, я вам завидую! Должен вам признаться, что я всегда мечтал жить весело и без оглядки, но увы, мое ремесло заставляет меня быть осторожным.

— Мне вас жаль!

Она подошла к нему, держа в руке небольшую коробку, которую вынула из ящика.

— Вот кольцо и два бриллианта. В любом случае я не могу их больше носить. Они принадлежали моей тетке Жаннет. Видите, оправка кольца уже не модная. Что касается бриллиантов, то я их вынула из другого кольца. Хотела в Париже заказать новую оправу, но...

Рауль Визан взял оба бриллианта и кольцо и направился к окну. Он бросил взгляд на бриллианты, потом через лупу тщательно рассмотрел жемчуг и кольцо.

— Я дала оценить их в Соединенных Штатах, — сказала она. — Для страховой компании. Их оценили в семь тысяч долларов. Я готова отдать их за шесть.

— В самом деле? Вы отдадите их за эту цену, мадам?

Визан обернулся и посмотрел на нее с улыбкой, которая совершенно преобразила его лицо. Теперь он уже не выглядел моложе своих лет.

— Вас зовут Робинсон и вы американская гражданка? Так? — спросил он.

— Да, так. Я могу показать свой паспорт, если хотите.

Она тоже улыбнулась, но ее улыбка была жалкой и натянутой. Он покачал головой.

— Мне не нужен ваш паспорт, хотя он может кое-кого заинтересовать. Мне кажется, я могу сказать, где вы его... купили.

— Что... что вы хотите этим сказать?

Ее голос стал подозрительным, а легкий акцент почти исчез.

— Вот мой паспорт... Все мои бумаги в порядке.

Она стала лихорадочно переключать перчатки, платки и другие предметы, лежащие на столе. Рауль Визан подошел к ней.

— Послушайте меня, малышка, — сказал он. — Вы не более американка, чем я готтентот. Эти камни никогда не принадлежали тетке Жаннет, но они вышли из магазина на улице Мира.

— Вы хотите меня обвинить? — сказала она.

— Бросьте, моя красавица. Говорите, откуда камни!

— По правде сказать, я получила их в уплату, когда была в Монако. Я выручила одного типа. Мне кажется, он был русский. Он дал их мне и обещал выкупить.

Она остановилась, видя, что Визан саркастически качает головой.

— Правду! — бросил он. — Ну!

— Пять тысяч долларов, — пробормотала она. — Вы сможете хорошо заработать. Откуда у меня эти камни? Не все ли вам равно?

— Откуда эти камни? — повторил ювелир. — Я даю вам минуту на ответ.

— Четыре тысячи!

Он направился через холл к телефону, стоявшему на маленьком столике. Она бросилась к аппарату, закрыв его обеими руками.

— Нет! Нет! Не делайте этого!

Он посмотрел на нее. Она была очень испугана. Внезапно лицо ее изменилось. К выражению отчаяния и гнева прибавилось выражение ужаса, который заставил Визана побледнеть. Женщина поверх его плеча смотрела на кого-то, находившегося позади него.

Он не слышал, как отворилась дверь, но почувствовал, что кто-то неслышно вошел в комнату. Слегка повернувшись, он заметил человека в маске.

— Только не это! Ради Господа Бога! — закричала женщина.

Рауль Визан упал, получив сильный удар по голове.

Глава 27

Женщина, у которой есть прошлое

Сатурнин Дакс улыбнулся и лежащий на больничной койке человек улыбнулся в ответ.

— Как вы себя чувствуете, месье Визан?

— Не слишком плохо, — ответил ювелир. — А вы — комиссар Дакс, который звонил по телефону?

Сатурнин утвердительно кивнул и, поставив на прикроватный столик небольшую корзинку с фруктами, взял стул.

— Немного винограда, — предложил он. — Вы легко отделались!

— Да, мне тоже так кажется. Безусловно, женщина спасла меня. Она была еще более напугана, чем я.

— Она и должна была быть испугана. Вы узнали драгоценности, вы знаете, что их купил Эжен Видмер. Вероятно, он убит тем типом, который ударил вас. Вероятно, он же убил и шофера-итальянца, а возможно, и Гонорин Лорд, личную секретаршу Видмера ликвидировал. Мы имеем дело с одним из тех убийц, у которых есть мозги. Он знает, что гильотинировать его можно только один раз, но чувствует себя затравленным, и его сообщница об этом знает. Вы успели разглядеть его?

— Нет, он был в маске, — ответил Визан. — Мне кажется, что у него были седые волосы, но я могу ошибаться.

Сатурнин достал пачку сигарет из кармана.

— Простите, вас дым не побеспокоит?

— Ни в коем случае.

— Спасибо. Хочу заверить вас, что мы сможем добиться успеха в том случае, если будем действовать быстро. Раньше, чем они успеют спрятаться. Сначала мы должны взять ту женщину. Она остановилась в отеле «Пимодан». Ее видели разговаривающей с мужчиной в холле, но на него почти не обратили внимания. Седые волосы, конечно, парик.

— Мне кажется, что у женщины тоже был парик, во всяком случае ее волосы были скрыты под косынкой. Она видимо готовилась изменить свою внешность, правда? А затем продать драгоценности и исчезнуть. Меня они выбрали среди парижских ювелиров очевидно потому, что у меня вид глупее других. Со мной такое уже случалось.

Сатурнин улыбнулся.

— Они здорово просчитались!

— Все равно я бы обнаружил, что эти драгоценности краденые, даже если бы не читал об этом в газетах. Может быть, они рассчитывали меня надуть? Или подкупить?

— Очевидно, у них были расхождения в методике преступления. Мужчина был способен пойти на крайности, женщина же испугалась, когда поняла это. А у вас с собой было много денег? Мы обнаружили ваш бумажник пустым.

Рауль Визан улыбнулся.

— Там не было ни одного су. Я не совершаю больших дел в маленьких отелях. Мне показался подозрительным и ее французский акцент. Если бы она заслужила мое доверие, я принес бы ей деньги через двадцать минут. Значит, вы думаете, что этот человек обманывал свою сообщницу? Он рассчитывал получить от меня деньги и сохранить драгоценности?

— Не обязательно, но весьма возможно. Все говорит за то, что он организовал похищение Видмера и совершил убийство ради этих семисот тысяч франков. Также очевидно, что наш неизвестный не рядовой преступник. В этом случае Гонорин Лорд никогда бы не решилась выйти за него замуж. Если он готов убивать даже ради не особенно крупной суммы, значит он беден... Теперь он располагает крупной суммой в виде драгоценностей и это очень для него опасно.

— Да... Я отделался довольно легко благодаря тому, что он был в маске и я не смог рассмотреть его лица. Хотел бы я знать, удалось бы женщине спасти меня, если бы было иначе?

— Не думаю, что он за нее держится. Этот человек использует женщину. Он использовал Лорд, которая до встречи с ним вела скромную жизнь. Врач сказал нам, что она была девственницей.

Протянув руку, Рауль Визан взял со столика гроздь винограда.

— Кажется, я что-то читал об этом в газетах, — сказал он. — Ведь у Видмера не было секретов от Гонорин Лорд? Значит, она предала своего патрона ради этого негодяя, а он убил ее так же, как Видмера и его шофера? Ему нужны наличные деньги и не только ради веселого образа жизни, но и для того, чтобы исчезнуть из Франции, по крайней мере, на год или два, не так ли?

— По-видимому, так. Он прятался в соседней комнате, чтобы слышать ваш разговор с его соучастницей. Если бы вы заплатили за драгоценности, возможно, он и не вышел бы из комнаты. Но когда понял, что вы заподозрили женщину, он рискнул. Конечно, он надеялся, что в вашем бумажнике есть деньги и, кроме того, опасался, что женщина заговорит, если вы позвоните в полицию. И испугался.

— Эта женщина не дилетантка, какой была Лорд, — сказал Визан. — И у нее, конечно, другое имя, французское. Ей лет двадцать восемь-тридцать. И я готов поклясться, что это не первый случай в ее жизни.

— Охотно верю, — согласился Сатурнин. — Она достаточно взрослая, да? Со своими накрашенными ресницами, вздернутым носиком, плотно прижатыми к голове ушами, розовыми ногтями и легким заиканием...

— О! Значит, вы уже взяли ее?

— Нет, но не замедлим сделать это. Она оставила отпечатки пальцев на телефоне и на ручке двери. Мы нашли ее волосы в американской сумке, в которой лежала всякая дребедень...

— Отлично! Значит, она уже проходила через ваши руки?

— Да. Обычно она называет себя Селин Рай. У нас хранятся отпечатки ее пальцев. Ей только двадцать пять лет, но какое прошлое! Она любит выдавать себя за англичанку или американку и, когда ей удастся, совершает небольшие путешествия на больших лайнерах. При случае она не брезгует шантажом. А начала она с кражи. Ей нравится атмосфера преступлений, и она обожает преступников.

Нам также известны места, где она бывает. Дело в том, что мы не должны терять время. Нам прежде всего нужен мужчина (а мы ничего о нем и не знаем), мы не должны дать ему возможность покинуть Францию. До него мы сможем добраться через эту женщину. Даже если она и не знает его настоящего имени, она, по крайней мере, знает, как он выглядит. Поэтому необходимо возможно скорее добраться до нее.

— Пока мужчина не покинул Францию?

Сатурнин утвердительно кивнул.

— Или пока он не убил эту женщину.

Он взглянул на бледное лицо ювелира и взял шляпу. В этот момент в палату с недовольным видом вошла хорошенькая сиделка.

— Не сердитесь, мадемуазель. Видите, я уже ухожу.

— Ваш приход принес мне большое облегчение, комиссар, — сказал Визан. — Сообщите мне, когда вы поймаете этих людей. Мы отметим это событие.

Глава 28

Сдерживаемая нежность

Фелисити Видмер смотрела на Сатурнина большими испуганными глазами. Она была похожа на испуганную кошку.

— Это ужасно, месье! — сказала она. — В течение нескольких часов я пытаюсь дозвониться до вас!

— Огорчен, мадам, но у меня был очень трудный день, — ответил он. — И как это случилось?

— Вот именно! Я ничего не знаю! Наш садовник приходит три раза в неделю и обязательно по понедельникам. Он нашел Поля, лежащего без сознания под вязом, с огромной шишкой на лбу... Около него валялась сломанная ветка, но...

Ее голос задрожал и она смолкла.

— Но, — сказал Сатурнин, — вспомните о вчерашнем предостережении. Мальчик захотел поиграть в детектива. Могу я повидать его?

Она грустно покачала головой.

— Я хотела расспросить его, но врач сказал, что раньше завтрашнего дня об этом не может быть и речи.

— В котором часу садовник нашел его?

— В полдень. По счастью я была дома. Мы отправили Поля в постель и немедленно вызвали врача.

— А вчера вам не удалось порасспросить сына, мадам?

— Я пыталась, но ничего не добилась. Он целый день мотался на своем мотоцикле. Я обедала в ресторане с доктором Алексом, но вернулась домой раньше десяти часов, чтобы поговорить с Полем. Но он пришел в половине одиннадцатого и сказал, что слишком устал, чтобы разговаривать. Я думаю, что это был предлог, чтобы скрыть страх.

Сатурнин проворчал.

— Никто из посторонних не приходил сегодня утром в ваш дом? Никто не предлагал что-нибудь купить... вашим слугам, например?

— Нет. Я уже думала об этом. Никто не приходил, кроме старого садовника и обычных поставщиков. А это люди, которых мы хорошо знаем. И насколько нам известно, Поль не покидал сада сегодня утром. По словам врача, он упал с дерева. И хотя он не получил серьезного ранения, но этот ребенок так экспрессивен! Я безумно напугана!

Наступило короткое молчание. Сатурнин теребил усы и внимательно слушал.

— А вы не думаете, что мальчик инсценировал это?

— Что инсценировал? Я не понимаю.

— Некоторые дети, — сказал Сатурнин, пожав плечами, — до такой степени ревнивы, что любят привлекать к себе внимание взрослых. Стендаль даже считал, что они способны наносить себе раны, чтобы удержать любовь, которую боятся потерять.

— Это совсем неправдоподобно, — сказала она. — Но ведь Поль не ребенок.

— Кое в чем он еще ребенок, а кое в чем и нет. Поранить себя, чтобы заставить кого-то любить себя, это еще не самое странное, что преподносит нам человеческая натура.

Она покраснела.

— Кажется, я вела себя довольно глупо. Но у меня есть только он.

— Мне нужно знать, что же произошло, — сказал он. — Малыш сначала ревновал к своему отчиму, а теперь к доктору Алексу, не так ли?

— Это меня не удивило... Да, Поль всегда был очень ревнив. Хотя я во многом виню себя, но не думаю, чтобы он пошел на то, чтобы специально упасть с дерева. Все это так странно, что я просто в ужасе!

— Это трудно объяснить, — сказал Сатурнин, — и я нахожусь здесь не для того, чтобы заниматься проблемами психологии. Мне необходимо знать, что произошло. Ваш сын не выходил сегодня утром из сада. Один из моих лучших агентов наблюдал за домом.

— В самом деле? Тогда это, безусловно, несчастный случай или, как вы предполагаете, Поль сделал это нарочно, но только не преступное нападение на моего сына.

— Мы ничего не можем утверждать, — серьезно сказал Сатурнин. — В моем распоряжении всего лишь один человек, а этого недостаточно, чтобы вести наблюдение. Кто-то мог войти в сад незамеченным и так же выйти из него. Сегодня вечером я приведу второго агента и спрячу его в доме, поблизости от комнаты вашего сына.

— Хорошо, спасибо, месье. Я вам очень благодарна.

— Но нужно как можно скорее расспросить Поля. Пока достаточно одного вопроса: знает ли он человека, которого сфотографировал в кафе в компании с Гидо Колла? Спросите у него об этом, как только врач разрешит, и сразу же позвоните мне. Может быть, вам будет лучше напугать его, чтобы заставить говорить. Если на него действительно напали сегодня утром, то его не трудно будет заставить заговорить.

— Я сделаю все возможное, он должен мне все рассказать.

— Лучше будет, если это сделаете вы, мадам. В противном случае придется нажать на него мне. А пока у меня появился очень небольшой шанс напасть на след преступника. Вместе со своей сообщницей он пытался продать драгоценности, которые купил ваш муж.

— Значит, все было именно так, как вы предполагали, месье? Бедный Эжен стал жертвой заговора. Его обокрали... и, может быть, убили?

— Мы вынуждены допустить подобную мысль, — ответил он. — Неизвестный преступник хотел получить деньги, чтобы уехать из Франции. Все вокзалы находятся под наблюдением. Но он был переодет... на голове седой парик... Я не дал его описание в газеты потому, что хочу, чтобы он продолжал пользоваться этим. Далеко он не уйдет.

— Понимаю, — сказала она. — И у него есть сообщница?

— Это наш главный козырь, чтобы найти мужчину. Она проходила у нас по нескольким делам. Мы знаем, где она жила, и ей негде прятаться. Потом он видимо не предполагает, что мы так быстро опознаем ее. Похоже, он чувствует себя в Париже в относительной безопасности и, возможно, начнет ходить по кафе просто из бравады. Никогда не знаешь, на что способны подобные каналы!

Он встал и достал из кармана три фотографии.

— Вот женщина, о которой идет речь, — сказал он. — Обычно она называет себя Сели Рай. Я полагаю, что вы ее никогда не видели? Думаю, это маловероятно, но все же возможно.

Фелисити Видмер внимательно рассмотрела фотографию.

— Нет, — произнесла она, — я никогда не видела этой женщины.

Он пожал плечами.

— Вероятно, она вошла в дело лишь тогда, когда преступнику понадобилось продать драгоценности. Я не думаю, что она была соучастницей в преступлении против вашего мужа. Мы ее усиленно разыскиваем и вероятно скоро возьмем. А пока это не произошло, мадам, расспросите вашего сына и как можно скорее. Я завтра снова загляну к вам.

Глава 29

Гидропаты

Кафе переименовало название и теперь называлось «Гидропаты». Там была площадка для танцев, оркестр из пяти женщин, которые производили шум как пятьдесят человек, ослепительное освещение и много хрома. Это кафе находилось около площади Моб. Клиентура его была смешанная, но кухня отличная, и многие посетители снова приходили туда, чтобы пообедать.

За мраморным столиком напротив лестницы, выходящей на улицу, сидел крупный мужчина в короткой кожаной куртке, похожий по виду на шофера. Вооружившись ложкой, он приканчивал порцию крема. Пожилой официант с усталым видом спросил его, не желает ли он кофе.

Комиссар Дакс сделал утвердительный жест и добавил:

— И одни марк.

Парень отрицательно покачал головой и предложил:

— Фин не хуже, многие одобряют.

Сатурнин отверг его предложение и заказал бутылку вина.

— У вас тут немного народа, — сказал он. — А где же дамы? Я не видел Селин на этой неделе.

Сквозь полуприкрытые веки глаза официанта изучали клиента.

— Я не знаю Селин, к тому же рано.

Он исчез. Пять музыкантов приступили к работе. Сатурнин посмотрел на часы. Было без десяти полночь.

Бледный молодой человек с блокнотом в руке подошел к Сатурнину. Похоже было, что ему не долго оставалось жить.

— Хотите заказать свой портрет, месье? Двадцать франков.

Сатурнин достал билет в пятьдесят франков.

— В другой раз, сегодня я не в настроении.

Молодой человек улыбувшись взял деньги и направился к другому столику. Он начал рисовать толстую женщину с аккордеоном.

В кафе вошел Жорж Адлер, прошел между столиками и устроился у бара, устремив взгляд на четыре танцующих пары. Он расстегнул свой черный плащ, но минуты через две, заметив Сатурнина, с радостным видом встал и подошел к нему. Они пожали друг другу руки, приподняв шляпы. Сатурнин пригласил Адлера садиться и, когда появился официант, послал его за кофе.

Бригадир понизил голос.

— Ничего нового?

Сатурнин покачал головой.

— Еще слишком рано, — сказал Адлер. — Она безусловно придет сюда. Норман наблюдает за кафе «Сен-Арман». Она была здесь вчера вечером. Хотела получить деньги, которые ей должна курочка по кличке «Толстая Элен».

— Хорошо! Вероятно, они ей нужны, а потому снова придет в надежде получить их.

Адлер нахмурил брови.

— Меня беспокоит одна вещь, — сказал он. — Ваши фотографии устарели. Проработав год или два в театре, она научилась с помощью грима изменять внешность. Так что мы можем и не узнать ее.

Он замолчал, так как появился официант с кофе. Сатурнин попросил принести ему все для письма, и парень ушел.

— Я думаю, что мы узнаем ее, если она не спрячет своих ушей, — сказал комиссар. — Зал скоро наполнится, и нам нужно будет лишь внимательно рассматривать женщин и не ошибиться.

Он пожал плечами.

— Бог знает, чем это кончится! Может быть, наша Селин не так уж глупа. Интересно, виделась ли она потом с тем человеком?

— Они расстались в отеле «Пимодан», патрон. Консьержка видела, как она садилась в такси. Мы его еще не нашли, но она вряд ли поехала домой.

— А мужчина, Жорж?

— Никто не видел, как он выходил. Правда, есть боковая дверь, которая выходит на улицу Армей через пассаж Дуасси. Он мог подождать, когда консьержка будет занята, чтобы уйти. Ему достаточно снять парик... Ну и дела! Человек убил троих, у нас есть его фото, а мы все не знаем, на кого он похож. У нас есть пятилетней давности фото Селин и, если мы не задержим ее быстро, то не получим мужчину.

— Вы преувеличиваете, Жорж. Он совершил несколько глупостей.

Вернулся официант с принадлежностями для письма.

— Наш незнакомец допустил оплошность. И серьезную. Я считаю, что он будет в наших руках в течение двадцати четырех часов.

Он принялся писать. Печатными буквами он написал следующее.

Немедленно позвоните мне по телефону или будьте на площади
Оперы у входа в метро во вторник в полдень.

Никакой подписи. Комиссар написал на конверте имя Селин Рай и вложил в него листок. Закончив, он неторопливо подошел к бару и сунул письмо за рамку картины, за которой уже торчало несколько писем.

Помещение начало наполняться. Танцующие заполнили площадку. Появились женщины. Те, с которыми не было мужчин, быстро нашли себе компаньонов в зале.

— Вы считаете, что она возьмет письмо, если придет? — спросил Адлер.

— Почему бы и нет? — спросил Сатурнин. — Может быть, она подумает, что это ее деньги. Во всяком случае она увидит конверт и заглянет в него. А если заглянет, ей захочется узнать что-либо о мужчине из «Пимодана».

Комиссар щелкнул пальцами, и официант подал счет. Вторая бутылка вина была почти пуста.

Какая-то женщина спустилась по ступенькам и вошла в кафе. На ее почти черных волосах была надета шляпа с густой вуалью, скрывающей сильно накрашенное лицо. Проходя мимо бара, она бросила взгляд на картину, остановилась и взяла письмо Сатурнина. Она действовала машинально, не раздумывая, но потом вдруг, опасливо озираясь кругом, сунула письмо в сумочку и исчезла в умывальной.

Жорж Адлер, наблюдавший за женщиной в зеркало, наполовину встал, издав проклятие.

— Спокойнее, Жорж, — сказал комиссар. — Постарайтесь найти машину. Я займусь остальным.

Адлер осмотрел зал.

— Возможно, здесь находятся крутые парни, патрон?

— Я уверен, что они есть, — с улыбкой ответил Сатурнин. — Возьмите машину и поставьте ее перед дверью, хорошо?

Бригадир ушел. Прошло несколько минут, прежде чем женщина, взявшая письмо, появилась снова. Сатурнин встал и облокотился о стойку бара, глядя на танцующих. В одном из зеркал он увидел вернувшегося Адлера, стоящего у подножия лестницы.

Оркестр кончил играть быстрый вальс, и танцующие, не покидая площадки, стали аплодировать. Смешавшись с ними, женщина в вуали устремилась к двери. Сатурнин повернулся и последовал за ней. Внизу лестницы Адлер преградил ей путь.

— Мадемуазель Рай? — вежливо сказал Сатурнин.

Она полуобернулась и сделала удивленное лицо.

— Вы ошибаетесь, — ответила женщина по-английски. — Я вас не знаю.

— Очень жаль, — проговорил комиссар, взяв ее за руку. — У меня около входа машина. Нам нужно познакомиться, мадам Робинсон.

— И без шуток! — добавил Жорж Адлер.

Электрические лампочки на потолке тюремной камеры не способствовали подчеркиванию женских прелестей. Расположившись на кровати, висящей на цепях, Сатурнин смотрел на женщину, сидящую на единственном в камере стуле.

Вульгарная косметика расплылась, и теперь она была похожа на линялую тряпочную куклу. Она плакала, по щекам стекала краска, но вскоре она поняла, что слезы ей не помогут.

— Я не знаю этого человека, — повторяла она. — Я не знаю, как он проник в соседнюю комнату. Это безусловно гостиничный вор, и я о нем ничего не знаю. Он был в маске, я не видела его лица. Он меня страшно напугал! Я была вынуждена отдать ему мои драгоценности, и он ушел.

— Это были не ваши драгоценности, — сказал Сатурнин, — откуда они взялись?

— Мне повезло в Монте-Карло и я купила их у одного типа. Мне кажется, что он был русский.

— Эти драгоценности принадлежат, или принадлежали Эжену Видмеру, который исчез. Где вы их взяли, Селин?

— Я вам уже сказала. Я никогда не слышала о Видмере. Вы говорите напрасно. Я ничего не слышала об этой истории.

Сатурнин закурил новую сигарету и зевнул.

— Послушайте, — сказал он. — Вас видели беседующей в отеле «Пимодан», в холле, с человеком, который напал на ювелира. Подумайте о положении, в которое себя ставите. Я могу

надолго вас упрятать или мы договоримся так, что будет удобно для нас обоих. Дело идет об убийстве, и вы это знаете. Человек в седом парике уже убил одну женщину, на которой обещал жениться. И еще он убил, по крайней мере, одного мужчину... а возможно и двух. У него нет выхода, и он не задумываясь вонзил нож и в ваше горло. Когда он выбросил в окно Гонорин Лорд, на ней было обручальное кольцо, подаренное им. Заслуживаете ли вы того, чтобы отправиться в тюрьму вместо него? Без сомнения, на этот раз вы будете приговорены на длительный срок!

Она опустила глаза и уставилась в пол. Черты ее лица стали жесткими и тупыми.

— Не тратьте времени даром, я не знаю этого человека. Я даже не имела возможности разглядеть его.

Сатурнин встал, потянулся и взглянул на часы. Было начало первого. Он вышел из камеры.

Глава 30

Основной признак

В девять часов утра Сатурнин встретился с Фелисити Видмер в уютной солнечной комнате. Она была бледна и встревожена.

— У Поля лихорадка, — сказала она. — Он провел беспокойную ночь и я тоже.

Слабо улыбнувшись, она предложила ему чашку чая, которую он с благодарностью принял.

— Должен ли я понять вас так, мадам, что вы не смогли допросить мальчика?

— Еще нет. В настоящий момент это невозможно.

Он попросил у нее разрешения закурить и несколько секунд молча курил.

— Мы задержали женщину, Селин Рай, но ничего не вытянули из нее... до сих пор. Но она заговорит, не до такой же степени она глупа.

— У вас по-прежнему нет никаких следов? Ничего, что помогло бы опознать этого ужасного человека?

— Пока нет. Неизвестный использовал Селин, чтобы продать драгоценности. Он не сделал бы этого, если бы не был уверен в своем на нее влиянии. А это означает, что они знакомы уже давно, и я думаю, что его влияние было более или менее обоснованным. Селин Рай безусловно знает, как он выглядит, даже если она не знает его настоящего имени и адреса. Она романтическая дура, а он — мужчина, который часто пользуется услугами подобного рода женщин... Мужчина для женщин.

— Знаете, месье, она вызывает у меня жалость.

— Это бессмысленное занятие! Она пытается выгородить человека, который не задумываясь убил бы ее, если бы ему представилась такая возможность. Этот человек, вероятно, убил вашего мужа, безусловно вашего шофера и не исключено, что он совершил нападение на вашего сына.

Она еще больше побледнела и быстро поставила чашку, которую подносила к губам.

— И у вас нет ни малейшей зацепки, которая могла бы привести вас к этому человеку! Это ужасно! Я понимаю, что Поль находится в безопасности, только когда ваши агенты охраняют его в доме и снаружи, но так не может продолжаться до бесконечности! Ведь должно же существовать что-то, что поможет вам обнаружить убийцу?

Он пожал плечами.

— Это мужчина, нравящийся женщинам. Он должен быть молод, в противном случае ему не понадобился бы седой парик для камуфляжа. Ростом, вероятно, с Колла, и в темноте, в ливрее, похожей на ливрею Колла, он имел с ним сходство, раз офицер полиции обознался. Неизвестный — живой, дерзкий и энергичный человек. Он очень аккуратно убил Колла. Он сумел не только покорить маленькую дурочку Селин, но и вселить надежду в Гонорин Лорд. Это другая сторона дела. Несчастливая секретарша вашего мужа собиралась выйти за него замуж.

Мадам Видмер широко раскрыла глаза и вздрогнула.

— Возможно ли это! Ведь Гонорин была отнюдь не глупа.

— Вы правы. Он безусловно хорошо воспитан и, несмотря на его связь с Селин, я уверен, что он не рецидивист, хотя теперь он возможно и способен совершить любой поступок. Видимо он начал с этого, потому что увидел возможность быстро и легко заполучить крупную сумму. Он решил, что этой суммы ему хватит, чтобы стать богатым и уважаемым гражданином. Одного этого преступления ему было бы достаточно... Первого и последнего, но вышло не все так, как он рассчитывал.

— А эту крупную сумму он должен был получить в результате продажи драгоценностей, которые купил мой муж? Значит, Гонорин Лорд предала своего хозяина?

— Да, но нам еще неизвестно, что же конкретно произошло. Она увлеклась этим неизвестным. Фелисити Видмер покраснела и проговорила неуверенно:

— Она немолода и некрасива, а Эжен по отношению к ней был таким щедрым. Она многим была обязана ему. Между прочим он оплатил ее занятия иностранными языками. Он дал ей денег на поездку в Англию. Она же ничего не умела, когда Эжен взял ее на работу.

— А она предала его!

— Выходит, она была в заговоре против Эжена, да? И это привело ее к гибели?

— Мы не знаем, каким образом неизвестному удалось уговорить Гонорин Лорд, но, безусловно, он был очень убедителен. Для меня в этой истории самым невероятным кажется то, что ваш муж отправился переодеваться на вокзал, чтобы походить на бедняка. Мне кажется, ключ к разгадке всей истории именно в этом.

Он поставил чашку на стол, закурил новую сигарету и задумался.

— Я много думала об этом, месье, после того, как вы рассказали мне об этом. Можно подумать, что Эжен переоделся для того, чтобы отправиться в такое место, где его не должны были узнать.

— Или он хотел, чтобы его принимали за бедняка. Может, он переоделся для того, чтобы отправиться в бедный квартал, но в таком случае он не поехал бы на «испано». Вместе с тем, Колла что-то знал, за что и поплатился жизнью. Я решил, что ваш муж, переодевшись, оказался не в том месте, которое собирался посетить.

— Вы полагаете, что Колла следил за моим мужем?

— Я так думал, мадам. Месье Видмер приказал ему ожидать его, но тот последовал за ним. И вот итальянец мертв. Если бы он пришел ко мне и рассказал о том, что он видел в тот вечер, то остался бы жив. И дело было бы закончено в течение суток.

— Все это очень странно, — сказала она. — Сначала я подумала, что бедный Эжен уехал с другой женщиной, но тогда бы он не облачился в этот нелепый костюм. И было бы невозможно объяснить убийство Колла только тем, что он видел его с другой женщиной. Потом еще есть эта Гонорин Лорд... Мысль о том, что она участвовала в заговоре против Эжена, меня потрясает!

— Но она дорого заплатила за это. Она умерла, и лично я убежден, что ее убил незнакомец.

— Великий Боже! Этот человек ужасает меня! У него нет ни малейших проблесков совести. И Гонорин... Мне кажется, ее трудно в чем-то упрекнуть. Она была некрасивой, но пылкой. Этот ужасный человек очаровал ее. Бедная Люси! Так называли ее близкие друзья. Она считала себя приговоренной остаться старой девой и...

Мадам Видмер остановилась, увидев, что Сатурнин встал с напряженным взглядом.

— Черт возьми! — сквозь зубы процедил он. — Какой я дурак!

— Месье, я не понимаю...

— Все хорошо! Все совершенно ясно! — Он схватил шляпу и устремился к двери. — Я ясно вижу всю историю, мадам. Наконец-то! Больше нет темных мест, и я не замедлю арестовать его. Но сейчас не время говорить об этом. До свидания, мадам. Какой же я был дурак!

Глава 31

На борту ли он?

Огромный пакетбот ослепительной белизны подавлял своим великолепием все окружающие его суда. Ангары и таможи казались крошечными домиками, а автомобили — ползающими насекомыми.

Сатурнин Дакс и Феликс Норман вышли из машины и поспешили к сходням. Оба мужчины поднялись на борт.

— Сюда, мой мальчик.

Обменявшись знаками с капитаном, Сатурнин медленно поднялся по трапу, прошел по верхней палубе и толкнул дверь с надписью «Курительная и бар». В помещении стояли маленькие прикрепленные к покрытому линолеумом полу столики, а за стойкой стоял стюард в белой куртке.

— У вас есть марк? — спросил Сатурнин.

Стюард печально покачал головой.

— Не раньше чем отплывем.

Сатурнин сел за один из столиков и закурил сигарету. Феликс устроился рядом.

— А он на борту? Наверняка?

— Его багаж только что отнесли в каюту, — спокойно ответил Сатурнин. — Это правило относительно напитков абсурдно.

— Предположите ошибку, — сказал Феликс. — У него может быть фальшивый паспорт и два разных багажа.

Сатурнин зевнул.

— Совсем не спал ночь, — заметил он. — Почему мы не поговорили с этим любезным капитаном. Нам, возможно, дали бы выпить.

Дверь в курительную открылась, и в помещение заглянул Жорж Адлер. Они увидели его голову и плечи, а затем он исчез. Сатурнин и Феликс встали, вышли на палубу и последовали за черным плащом Адлера. Спустились по лестнице, прошли за какую-то дверь и пошли по толстому ковру. Адлер ни разу не обернулся и уверенно шел вперед. Он повернул направо, потом налево, бросая взгляды на стены коридора, на которых стрелками были указаны направления.

Адлер остановился около двери двухместного люкса и подождал остальных.

— Он здесь, патрон, — сказал он, прижав губы к уху комиссара. — У него ирландские паспорта на имя месье и мадам Делани. Каюта на двоих... но его жена больна и не может ехать.

Прежде чем войти в каюту, комиссар огляделся вокруг. Пожилой мужчина в шляпе, покрывавшей седые волосы, стоял спиной к двери и спокойно смотрел через иллюминатор на воду. Аппарат, который носят глухие, торчал из одного его уха. В темно-синем костюме он казался тонким, но крепким.

— Итак, доктор! — вполголоса проговорил Сатурнин.

Быстрым и нервным движением человек повернулся на каблуках. Он был в черных очках.

— Простите, — сказал он по-английски. — Простите, господа, но это моя каюта. Мое имя Делани.

— В самом деле?

Сатурнин сделал шаг вперед.

— Смею утверждать, что вас зовут доктор Алекс. Камилл Алекс, не правда ли?

Резко повернувшись, человек вскочил на одну из коек и быстро просунул голову в открытый иллюминатор. Но Сатурнин успел схватить его за ногу и свалил на пол, за что был удостоен самых отборных ругательств. Шляпа, парик и очки упали на пол, когда он отбивался от комиссара. Наконец общими усилиями его вынудили встать, и Феликс вытащил у него из кармана револьвер.

Адлер закрыл дверь каюты на задвижку.

— Ну! — закричал Алекс. — Действуйте, бандиты!

Они сняли с него пиджак и жилет, и Феликс методически ощупал его карманы. Сатурнин задрал рукав на его руке. Загорелая рука задержанного не имела никаких отметин.

— Вот как? Значит, вы заметили, как этот любопытный парень из кафе рассматривал вашу руку, доктор?

Сатурнин с силой потер кожу, и на ней проступило изображение сердца и буквы «Ж».

— Но вот что меня очень интересует, доктор. Где находятся драгоценности? Драгоценности Эжена Видмера?

— Ищите их сами, вы... — Алекс рассмеялся.

— На нем их нет, — сказал Феликс.

— Хорошо. Мы найдем их в его багаже. Оденьте его.

Алекс не пытался больше сопротивляться. Он был расстроен и с силой закусил губу. Надев на него одежду, надели заодно и наручники.

— Уведите его, Жорж, и подождите нас в машине. Мы подойдем через пять минут.

Феликс уже открыл чемоданы, на которых были карточки с именем Делани и номером каюты. Пленник в сопровождении Адлера и Флаша уже ушел, Сатурнин и Феликс осмотрели содержимое чемоданов. Из четырех только два были с вещами, в остальных почти ничего не было.

— Он был беден, — сказал Сатурнин. — Это несчастье быть бедняком.

— Дьявол! — воскликнул Феликс. — Я ничего не могу найти. Нигде ничего нет. Это странно!

Он пошарил в башмаках, разломил пополам мыло, внимательно осмотрел книгу, лежащую на столе.

Минут через десять полицейские прекратили поиски и переглянулись. Ничто в четырех чемоданах не ускользнуло от их внимания.

Закурив сигарету, комиссар стал укладывать вещи на место.

— Мы не можем задерживать отплытие судна, мой мальчик. Надо снести вещи на берег.

Он внимательно осмотрел обе койки. Феликс — ванную комнату, шторы и ковер.

— Черт возьми, — закричал он, — этот подонок сказал нам, чтобы мы сами искали драгоценности, значит они здесь. Он не мог сбежать без них. Поверьте мне, что...

Он замолчал, так как комиссар, вооружившись перочинным ножом, стал вскрывать кожаную ручку чемодана. Понадобилась минута, чтобы срезать кожу. Под ней обнаружился белый полиэтиленовый мешочек, в котором находилось что-то блестящее. За ним последовали другие... во всех лежали изумруды, бриллианты, рубины.

— Пусть меня повесят! — воскликнул Феликс. — Вот они!

Это были драгоценности, которые купил Видмер и ради которых доктор Алекс стал убийцей.

Глава 32

Инспектор Дакс распутывает дело

Сатурнин Дакс вошел в элегантный кабинет шефа полиции.

— Алекс признался, — сказал он, — во всяком случае в том, что касается Эжена Видмера. Учитывая то обстоятельство, что тело зарыто в его саду, улица Мешен, ему было трудно отрицать это. Тело можно опознать.

У него был усталый вид, и он буквально упал в кресло возле письменного стола шефа. Последний откинулся назад в своем кресле.

— Отлично! — воскликнул он. — Это животное не замедлит признаться в том, что он убил и шофера-итальянца.

Сатурнин пожал плечами.

— Достаточно одного убийства, если мы будем иметь дело не с тупыми присяжными и если Алекс не найдет очень ловкого адвоката. Он пытается свалить все на Гонорин Лорд. Женщина темпераментная, старше его, смесь леди Макбет с сиреной из Голливуда. Женщина подбила его, он только исполнитель. Но я полагаю, что это не пройдет.

Тонкие брови шефа нахмурились.

— Надеюсь! Врач-убийца! Такое животное очень опасно.

— Без сомнения. Около сорока восьми часов назад мы начали составлять досье для прокуратуры. Я верю, что мы сможем доказать, что врач убил Колла. У него были причины сделать это. Изумруд, спрятанный в комнате шофера, принадлежал к числу купленных Видмером, а все остальные находились у Алекса. Более того, отпечатки именно его пальцев обнаружены на приборном щитке «испано». Защите будет трудно опровергнуть этот факт, учитывая то, что Колла был убит в машине очень точным ударом ножа, что свидетельствует о знании убийцей анатомии. Нет... мы, по крайней мере, добьемся того, что наш врач будет помещен в такое место, где он не сможет никому навредить.

— А эту женщину... Лорд... все же убил тоже он, комиссар?

— Я уверен в этом, но боюсь, мы никогда не сможем доказать это. Он познакомился с ней приблизительно год назад и был с ней очень любезен, надеясь, что она сможет привести его на богатых клиентов. В известной степени, она была вхожа в те круги, где было много денег. И как секретарь Видмера заведовала приглашениями на обеды и приемы. Иногда она присутствовала на обедах, а в такой обстановке, как правило, осознается собственный вес и общественное положение. Она была оскорблена и унижена зависимым положением, находясь среди людей, которые, возможно, покровительственно разговаривали с ней. Но то была вина не Видмера с его добрым и великодушным сердцем. Гонорин Лорд до сумасшествия влюбилась в доктора Алекса. Молодой и красивый, но бессердечный, он был умен, беден, тщеславен и лишен совести.

— Да, — сказал шеф, — но как секретарь и врач сумели заманить в ловушку бедного Видмера? Это меня очень интригует. Почему он пошел переодеваться в отвратительный костюм в день своего исчезновения?

— Да, тут можно быть заинтригованным, но объяснение довольно просто, и с помощью некоторой доли воображения я нашел его. Тихий, неврастеничный Эжен Видмер считал себя больным и хотел проконсультироваться у врача и основательно. В сущности, он желал довериться врачу, который освободил бы его от мнимых и реальных болезней и который не знал бы о его богатстве...

— Боже мой! И он выбрал доктора молодого и неизвестного. Алекса?

— Да. Потому что, не имея широкой известности, тот считался очень знающим. Видите ли, будучи богатым, Видмер думал, что если врач будет знать об этом, то увидит возможность извлечения выгод. А Видмер чувствовал себя плохо и хотел знать правду. Ловкий врач мог уверить его в чем угодно, начиная от катара верхних дыхательных путей до рака. И Видмер решил обратиться к хорошему врачу, который не будет знать, что его клиент богат и вообще ничего не будет знать о нем, включая и его имя.

— Боже! И он переоделся в костюм бедняка, чтобы инкогнито посетить Алекса?

— Совершенно верно. Видмер вообразил, что, переодетый в бедняка, став, например, Жаном Дюпоном, почтовым служащим, он узнает правду о своем здоровье, в то время как богач Видмер мог бы стать дойной коровой для недобросовестного врача.

Шеф согласно кивнул.

— Звучит правдоподобно, — согласился он. — Но для меня мало убедительно. Я предпочитаю иметь дело с известными врачами, которым я могу доверять.

— Но Видмер был очень нервным и больным пессимистом. Такие типы людей легко принимают за истину неправдоподобные истории. Они дают таким образом возможность разбогатеть всяким шарлатанам. К тому же случается, что шарлатан их вылечивает, чего не смог бы сделать опытный врач.

— И тогда, мой дорогой комиссар, наш несчастный Эжен Видмер доверился Гонорин Лорд и Камиллу Алексу? Вероятно, секретарша и рекомендовала ему своего возлюбленного?

— Очень может быть. Я нашел одного старого хирурга, который уже не практикует. Он член Паддок-клуба и вы безусловно слышали его имя, Фортюне Блоу. Не говоря за чем, Видмер расспрашивал его об Алексе, и тот сказал ему, что Алекс отлично учился и стал прекрасным врачом. Эжен Видмер вероятно хотел проверить рекомендации Гонорин Лорд. Несколько дней спустя он отправился проконсультироваться с Алексом и с тех пор никто больше его не видел живым.

— Бедняга! Кажется, я вам говорил, что был знаком с Эженом Видмером?

Сатурнин утвердительно кивнул.

— Я понимаю, — ответил он. — А вот послушайте, что выдвигает в свою защиту Алекс. Он утверждает, что все организовала Гонорин Лорд. Она сказала ему, что Видмер неврастеник и настаивала, чтобы Алекс убил ее патрона. Алекс был в ужасе. Конечно, он хотел занять много денег, но мысль об убийстве его ужасала. Тем не менее, мало-помалу, женщина сумела убедить его. Понимаете? Она сообщила, что Эжен Видмер купил драгоценности для любовницы, которая не желает их принимать.

— Боже мой! Это неплохая защита. Алекс молод и обаятелен и при большом везении сможет выкарабкаться. Вы знаете наше жюри.

— Между тем, — продолжал Сатурнин, — Гонорин Лорд оставила стенографические записи, показывающие, что ее увлечение было глубоким. Это была неплохая женщина, а по сравнению с Алексом, ее можно считать ангелом. Я полагаю, что мы сможем доказать, что обстоятельства вынудили ее играть подобную роль. Ей было поручено хранение целого состояния в драгоценностях, и никто, кроме нее и Видмера, не знал, где находятся камни. Это было искушением. Но, прежде всего, она жаждала замужества... замужества с красивым и блестящим Алексом, который никогда бы не женился на девушке без денег. Вероятно, она сказала ему, что Видмер очень тихий, что достаточно будет угрозы, чтобы завладеть драгоценностями. Угроза же послужит и гарантией от дальнейшего их преследования. Эжен Видмер, например, был весьма заинтересован в том, чтобы жена не знала о его дружбе с мадам Мендоза... хотя тут ничего не было нескромного. Он по-своему любил жену, но пасынок сделал его жизнь невыносимой.

Шеф энергично кивнул головой.

— Это мне понятно, — согласился он.

— Тут всё ясно, — воскликнул Сатурнин с не меньшей энергией. — Возможно, Алекс убедил Гонорин, что ничего плохого с ее хозяином не случится. Однако ее записи показывают, что она не была полностью убеждена в этом. Она была слишком умна для того, чтобы такой человек, как Видмер, мог попасть в ловушку и не пострадать. Она допускала даже, что он может получить смертельный шок, а с другой стороны, она чувствовала, что у Алекса нет ни малейшей жалости и совести. Заметьте, что Эжена Видмера можно было держать пленником под угрозой раскрытия его отношений с Мендоза, если он заупрямился бы в отношении драгоценностей. Это могло быть тем более вероятным, что речь шла о такой сумме, которую Видмер согласился бы легко потерять. Гонорин Лорд таким образом уверила себя, что смертельный исход совершенно не обязателен. Но что бы Алекс ни говорил своей соучастнице, у него было намерение убить Видмера. Днем в пятницу 26 сентября он отпустил свою уборщицу. Потом под разным предлогом в течение десяти дней не пускал ее в дом, хотя обычно она приходила ежедневно. Ему нужно было спрятать тело.

— О, да, — сказал шеф. — Нет ничего хуже врача, ставшего преступником. Представьте себе этого маленького, несчастного человека, переодетшегося в бедняка и отправившегося поделиться своими страхами к этому негодяю! И я полагаю, что шофер-итальянец Колла видел, как хозяин входил к врачу.

— В этом нет никакого сомнения. Гидо видел этот ужасный зеленый костюм, который его хозяин надел на вокзале Сен-Лазар. Он был из тех людей, которые высматривают для себя выгодное дельце. Получив приказание отправиться в место, новое для Эжена Видмера, он счел это весьма странным. Без сомнения, Видмер остановил машину на такой улице, откуда нельзя было видеть, что он пошел к доктору. Он сказал Колла, чтобы тот подождал его, но Гидо ослушался. Он проследил за хозяином и увидел, как тот входил в дом врача. Кто знает, не видел ли он, как Камилл Алекс сам открывал дверь Видмеру? В любом случае, он видел имя Алекса на дверях. А потом Эжен Видмер исчез! И Колла решил попробовать шантажировать врача... чем и подписал себе смертный приговор...

— Да, итальянцу не удалось справиться с врачом, не так ли, комиссар?

— Теперь, когда мы наверно знаем, куда отправилась эта красно-белая машина, мы без сомнения найдем и людей, которые видели ее водителя 26 сентября. Но я должен был сразу же заподозрить доктора Алекса. Еще тогда, когда встретился с ним у тела Лорд.

— В самом деле? — удивленно спросил шеф. — Не понимаю, почему, мой дорогой комиссар? Ведь это был местный врач, которого пригласил директор отеля?

Сатурнин улыбнулся и потрепал усы.

— Невидимый мужчина, — сказал он. — Один английский автор написал, что иногда человека не замечают потому, что привыкли видеть его каждый день исполняющим свои ежедневные обязанности. Возьмем почтальона. Он каждый день входит в дома с сумкой на плече. Я поступил так же, не обратив внимания на врача, которого позвали к упавшей из окна Гонорин Лорд. А между тем он был тут, наш молодой врач. Красивый малый, живой, активный... У него было все, что могло вскружить голову малопривлекательной старой деве.

— Вы слишком строги к себе, комиссар. В конце концов кто угодно мог войти незамеченным в отель, такой спокойный, персонал которого ограничивался двумя-тремя слугами. С другой стороны, ведь ничто не указывало на убийство. Даже теперь, мы не можем утверждать, что Гонорин Лорд отправилась в Сен-Жен для того, чтобы покончить с собой. Но мы не можем утверждать и то, что она не покончила с собой.

— У нее были драгоценности Эжена Видмера, — сказал Сатурнин. — Тот уже с неделю как исчез. Может быть, Алекс позвонил ей и прямо сказал, что уничтожил ее хозяина. Но, вероятно, она и сама уже не сомневалась в этом. Ожидание для нее становилось нестерпимым. Ей было необходимо повидать Алекса, чтобы удостовериться в этом, а главное, чтобы еще раз получить уверения, что он на ней женится. Она знала, что у него в Сен-Жен была маленькая вилла, где он проводил уик-энды, и отправилась туда под вымышленным именем. Без сомнения он сказал ей, что не мог встретиться с ней раньше, и также не вызывает сомнения и то, что у него не было ни малейшего желания видеть ее у себя спустя восемь дней после исчезновения Эжена Видмера. Таким образом, Гонорин Лорд допустила ошибку. Она сделала и еще одну, захватив с собой в Сен-Жен драгоценности. Возможно, она думала, что они помогут ускорить ее замужество. Она полностью доверяла Камиллу Алексу, верила, что он действительно влюблен в нее. А он вовсе не был влюблен. Он никого, кроме себя, не любил и не собирался жениться на этой немолодой и некрасивой женщине, которая к тому же знала, что он убийца. Никем не замеченный он спокойно вошел в отель.

Что же произошло потом? Показала ли она ему драгоценности? Или просто сказала ему, что привезла их? Он мог уговорить ее отдать их ему просто из доверия, или для того, чтобы он смог продать их. Тут только гипотезы. Она ему верила, и ему ничего не стоило совершить преступление, когда она стояла у открытого окна. Потом он вылез из того же окна и спустился по пожарной лестнице. Если бы его обнаружили возле тела, у него была приготовлена версия. Расстегнув платье, он снял с ее шеи цепочку с обручальным кольцом, им же подаренным ей. Кольцо не имело цены, но могло выдать его, если бы его обнаружили. Он никого не видел, и его никто не видел в этом пустом отеле. Он вернулся к себе на виллу через лес. И опять его никто не видел. Обнаружив тело, хозяин быстро вызвал врача, живущего недалеко от отеля. Так Камилл Алекс, на свое несчастье, впутался в это дело.

— Боже мой! Какая ирония судьбы! Подумать только! Если бы не это, его никогда не обнаружили бы... конечно, после того, как он избавился от Колла.

— Это возможно, если бы убийство Колла было бы исполнено менее ловко. Это было намного опаснее, чем убийство Эжена Видмера или его секретарши. Но я должен был бы заподозрить Камилла Алекса с того момента, как увидел его, потому что его выдал язык. Это то, что и выдало его в конечном счете.

— Каким образом? — шеф вопросительно посмотрел на своего подчиненного.

— Камилл Алекс, — пояснил тот, — говоря мне о погибшей, назвал ее «Люси Лорд». Он сразу же спохватился, но было уже поздно. Кажется, она ненавидела имя Гонорин и, как это часто случается, придумала себе имя, которым ее называли только близкие друзья.

— Но в тот момент вы ведь не могли это знать, дорогой комиссар!

— Я должен был вспомнить, что Камилл Алекс упомянул это имя. Но важность этого момента ускользнула от меня. Фактически он дважды ускользал от меня. Некая Алиса Батлер, подруга Гонорин Лорд, которая принесла мне те стенографические записи, о которых я рассказывал вам, тоже называла Гонорин «Люси». И снова это мне ни о чем не сказало, лишь что-то промелькнуло в моем мозгу и исчезло. И только во вторник утром, когда мадам Видмер тоже упомянула о «бедной Люси», мне стало все ясно. На этот раз я не сплеховал, я сразу все увидел! Молодого врача возле мертвого тела в саду; точный удар ножа в теле Колла; человека, одетого шофером, фигура которого чем-то смахивала на фигуру Колла; человека, который по телефону имитировал

голос Видмера, а позднее передо мной голос Поля. У него отлично получились характерные интонации и акценты. И как хороший актер умел гримироваться и переодеваться.

— Прекрасно! — сказал шеф. — Все эти сведения помогут доказать, что он убил Колла и что мы имеем дело с опасным преступником, который старательно подготовил свои преступления. Больше того, он попытался бросить подозрение на других людей. Подражая голосу Видмера, он заставил Форестье проскользнуть, словно вор, в свой собственный сад, в котором Алекс спрятал тело Колла.

Сатурнин кивнул головой и встал. Зевая, он подошел к окну, чтобы полюбоваться Сенной. Погода начала портиться, и легкие облака набегали на солнце. Поднялся ветер, и расположенные на воде у берега купальни начали покачиваться. Быстрые чайки в поисках рыбы кружили над водой — им погода была безразлична.

Прекрасный вид открылся из окна, несмотря на то, что солнце почти скрылось за облаками, и комиссар Дакс чувствовал, как он истосковался по красоте.

**ЗАРУБЕЖНЫЙ
ДЕТЕКТИВ**